ЦВЕТНАЯ

Россия до потрясений

ИМПЕРИЯ

ПРОКУДИН-

Фотограф Сергей Михайлович

ГОРСКИЙ

РИПОЛ
КЛАССИК

Цветная империя

Россия до потрясений

Прокудин-Горский

Фотограф Сергей Михайлович

Москва Рипол Классик 2015

УДК 77
ББК я6
Ц275

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
"Культура России (2012-2018 годы)"*

ISBN 978-5-386-08095-2

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Листать эту книгу означает совершать экскурсию по истории нашей страны в сопровождении уникального гида, современника событий и людей, запечатленных в его фоторепортажах. Автор иллюстраций, собранных в предлагаемом фотоальбоме, — Сергей Михайлович Прокудин-Горский (1863–1944), пионер отечественной цветной фотографии, общественный деятель, изобретатель и ученый, посвятивший всю жизнь становлению искусства фотографии. Это искусство он поставил на службу своей родине — России.

Беспокойные душа и ум Прокудина-Горского с юности требовали все новых знаний. Не закончив полного курса в Александровском лицее, он слушал лекции по естественному разделу на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета, затем был слушателем Императорской военно-медицинской академии, изучал также живопись. Но истинной любовью Семена Михайловича была фотография, только зарождавшееся тогда искусство.

Обширные знания, полученные награды и авторитет Прокудина-Горского снискали ему поддержку самого императора Николая II. При большой финансовой и технической помощи государства, при этом не жалея собственных средств, Прокудин-Горский фотографировал бескрайние просторы страны, ее стройки, достопримечательности, в то же время не упуская из виду лица, одежду, предметы быта и праздники представителей многочисленных народов России.

Он пытался снять солнечное затмение в Туркестане и фотографировал Урал и Среднюю Азию, которые большинству россиян представлялись недостижимее, чем Солнце.

Он осуществлял проект, посвященный столетию победы над Наполеоном. Бесценными историческими документами стали первые цветные фотографии Льва Толстого, сделанные в Ясной Поляне, а также снимки Федора Шаляпина.

Наряду с многочисленными творческими командировками, участием в международных выставках, Сергей Михайлович неустанно работал над созданием не только качественной цветной фотографии, но и цветного кино. Многим задумкам этого подвижника помешали события 1917 года и последующая Гражданская война.

Тем не менее он оставил коллекцию, которая позволяет нам увидеть Россию начала XX века не в фантазиях современных художников или кинематографистов и даже не в сухих исторических фактах.

Работы Прокудина-Горского — лучшее доказательство тому, что царствование Николая II стало временем самых высоких в дореволюционной истории России темпов экономического

роста. По этому показателю наша страна вышла на первое место в мире, опередив даже стремительно развивающиеся США. Вдвое увеличилась сеть железных дорог. К началу XX века Россия занимала третье место в мире по выплавке чугуна и первое — по добыче нефти.

Показателем модернизации служил рост числа горожан — буржуазии, интеллигенции, рабочих. В начале столетия в России было основано много крупных промышленных предприятий. Широко использовался европейский опыт. Однако экономически Россия развивалась очень неравномерно, многие ее народы бытом и сознанием «застряли» чуть ли не в Средневековье. Ведь территория нашего государства к 1914 г. делилась на 81 губернию и 20 областей, в стране насчитывалось 947 городов. Официальными вассалами Российской империи были Бухарское ханство, Хивинское ханство. В 1914 г. под протекторат Российской империи был принят Урянхайский край (Тува).

Познакомившись с этим альбомом, вы сможете составить ясное представление о том, как одевались и выглядели аристократы, чиновники, военные, крестьяне и рабочие России, ощутить ритм и трудность глобальных строек, узнать, какова была Россия в войне и мире. И конечно, оценить подвижничество одного из удивительнейших русских людей — Сергея Михайловича Прокудина-Горского.

ГОРОДА И ГУБЕРНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

22 октября (2 ноября) 1721 года Петр I принял титул императора и объявил управляемую им страну империей. Произошло это во время торжеств по случаю заключения Ништадтского мира, знаменовавшего окончание Северной войны. Канцлер граф Г. И. Головкин официально обратился к Петру I с просьбой принять высочайшее звание «Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого». Поначалу это вызвало множество протестов со стороны европейских держав. Первыми признали новый титул русских царей Пруссия, Нидерланды и Швеция, затем Турция (1739), Англия и Германская империя (1742). В 1745 г. Российская империя получила признание со стороны Франции и Испании, в 1764 г. ее признала Польша.

К концу XIX века территория Российской империи занимала 22,4 миллиона квадратных километров, что составляло 1/22 долю всего земного шара и примерно шестую часть поверхности суши. Общая длина границы империи насчитывала 64 900 верст (69 235 км), в том числе морская граница — 46 270 верст (49 361 км). Согласно переписи 1897 г., население составляло 128,2 миллиона человек, в стране проживали более 200 народов.

Все население считалось подданными Российской империи, мужское население (от 20 лет) присягало на верность императору. Подданные империи делились на четыре сословия («состояния») — дворянство, духовенство, городские и сельские обыватели. Местное население Казахстана, Сибири и ряда других районов империи выделялось в самостоятельное сословие — инородцы.

Гербом Российской империи служил двуглавый орел с царскими регалиями; государственный флаг представлял собой черно-бело-золотое полотнище. Использовался и другой флаг, бывшего российского торгового флота — бело-сине-красный (горизонтальные полосы); государственный гимн — «Боже, Царя храни!».

Территория государства к 1914 г. делилась на 81 губернию и 20 областей; насчитывалось 947 городов. Часть губерний и областей была объединена в генерал-губернаторства (Варшавское, Иркутское, Киевское, Московское, Приамурское, Степное, Туркестанское, Финляндское). Официальными вассалами Российской империи были Бухарское и Хивинское ханства. В 1914 г. под протекторат Российской империи был принят Урянхайский край (Тува).

Губернии и области традиционно делились на Европейскую Россию, Привислинский край (Царство Польское), Кавказ, Сибирь, Среднеазиатские владения (Степные и Средне-Азиатские области) и Финляндию.

В состав Европейской России входил 51 регион: 50 губерний (Архангельская, Астраханская, Бессарабская, Виленская, Витебская, Владимирская, Вологодская, Волынская,

Воронежская, Вятская, Гродненская, Екатеринославская, Казанская, Калужская, Киевская, Ковенская, Костромская, Курляндская, Курская, Лифляндская, Минская, Могилевская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская, Полтавская, Псковская, Рязанская, Самарская, Санкт-Петербургская, Саратовская, Симбирская, Смоленская, Таврическая, Тамбовская, Тверская, Тульская, Уфимская, Харьковская, Херсонская, Холмская, Черниговская, Эстляндская, Ярославская) и Область Войска Донского.

К Остзейским относили Курляндскую, Лифляндскую, Эстляндскую губернии.

Города Санкт-Петербург, Москва, Севастополь, Керчь (Керчь-Еникальское), Одесса, Николаев, Ростов-на-Дону, а с июня 1914 г. и Ялта управлялись градоначальствами.

Царство Польское состояло из девяти губерний (Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сувалкская).

До 1913 года существовала Седлецкая губерния, упраздненная при образовании Холмской губернии.

В состав Кавказа (Кавказского края) входило 14 регионов: семь губерний (Бакинская, Елизаветпольская, Кутаисская, Ставропольская, Тифлисская, Черноморская, Эриванская), 5 областей (Батумская, Дагестанская, Карская, Кубанская, Терская) и два округа (Сухумский и Закатальский). Город Баку управлялся градоначальством.

Сибирь состояла из 10 регионов: четыре губернии (Енисейская, Иркутская, Тобольская, Томская) и шесть областей (Амурская, Забайкальская, Камчатская, Приморская, Сахалинская, Якутская). На территории региона имелись генерал-губернаторства: Иркутское (Иркутская и Енисейская губернии, Забайкальская и Якутская области) и Приамурское (Амурская, Камчатская, Приморская, Сахалинская области).

Среднеазиатские владения включали 9 областей (Акмолинская, Закаспийская, Самаркандская, Семипалатинская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Тургайская, Уральская, Ферганская).

Великое княжество Финляндское делилось на восемь губерний (Або-Бьёрнеборгская, Вазаская, Выборгская, Куопиоская, Ниеланская (Нюландская), Санкт-Михельская, Тавастгуская (Тавастгусская), Улеаборгская).

...Маршруты путешествий С. М. Прокудина-Горского пролегали через несколько губерний, названия которых непривычны для современных ушей. Это Олонецкая, Таврическая и Черноморская губернии. Каждая из них имела уникальную особенность.

Олонецкая губерния постоянно попадала в сферу влияния сменяющихся монархов. Екатерина II именным указом от 24 августа (4 сентября) 1776 г. образовала Новгородское наместничество, в составе которого была выделена тогда еще Олонецкая область. В нее, в свою очередь, вошли пять уездов: Олонецкий, Петрозаводский (бывшее Петрозаводское ведомство), Вытегорский, Паданский (бывшее Лопское Паданское комиссарство), Каргопольский. Через пять лет Олонецкая область была передана в Петербургскую губернию. 12 (23) мая 1782 г. центром области, вместо Олонца, был утвержден Петрозаводск.

Про Олонец современному читателю известно гораздо меньше, чем, например, про Петербург, Новгород или Петрозаводск. И это несправедливо: Олонецкий погост располагался в 40 км от русско-шведской границы, был местом многих героических сражений. Вообще Олонец впервые упоминается в письменных источниках XII века. В XVII веке Олонец был единым торговым, военным и административным центром Карелии. «Чтоб в городе не пусто было», сюда были переселены из разных заонежских погостов состоятельные крестьяне, занимавшиеся торговлей и промыслами, в том числе железоделательным. Предприимчивые торговцы, посадские люди Олонца на своих небольших судах ходили даже в Стокгольм. В конце XVII века Олонец насчитывал 726 дворов. К 1703 г. в Лодейном Поле на реке Свирь была устроена Олонецкая военная верфь, там строились фрегаты, вооружавшиеся на олонецких заводах. Об этом напоминает герб Олонца. С 1719 по 1724 г. Пётр I несколько раз бывал в Олонце и лечился на олонецких марциальных водах. Марциальными эти воды называются благодаря Марсу, в честь которого здесь в 1714 году получил название курорт, существующий и поныне. Назван вполне логично, ведь Марс — бог войны и железа, столь привычных быту и истории Олонца.

В 1784 г. заслуженная Олонецкая область выделена из состава Петербургской губернии и преобразована в самостоятельное наместничество, но Павел I его «административно» уничтожил, а восстановил Александр I. Примечательно, что первым гражданским губернатором только образованной Олонецкой губернии стал великий русский поэт Гавриил Романович Державин. Уже при большевиках большая часть губернии вошла в состав Карельской трудовой коммуны. Сегодня эта административная единица разделена между несколькими северными областями России. Сам Олонец на время лишился статуса города и получил его обратно в 1944 г. Таврическая губерния была самым южным административным подразделением России, центром ее служил Симферополь, из чего понятно, что часть губернии относилась к современному Крыму. Три уезда губернии (Бердянский, Мелитопольский и Днепровский) лежали на материке, а остальные — на Крымском полуострове. От Екатеринославской

и Херсонской губерний Таврическая губерния отделялась реками Бердой, Токмачкой, Конкой и Днепром; далее граница шла лиманом и морем. К Таврической губернии относились также Евпаторийский, Перекопский, Симферопольский, Феодосийский уезды. В 1838 г. был образован Ялтинский уезд, в 1843-м — Бердянский.

После Октябрьского переворота здесь возникали республики: Крымская Народная Республика, Советская Социалистическая Республика Тавриды, Крымская Советская Социалистическая Республика; действовало Краевое правительство. В периоды их власти Таврическая губерния была расформирована. Затем ее временно восстановило белогвардейское Правительство Юга России, но спустя несколько месяцев история Таврической губернии закончилась. 18 октября 1921 года постановлением ВЦИК и СНК была образована Автономная Крымская Социалистическая Советская Республика.

Черноморская губерния с центром в Новороссийске примечательна очень короткой историей: она была создана 23 мая 1896 г. в результате преобразования Черноморского округа Кубанской области. Первоначально губерния делилась на три округа — Новороссийский, Туапсинский, Сочинский. В 1904 г. к губернии была присоединена территория вдоль побережья Черного моря до Гагр. Черноморская губерния занимала западную часть Кавказа и тянулась длинной и сравнительно узкой полосой вдоль северо-восточного берега Черного моря, занимая пространство между ним и главным Кавказским хребтом. В марте 1918 г. Черноморская губерния была ликвидирована, а на ее территории образована, в составе РСФСР, Черноморская Советская Республика. 11 мая 1920 года был образован Черноморский округ в составе Кубано-Черноморской области на территории бывшей Черноморской губернии. И уж конечно, местным жителям никогда бы не пришло в голову, что на территории их курортной губернии когда-нибудь с большим успехом пройдут зимние Олимпийские игры. А земли Таврической губернии, побывав ближним зарубежьем, вернулись в состав России.

Вид на город Вытегру с горы.
Справа на снимке — Воскресенский собор. 1909*

* Все подписи в альбоме соответствуют авторским названиям. Там, где было необходимо, установлено более точное название.

Пожарная команда в городе Вытегре. 1909

Вид на Новую Ладогу. 1909

Рязань. Общий вид с колокольни Успенского собора с северо-востока. 1912

Бывший дворец великих князей, ныне архиерейский дом. Рязань. 1912

Рязань. Вид с востока. 1912

Старый тракт на Москву. Город Ржев. 1910

Город Старица. Общий вид с Волгой. 1910

Город Владимир на Клязьме. Вид от Успенского собора с юго-запада. 1911

Город Владимир. Вид на гору с Успенским собором с Заречной стороны. 1911

Воскресенский женский монастырь с правого берега реки Тверцы.
Город Торжок. 1910

Город Ржев. Собор Рождества Христова. 1910

Торжок. Лагерь и казармы. 1910

Группа детей. Белозерск. 1909

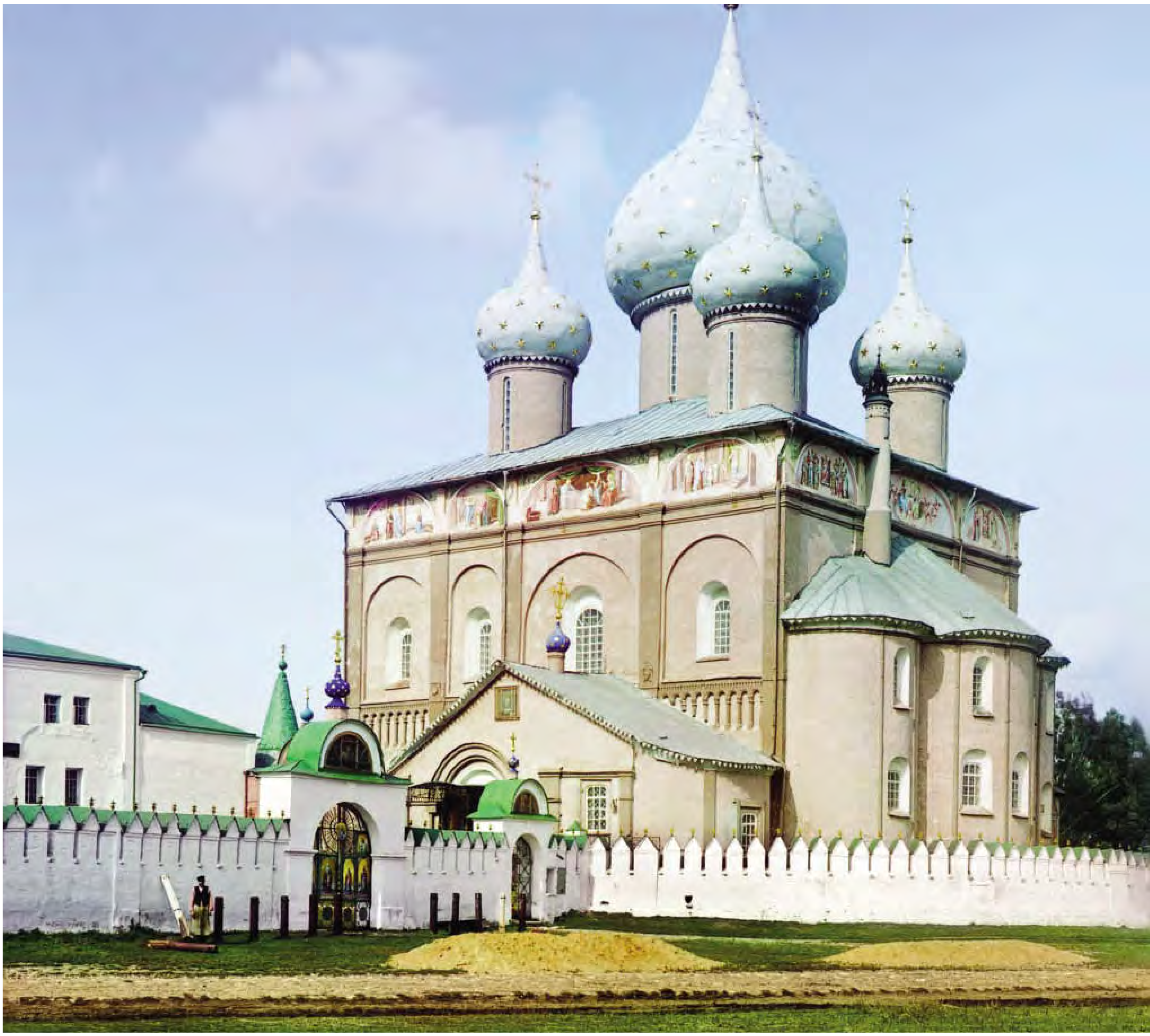
Смоленск. Никольские ворота. 1912

Крепостная стена. Башня Веселуха и башня Позднякова. Смоленск. 1912

Собор Рождества Пресвятой Богородицы. 1912

Общий вид Ростова с колокольни Всесвятской церкви. 1911

Витебск. Часть города с Западной Двиной. 1912

Витебск. Успенский кафедральный собор. 1912

Путивль. На заднем плане Молчанский монастырь. Справа — река Сейм.
Между 1904 и 1905

Историческая доска в память основания Екатеринбурга. 1909

Город Екатеринбург. Общий вид южной части. 1909

Вид на Екатеринбург от дачи начальника Горного округа. 1909

Вид на Касли. 1909

Город Далматов. Вид на западную часть с колокольни монастыря. 1912

Каслинские поселения с озером Касли. 1909

Северо-западная часть города Златоуста. 1909

Уфа. Межгорье. 1910

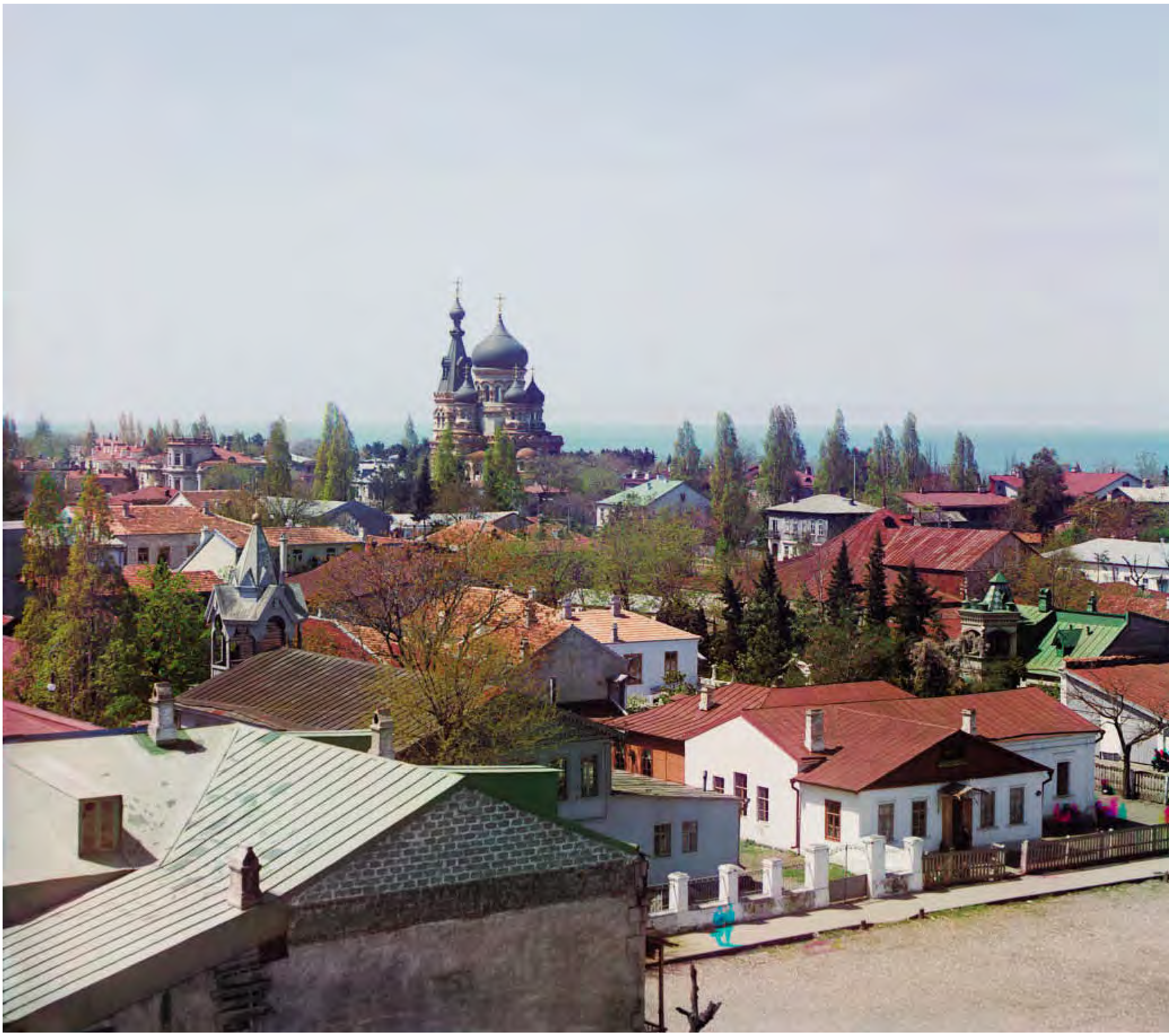
Главная мечеть в Уфе со Случевской горы. (Местожительство муфтия). 1910

Сухум. Общий вид города и бухты с горы Чернявского. 1912

Батум. Общий вид с востока. На заднем плане войсковой собор Александра Невского. 1912

Тобольский музей. 1912

Вид на Суздаль по реке Каменке. 1912

КАВКАЗ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Прокудин-Горский изобразил Кавказ так, как это делали классики русской литературы, — краем опасным и героическим, экзотическим и богатым. Начав в 1904 г. с места пленения чеченского имама Шамиля в Дагестане, в 1910-е гг. он снимает Кавказ целебный, трудовой и строящийся. Слишком долго Россия боролась за господство в этом регионе, чтобы Прокудин-Горский к 300-летию Дома Романовых не обозначил успехи политики империи на данной национальной окраине. Покорение Кавказа Россия оплатила большой кровью. По современным оценкам, за время Кавказских войн (1801–1864) безвозвратные потери военных и мирного населения Российской империи, понесенные как в ходе боевых действий, так и в результате болезней, гибели в плену, достигают не менее 77 000 человек.

В период с 1905 по 1917 г. Кавказское наместничество состояло из шести губерний — Бакинской, Елизаветпольской (губернский Елизаветполь — это современный город Гянджа в Азербайджане), Кутаисской, Тифлисской, Черноморской (с центром в г. Новороссийск), Эриванской (с центром в г. Эривань — современный г. Ереван, столица Армении), областей Батумской, Дагестанской, Карской, Кубанской (с центром в г. Екатеринодар — ныне Краснодар), Терской (центр — г. Владикавказ), а также Закатальского и Сухумского округов. Ко времени Октябрьского переворота Северный Кавказ составлял единый экономический регион вместе с Доном на базе Донской, Кубанской, Терской областей, Ставропольской и Черноморской губерний. Население насчитывало почти 10 миллионов человек, которые представляли более ста наций и народностей, причем в период с 1863 по 1913 год численность его увеличилось почти в 4,5 раза. Русские, чеченцы, осетины, кабардинцы, ингуши, балкарцы, адыгейцы, черкесы, карачаевцы, армяне, ногайцы, таты, калмыки, туркмены, белорусы, украинцы, эстонцы, молдаване, грузины составляли наиболее крупные национальные группы.

Даже после окончательного присоединения Северного и Центрального Кавказа южную окраину империи периодически сотрясали столкновения различного масштаба и характера. Наиболее кризисными периодами стали годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и время первой русской революции. В стремлении «умиротворить» неспокойный Кавказ имперская администрация прибегала не только к мерам военно-силового давления на местное население, но и пыталась распространять в крае европейское образование, просвещение и христианские традиции. Одной из главных насущных задач было обучение русскому языку, потому что имперские указы даже для местной знати оставались загадкой.

Первые шаги в распространении образования и просвещения на Кавказе предпринимал князь П. Д. Цицианов, главноначальствующий в Грузии, благодаря усилиям которого 21 мая

1804 года в Тифлисе было открыто училище «для обучения благородного Грузинского юношества»; основную задачу училища князь определил так: дать «твердое и полезное основание Российскому языку». В 1837 году на Кавказе было открыто еще одно крупное учебное заведение — Ставропольская гимназия. По социальному составу учащихся крупнейшие образовательные центры Кавказского края были преимущественно дворянскими: империя рассчитывала пополнить ряды местной лояльной знати, и это с успехом ей удавалось.

Новым этапом в развитии образовательной сферы на Кавказе стало время наместничества М. С. Воронцова (1844–1854). Администрация Воронцова подготовила проект «Положения о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, на счет казны, в высших и специальных учебных заведениях империи». Кавказская молодежь получала возможность продолжить свое образование в столичных высших учебных заведениях после окончания курса в кавказских гимназиях. Более чем вдвое было увеличено число учеников Ставропольской гимназии, обучающихся на казенный счет (с 20 до 45). Для обеспечения учеников всем необходимым предусматривалось не только увеличение казенных расходов, но и привлечение средств из войсковых сумм казачьих подразделений. Воспитанники из семей «беднейших» родителей получали ежегодное финансовое вспомоществование в размере 250 рублей серебром; деньги эти шли на приобретение учебных пособий и форменного платья. Первый кавказский наместник обратил свое внимание и на давно созревшую необходимость учреждения на Кавказе специальных училищ для детей мусульманского вероисповедания. Так, в Тифлисе в 1847–1848 гг. были открыты два мусульманских училища, одно для суннитов, другое для шиитов, в течение 1849 года открылись еще семь подобных учебных заведений (два в Дербенте, одно в Баку, два в Шемахе, по одному в Шуше и Елизаветполе). Общее число воспитанников мусульманских училищ составило 586 человек. О достигнутых М. С. Воронцовым результатах говорят цифры: к 1851 году общее число учащихся составило 8 413 человек: из них мужского пола — 8 117, женского — 296 (в то время как к моменту его назначения кавказским наместником в учебных заведениях империи всего обучалось не более 500 мужчин и женщин). Развитие образовательной сферы стало важной составляющей политики Российской империи по «умиротворению Кавказа».

Еще одним важным, если не главным стимулом для мирного сосуществования разных народов были перспективы, которые открывались на Кавказе для коренных жителей и особенно для переселенцев. В течение 50 лет, предшествовавших Первой мировой войне, Дон и Северный Кавказ представляли собой гигантскую строительную площадку: росли старые города и закладывались новые. Появлялись железнодорожные пути, заводы, фабрики, шахты,

нефтепромыслы, курорты, осваивались целинные земли. Протяженность построенных железных дорог составила 4 470 верст (4 769 км). На 1 000 квадратных верст приходилось 12,7 версты (13, 5 км) железнодорожного пути. По этим показателям регион вышел на одно из первых мест в стране. Было проложено 840 верст (896 км) дорог с твердым покрытием. В степях и на побережье, а также в предгорье и в горах выросли более 20 городов, ставших крупными социально-экономическими и культурными центрами, образовались 3 посада, 1 221 станица и волость, 3 342 сельских общества, 9 657 хуторов, аулов и других поселений.

Экономика края носила аграрно-промышленный характер. В 1913 году его валовой продукт составлял 1 439 200 000 рублей, в том числе сельскохозяйственный — 1 128 100 000 рублей. Основная масса населения занималась земледелием, животноводством, садоводством, рыбной ловлей, ремесленничеством, курортным делом, строительством. Нарождающаяся российская промышленность черпала отсюда сырье (нефть, уголь, металл) и продовольствие. По размеру валового продукта регион принадлежал к числу наиболее развитых хозяйственных комплексов страны.

Дон и Северный Кавказ стояли на первом месте по росту посевных площадей на каждые 100 сельских тружеников России. В 1913 году в Европейской части России одна шестая всей посевной площади находилась на Дону и Северном Кавказе. Причем местные производители специализировались на выращивании наиболее ценных зерновых культур — сильной озимой и яровой пшеницы и ячменя, которые пользовались особенно высоким спросом на внутреннем и мировом рынке. В 1909–1913 гг. из этого региона ежегодно вывозились 225,7 миллиона пудов зерна (пуд равен 16,38 кг)— в среднем 42 процента валового сбора зерна по стране. Дон и Северный Кавказ стояли в России на первом месте и по производству важнейших технических культур. Общий сбор семян в стране составлял (округленно) 25,6 миллиона пудов, в регионе — 23,5 миллиона пудов, или фактически 90 процентов. Кубань была главным производителем подсолнечного масла. Вместе с Черноморской губернией там производилось также 54 процента высших сортов турецкого табака и 15 процентов всего табака от общего сбора по всей стране. Ежегодная прибыль Кубани по этой статье равнялась 10 миллионам рублей.

Долины рек, предгорья, берега морей, южные склоны Кавказского хребта покрывали виноградники и сады. В 1910 г. виноградники занимали 28 910,6 десятины, в том числе в Донской области — 8 067, в Кубанской — 7 685,4, в Терской — 6 703,5, в Ставропольской губернии — 5 339, в Черноморской (1912 год) — 1114 десятин (десятина практически равна гектару). В 1915 г. в крае было собрано 5 731 000 пудов винограда, произведено из него 7 556 400 ведер

вина (примерно 76–80 миллионов литров) — по 8 литров на каждого жителя. Сады занимали 47 тысяч десятин. Окрестности больших промышленных городских центров, курортных мест (Кавказские Минеральные Воды, Сочи и др.) были зонами товарного огородничества площадью около 1 миллиона десятин. Валовой ежегодный доход от них достигал 150 миллионов рублей золотом.

Регион был крупнейшим животноводческим центром страны. В 1914 г. здесь насчитывалось 2 567 615 лошадей, 50 065 519 голов крупного рогатого скота, 7 112 500 овец и коз, 1 327722 свиней. Стадо ценных тонкорунных, мериносовых, овец превышало половину общероссийского поголовья. В хозяйствах морских, речных и озерных побережий важное место занимало рыболовство. В реках Дон, Кубань и Терек в 1913 году было выловлено около 50 тысяч пудов красной рыбы, 3,3 миллиарда штук сельдей, получено свыше 4 тысяч пудов икры. Сезонная производительность Азовского рыбозасолочного завода достигала 100 тысяч пудов. Рыбы продавалось на 2,1 миллиона рублей, в том числе на Дону — около половины.

В 1909–1911 гг. из региона ежегодно вывозилось в среднем 144,1 тысячи голов крупного рогатого скота, 11,5 тысячи лошадей, 108,1 тысячи овец, 29,4 тысячи свиней; а кроме того — 702 тысячи пудов готового мяса, 102,2 тысячи пудов сала, 684 тысячи пудов яиц. Перерабатывающая промышленность получила 577,3 тысячи пудов кож, 1,6 миллиона пудов шерсти, 93 тысячи пудов молочной продукции. В 1907–1911 гг. отсюда в среднем ежегодно отправлялось свыше миллиона пудов рыбы, 139 тысяч — на экспорт.

Как и во всей России того времени, на Дону и Северном Кавказе стремительно развивалась промышленность. За предвоенное пятилетие, с 1909 по 1914 г. выплавка чугуна выросла в два с половиной раза, железа и стали — втрое. Значительно возрос грузооборот на Владикавказской железной дороге в 1907–1913 гг., а объем вывозимых грузов стал в два раза больше.

В то же время здесь была возможность поправить свое материальное положение. Если во всей России среднегодовой заработок рабочего в 1913 г. составлял 258 рублей, то в Ставропольской губернии — 449 рублей, в Донской области — 379 рублей, в Терской — 318 рублей, в Кубанской — 241 рубль. К тому же продовольствие там было значительно дешевле. И если бы не Первая мировая война и не смена власти в 1917 г., то, возможно, Кавказ действительно стал бы цветущим и мирным краем, где уживались бы сотни народностей, одновременно сохранявшие свои традиции, ремесла и культуру.

Березовая роща на Верхнем Гунибе, где сдался Шамиль. Дагестан. 1904

Шамилиевские ворота. Верхний Гуниб. Дагестан.
В ауле Шамиля. Арка в память о пленении Шамиля. 1904

Дагестан. Аул Аракани. 1904

Аул Нижний Гуниб в Дагестане. 1904

В горах Дагестана. Вид на Хиндахскую долину из Гуниба. 1904

Салтинское ущелье. Дагестан. 1904

Армянка в праздничном наряде. Артвин. 1912

Лезгин. Дагестан, аул Аракани (предположительно). 1904

Типы Дагестана. Аул Аракани. 1904

Типы Дагестана. Аул Аракани. 1904

Аварки. Дагестанская область. Аул Аракани. 1904

Грузинка. В Боржомском парке. 1912 (предположительно)

Муллы в мечети Азизия. Батум. 1912

Мечеть во Владикавказе. Между 1904 и 1912

Арка перед входом в Тимотис-Убанский монастырь. 1912 (предположительно)

Тимотис-Убанский монастырь. 1912 (предположительно)

Село Цагвери близ Боржома. Ущелье Черной речки по направлению к Тимотис-Убанскому монастырю. 1912 (предположительно)

Цагвери. Вдали I минеральное ущелье. 1912 (предположительно)

Средняя Азия в составе Российской империи

Среднеазиатские земли, входившие в состав царской России, составляли Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Ферганская, Сырдарьинская, Самаркандская и Закаспийская области, а также сохранившие некоторую степень автономии Бухарский эмират и Хивинское ханство. Площадь этих регионов равнялась 3 076 628 квадратным верстам (3 501 510 кв. км), и на их территории проживали более 7,5 миллиона человек. В те времена некоторые национальности обозначались иначе, поэтому этнический состав среднеазиатских владений выглядел следующим образом: киргизы, сарты, кипчаки, татары, туркмены, каракалпаки, бухарские евреи, уйгуры и дунганы.

Факт завоевания среднеазиатских земель Российской империей нельзя оценить только положительно или только отрицательно. С одной стороны, российское покровительство обеспечило этому региону относительную политическую стабильность — хотя бы потому, что прекратились бесконечные выяснения отношений между местными ханами, эмирами и беками. Были ликвидированы работорговля и вообще институт рабства. Присоединение к России вернуло в мировой хозяйственный оборот среднеазиатскую экономику, практически изолированную от внешнего мира после «отрезанного» в результате военных конфликтов в конце XVI века Великого шелкового пути. С приходом русских началось интенсивное развитие сельского хозяйства, появилась промышленность, строились дороги, развивались современные средства связи и системы ирригации. Еще при Александре III начались масштабные работы по орошению земель в Туркестане. Благодаря этому урожай хлопка в 1913 г. покрыл все годичные потребности русской текстильной промышленности, а с 1894 по 1911 г. производство российского хлопка выросло практически вчетверо.

В Среднюю Азию прибыли специалисты, о которых прежде здесь не слышали, а именно: врачи, инженеры, землеустроители, ирригаторы, агрономы, ветеринары. Как и во всей России, здесь стремительно развивалось строительство железных дорог. В конце 1880 г. начались работы по строительству Закаспийской железной дороги. Эта дорога связала Каспийское море через Кизил-Арват и Асхабад с Новой Бухарой (Каган) в 1886 году, а через пару лет железнодорожное полотно достигло Самарканда, а в 1894 г. — Красноводска. В 1899 г. была построена дорога Красноводск — Ташкент; она получила название Среднеазиатская. В 1906 г. была завершена Ферганская железная дорога, в 1915 г. — Бухарская. Любопытно, что долгое время хлопок, предназначенный для доставки на текстильные фабрики Европейской России, свозили из Сыр-Дарьинской и Ферганской областей на арбах и верблюдах к Самарканду. Затем его перегружали на поезда, которые доставляли груз к Каспийскому морю, потом транспортировали

на пароходах, а дальше — вновь на поездах. Проблема многократной перегрузки хлопка решилась с введением в эксплуатацию в 1906 г. Оренбург-Ташкентской железной дороги, благодаря которой сократилось время доставки хлопка из Ферганы в Москву с 1,5 месяца до 18 — 20 дней. Обслуживали Среднеазиатскую железную дорогу около двух тысяч человек, преимущественно русские. Между тем в промышленности складывался рабочий класс из представителей местных национальностей, хотя справедливости ради надо отметить, что они выполняли самую тяжелую работу — были чернорабочими, грузчиками, и оплата их труда была в полтора раза ниже общероссийского уровня.

После присоединения Туркестана к России стала развиваться горнодобывающая и текстильная промышленность края. К началу XX столетия в этой области действовали 22 каменноугольные копи, 7 нефтяных приисков, 5 медных рудников, 4 соляных промысла, золотой прииск. Появлялись хлопкообрабатывающие и текстильные предприятия, а также мельницы, маслодельни, предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья: кожевенные, салотопенные, мыловарные, винокуренные, соледобывающие промыслы. Горная промышленность развивалась в Центральном Казахстане, где разрабатывались богатые месторождения цветных металлов и угля, железные рудники. В Западном Казахстане, Урало-Эмбинском районе началась добыча нефти. В то же время экономика региона все равно оставалась «однобокой», ориентированной на хлопок.

С конца XIX века элементы капиталистических отношений стали проникать и в сельское хозяйство Туркестана. Земля все более и более превращалась в предмет купли-продажи. Вместе с тем именно земельные угодья сразу стали причиной конфликта между местными жителями и переселенцами. Кампания по переселению в Среднюю Азию русских крестьян и казаков, имевшая целью создание дополнительной опоры для колониальной власти, приводила к вытеснению «туземцев» с их исконных земель. Основную массу первых переселенцев составляли казаки. В Семиреченской области было создано специальное войско, а в 1875–1877 гг. было организовано переселение уральских казаков-староверов на Амударью (территория современной Каракалпакии). К концу XIX века началось переселение на туркестанские земли крестьян из российских и украинских губерний. По «Положению об управлении Туркестанского края», к переселению допускались лишь «русские подданные христианского вероисповедания, принадлежащие к состоянию сельских обывателей». Крестьяне-переселенцы должны были получать на новых местах по 30 десятин земли на душу.

Постепенно переселение в Среднюю Азию стало трудно-управляемым процессом, который особенно усилился с началом столыпинских реформ и обострялся во время неурожая в Европейской России. Согласно переписи 1897 г., русское население Туркестана составляло около 700 тысяч человек из 8 миллионов общего населения (без учета Уральской области и Букеевской орды). Более половины русских проживали в Семиреченской и Сырдарьинской областях. К 1916 г. русские составляли, соответственно, 1/4 и 1/10 части населения данных областей. В период с 1906 по 1912 г. в Акмолинскую, Тургайскую, Уральскую и Семипалатинскую области перебрались свыше 438 тысяч крестьянских хозяйств. Более половины прибывших были заняты в сельском хозяйстве, примерно четверть — в административных, судебных и военно-полицейских структурах, каждый десятый работал в промышленности.

Переселенцы-крестьяне привезли в Среднюю Азию привычные для них культуры — яровую пшеницу, рожь, овес, кукурузу, картофель, клевер, лен, капусту, помидоры, сахарную свеклу. Кроме того, они «научили» местное население заготавливать сено. Понятно, что коренные жители в основном специализировались на выращивании хлопчатника, а также бахчевых культур. Русские же снабжали их хлебом, овощами, занимались молочным животноводством.

Здесь был не такой благодатный климат, как на Кавказе и Кубани, местные жители занимались кочевым скотоводством, перемещались с места на место, что создавало впечатление обилия «ненужных» земель. Военному министерству пришлось надавить на руководителей Тамбовской, Самарской и Пензенской губерний, давших наибольшее число переселенцев. Не очень ладили между собой местные и имперские чиновники. Местные считали, что их полномочия в вопросе отчуждения и распределения земель сильно урезаны. При этом обе стороны активно использовали незнание языков друг друга для обмана, запугивания или простого жульничества. Обычно администраторы обращались за помощью к переводчикам, должности которых большей частью занимали татары, понимавшие тюркские наречия. От перевода, сделанного часто неграмотным толмачом, зависела судьба многих административных и судебных дел.

Одним из путей приобщения местного населения к европейской культуре, по мысли царского правительства, должно было быть создание русско-туземных школ и училищ с преимущественно русским языком обучения. С 1890-х годов всяческие прошения должны были подаваться только на русском языке, в результате резко возросла потребность в получении европейского образования. Мусульманское духовенство, стремясь сократить отток учащихся из мактабов (мусульманских начальных учебных заведений) в русские и русско-туземные

школы, вело пропаганду против правительственных школ. Многие родители опасались, что в государственной школе детей отучат от исламских традиций. Лишь относительно небольшая часть семей посылала детей в казенные школы. Оптимальным выходом стали новометодные школы, где детям давали не только религиозные, но и общие знания, включая русский язык. В 1908 г. было 35 таких школ, в 1916 г. уже 92 по всему Туркестанскому краю. Тем не менее это было мизерное количество в сравнении 7 665 мактабами и медресе, действовавшими в 1913 г. в Туркестанском крае.

Кульминацией различных мелких и крупных конфликтов стало Среднеазиатское восстание 1916 г., вызванное тем, что с началом Первой мировой войны местное мужское население стали принудительно привлекать на тыловые работы в прифронтовых районах, из хозяйств экспроприировали скот на нужды фронта, а земли активно отдавали под казачьи хутора. Непосредственным поводом к восстанию, охватившему Самаркандскую, Сырдарьинскую, Ферганскую, Закаспийскую, Акмолинскую, Семипалатинскую, Семиреченскую, Тургайскую, Уральскую области с более чем 10-миллионным многонациональным населением, послужил расстрел 4 июля 1916 г. в Ходженте манифестации, требовавшей уничтожения списков мобилизованных. По официальным данным, в июле в Самаркандской области произошло 25 выступлений, в Сырдарьинской области — 20 и в Фергане — 86. Кроме антиправительственной направленности, восстание приобрело и отчетливый антирусский характер. Действия повстанцев привели к прекращению телеграфной связи между Верным, Ташкентом и центром России. Что касается жертв Среднеазиатского восстания, точное их количество неизвестно: считается, что погибли от десятков тысяч до нескольких сотен тысяч «туземцев» и около 3–4 тысяч русских переселенцев.

...С визитами Сергея Михайловича Прокудина-Горского в Среднюю Азию тоже связаны катаклизмы, только природные. Первый раз фотограф прибыл в эти края в конце 1906 — начале 1907 г. для того, чтобы в районе Тянь-Шаня запечатлеть солнечное затмение, но попытка оказалась неудачной. Спустя несколько месяцев после этой поездки, 8 октября 1907 г., произошло крупное землетрясение, нанесшее ущерб особо ценным памятникам архитектуры, и снимки, сделанные Сергеем Михайловичем, не только порадовали любителей старины, но и серьезно помогли реставраторам. Представляя свои самаркандские работы на Всероссийском съезде художников в январе 1912 года, Прокудин-Горский, в частности, писал: «Общий вид мечети Биби-Ханым. Это одно из грустнейших явлений Самарканда. Дело в том, что четыре года тому назад я был в командировке на солнечном затмении, покойный Менделеев это устроил.

У меня тогда был сфотографирован купол. Купол был почти цел. Теперь его почти нет; остался маленький кусок с колоссальными трещинами, — от первого землетрясения ничего не останется. Нужно удивляться, как не охраняют проход внутри мечети, там опасно ходить. Это одна из самых интересных мечетей. Она была построена Тамерланом в память его покойной жены». Об еще одном бесценном архитектурном ансамбле он высказался так: «Мечеть Шах-Зинде. <...> От нее что-нибудь останется, потому что там сидят муллы, которые клянчат деньги за показ. В общем, надзор до крайности мерзкий за этими замечательными девятивековыми памятниками. Не организовано ничего. Ремонта нет, никто не заботится, никого не интересует».

Самое интересное, что азиатским культовым сооружениям повезло намного больше, чем российским. Советская власть не решалась поступить с мечетями так, как поступала с многочисленными православными храмами и целыми монастырями. В новейшее время многие ценные архитектурные комплексы Узбекистана реставрированы и выглядят еще красивее, чем на фотографиях Прокудина-Горского.

Общий вид мечети [некрополя] Шах-Зинде (вечерний снимок). 1911

Его Светлость Хан Хивинский. Местоположение неизвестно. 1911 (предположительно)

Эмир Бухарский. Бухара. 1911

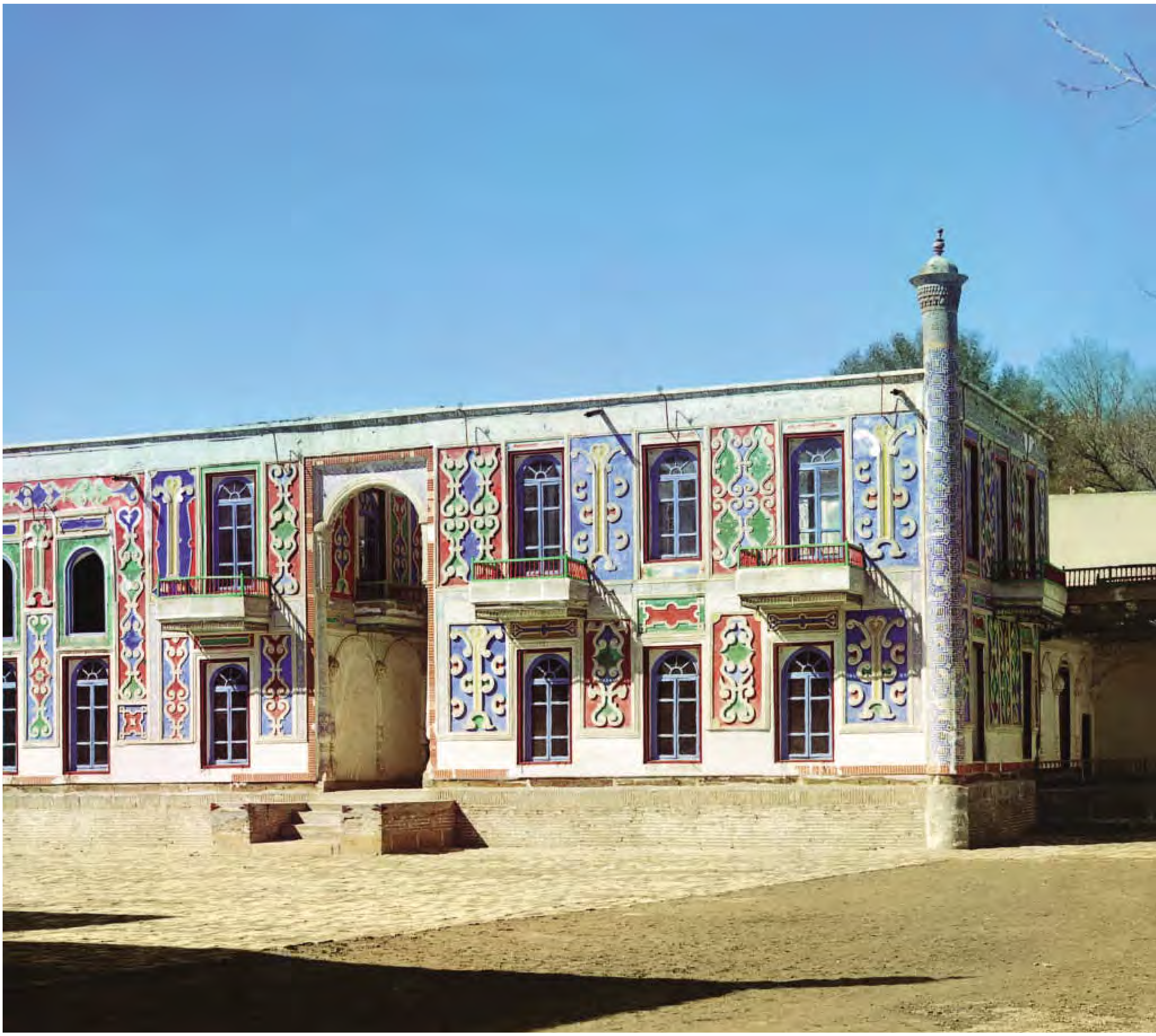
Бухарский чиновник у загородного дворца Эмира в саду «Шир-Будун»
близ Бухары. 1907

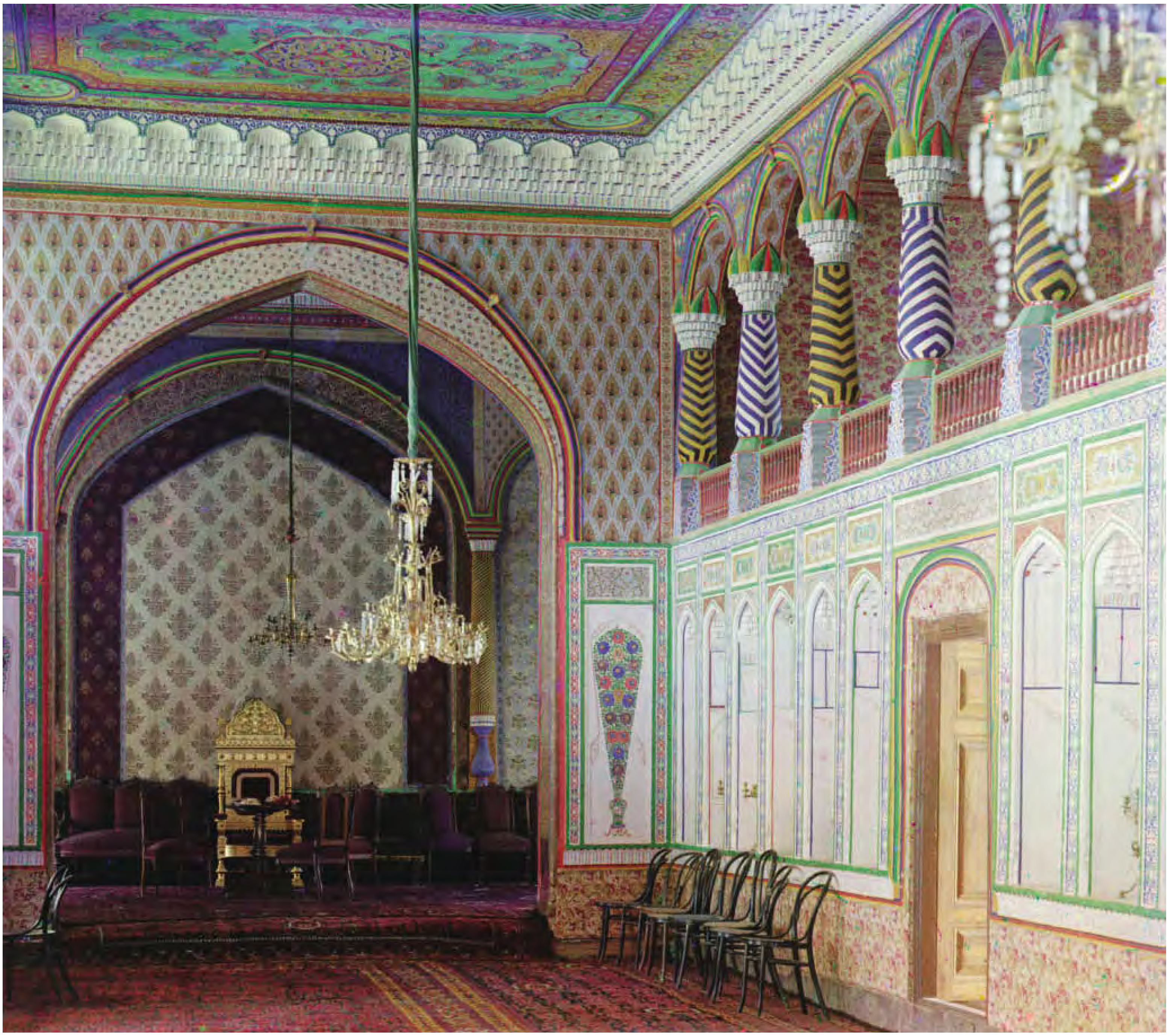
Главный министр Бухары (Куш-Бегги). 1911

Дворец в загородном саду Эмира Шир-Будун. Бухара. 1911

В загородном дворце Эмира Бухарского. 1907

Скованные узники. Бухара. 1907

Бухарская пекарня. 1907

Въезд во дворец Эмира в Старой Бухаре. 1911

Вид с Тилля-Кари на Самарканд. 1911

Священный колодезь внутри двора в Богоэддине. Бухара. 1911

Улица в Бухаре с мечетью Чар-Минар. 1911

Медресе в Бухаре (нет точного названия снимка). 1911

Мирза-Улук-Бек. Регистан. Самарканд. 1911

Образцы мозаичных стен в Шах-Зинде. Вход в мавзолей Ширин-Бика-Ака.
Самарканд. 1907

Шах-Зинде. Купола. Самарканд. 1911

Часть левого минарета. Биби-Ханым. Самарканд. 1911

Часть минарета и купола Шир-Дор с Тилля-Кари. Самарканд. 1911

Часовой у дворца и старинные пушки на площади Регистан. Бухара. 1911

Городовой в Самарканде. 1911

На Регистане. Самарканд. 1911

Доктора. Самарканд. 1911

Водонос. Самарканд. 1911

Во дворе медресе Тилля-Кари (Шир-Дор). Самарканд. 1911

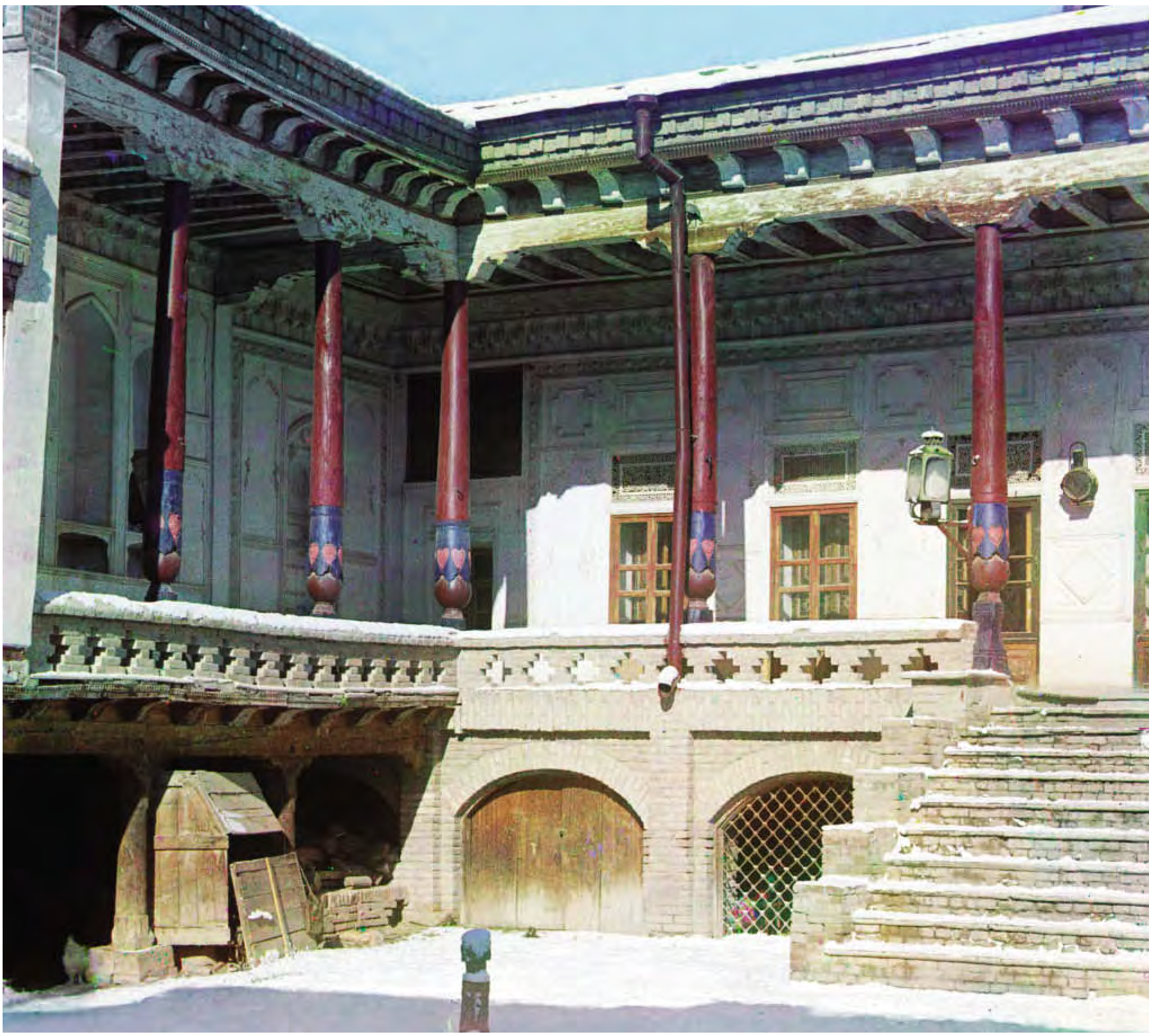
Меняла на Регистане. Самарканд. 1911

С чилимом. Самарканд. 1911

Во дворе сартского дома. Самарканд. 1906–1907

Группа еврейских мальчиков с учителем. Самарканд. 1911

Шашлычная. Самарканд. 1911

Шашлычная. Самарканд. 1911

Сартянка. Самарканд. 1911

Старик сарт. (Бабайка). Самарканд. 1907

Сартский дом. Самарканд. 1911

Река Сиаб у Самарканда (Приток Заравшана). 1911

Чапан (чабан). Самарканд. 1911

Карагач. Самарканд. 1911

Переселенческий хутор в Надеждинском поселке с группой крестьян.
Голодная степь. 1911

Байга*. Самарканд. 1911

* Байга — один из древнейших видов конных скачек у многих тюркских народов.

Часовня (мазар) на горе Чапан-Ата в 5 верстах от Самарканда. 1911

Древний Мерв. Мавзолей султана Санджара. 1911

Мечеть-мавзолей Юсуфа Хамаданского. Древний Мерв (предположительно). 1911

Развалины Текинского укрепления около Байрам-Али. Древний Мерв. 1911

Текинец на верблюде, близ Байрам-Али. 1911

Текинец у кибитки со старшим сыном, близ Байрам-Али. 1911

Джигит Ибрагим. Байрам-Али. 1911

Текинец с семьей близ Байрам-Али. 1911

Караван верблюдов, везущий колючку для корма. Голодная степь. Туркестан. 1911

На работе у верховья Сырдарьи. Голодная степь (предположительно). 1911

Назар Магомет. Голодная Степь. Туркестан. 1911

Кочующие киргизы. Голодная степь. Туркестан. 1911

Часовня в Спасском поселке. Голодная степь. Туркестан. 1911

Приемный покой в Спасском поселке. Голодная степь. Туркестан. 1911

Промышленность

После аудиенции у императора в мае 1909 г. Прокудин-Горский был снаряжен, как сказали бы сейчас, в творческую командировку, получив в свое распоряжение железнодорожный вагон, пароход (для работы на водном пути) и даже моторную лодку (специально для прохождения реки Чусовой), а для передвижения по горным районам Урала — автомобиль марки «Форд».

Мы не можем ручаться за желания Николая II, но наверняка последнему русскому монарху хотелось, чтобы фотоглаз Прокудина-Горского увидел как можно больше мест, особенно в труднодоступных и далеких от столицы районах, и чтобы будущие работы мастера изменили бы образ России в представлении ее граждан и всего мира, показав ее не страной лаптей и медведей, а мощной, промышленной, образованной и прогрессивной державой. Тем более что династия Романовых готовилась отпраздновать в 1913 г. свое трехсотлетие, а в 1911 г. исполнялось 50 лет отмены крепостного права, и пора было подводить какие-то итоги.

Год 1909-й отметился в России значительным экономическим подъемом, который сменил депрессию начала века. Не будем уподобляться официозной советской историографии, которая постоянно подчеркивала отсталость и загнивание «царской России». Ко времени, о котором идет речь, относятся расцвет идей нобелевских лауреатов, физиологов Павлова и Мечникова, отцов авиации и космонавтики Циолковского и Жуковского, именно в России Розинг заложил основу создания телевидения. Но за всеми выдающимися идеями не успевали плохо перестраивавшаяся экономика, допотопная техника, прогрессу мешали инертное мышление, бюрократия, неравномерность развития регионов и еще много объективных и субъективных факторов.

За 50 лет, прошедших с 1861 г., после отмены крепостного права, Россия не смогла создать мощную промышленность и квалифицированный рабочий персонал. Удельный вес рабочих вместе с семьями в 1913 г. составлял менее 15 процентов от общего числа населения страны. В эти годы около половины рабочих не умели ни читать, ни писать. Материальное положение пролетариев сильно разнилось в зависимости не только от профессии, но и от места жительства. Продолжительность рабочего дня в России постепенно сокращалась с 14 часов в 1861 г. до 10 часов в 1913-м, но оставалась выше, чем в других развитых индустриальных странах. Кроме того, широко применялись сверхурочные работы, увеличивавшие рабочий день до 11—12 часов. Годовая заработная плата рабочего фабрично-заводской промышленности в России в начале XX века составляла в среднем 207 рублей, в 2—3 раза уступая зарплате западноевропейских рабочих и в 4 раза — американских.

Основные успехи российской экономики 1910–13 гг. тесно связаны с сельским хозяйством. Столыпинская аграрная реформа, начавшаяся в 1906 г., привела к тому, что полтора миллиона крестьянских хозяйств превратились из общинных хозяйств в личные, а те, кто не смог найти себя в новых условиях, подались в город на фабрики, заводы и в рабочие артели. Земли было распродано на сумму свыше 400 миллионов рублей. Это обстоятельство увеличило спрос крестьян на технические новинки и товары легкой промышленности, сельскохозяйственное машиностроение переживало явный подъем. К тому же в течение 1910–1913 гг. (за исключением 1911-го) в России были собраны рекордные урожаи, а хлеб приносил высочайшие доходы как экспортный товар.

К достижениям российской промышленности тех времен можно отнести быстрые темпы развития черной металлургии, машиностроения, угольной, химической промышленности и других отраслей. Россия уверенно осваивала свои природные богатства, особенно каменный уголь, медь, нефть. Черное золото способствовало развитию национальных окраин — Грозненского, Майкопского и других регионов. Совершенствовались и способы добычи нефти, в этом промысле стали применяться электродвигатели и двигатели внутреннего сгорания, все это стимулировало сопутствующее производство.

В легкой и пищевой промышленности увеличилось промышленное потребление хлопка, льна, сахара. Общий ежегодный темп роста промышленности составлял порядка 6 процентов.

Промышленный подъем происходил, прежде всего, за счет отраслей тяжелой промышленности, особенно металлургии — черной и цветной (выплавка меди), топливной и частично химической промышленности. Интересно, что ведущая роль в перевозке грузов принадлежала не железным дорогам, а водному транспорту. Именно в этой отрасли размещались значительные правительственные заказы и осуществлялась программа строительства больших и малых судов. Вот почему на многих фотографиях мы видим действующие и строящиеся шлюзы и плотины, дамбы, водные караваны, перевозящие полезные ископаемые и продукты, а также предприятия, располагающиеся на берегах рек.

Научно-технический прогресс затронул строительство не только теплоходов, но и таких новых видов судов, как подводные лодки, военные корабли. В 1913 г. в России был построен эсминец «Новик», корабль, который послужил мировым образцом для создания целого поколения эсминцев. Совершенствовалось создание двигателей и других важных судовых узлов. Аналогичные процессы шли в сельскохозяйственном и транспортном машиностроении.

В то же время в таких важных отраслях, как химическая промышленность и цветная металлургия, уровень производства не поспевал за мыслью ученых и инженеров. Плохо была развита ключевая отрасль машиностроения — станкостроение, страна нуждалась в импорте самого различного оборудования. Потребность в вагонах, паровозах и электровозах, подъемных машинах, торговых судах, насосах, в машинах для кожевенных, содовых заводов удовлетворяла собственным производством почти полностью, в электрических и швейных машинах этот показатель был выше 60 процентов, двигатели внутреннего сгорания отечественного производства удовлетворяли потребности менее чем наполовину. И уж совсем низкими были показатели производства станков для обработки важнейших товаров — шерсти и хлопка.

Как известно, в начале XX века мир не только пересел с лошади в автомобиль, но и стал осваивать передвижение по воздуху на самолетах. К сожалению, Россия показала себя здесь явным консерватором. Перед Первой мировой войной в нашей стране работали всего четыре авиационных завода и две мастерские этой отрасли. Автомобильную промышленность представляли всего три завода, да и выпускали они не только автомобили. Главным предприятием отрасли был Русско-Балтийский завод в Риге, который в 1913 г. выпустил 127 машин, а в 1914 г. — 300. Во время войны началось строительство пяти частных автомобильных заводов (проектной мощностью 7,5 тысячи машин в год), но оно так и не было доведено до конца.

Что касается показателей российской промышленности в сравнении с показателями ведущих мировых держав, то в 1913 г. они были не в пользу нашей страны, хотя и нельзя сказать, что Российская империя находилась на задворках цивилизации. По выработке электроэнергии Россия занимала пятнадцатое место в мире, по производству стали — пятое, по добыче угля — шестое, выплавке меди — седьмое. В 1913 г. доля России в мировой промышленной продукции равнялась 2,5 процента, в то время как доля США составляла 38,2 процента, Англии — 12,1 процента, Франции — 6,6 процента.

В производстве на душу населения Россия отставала еще больше. В 1913 г. всех видов промышленной продукции на душу населения производилось в России в 11 раз меньше, чем в США, в 8 раз меньше, чем в Англии, в 4 раза меньше, чем во Франции.

В экономике России большую роль играла текстильная промышленность. Общая численность рабочих пяти текстильных отраслей к 1913 г. достигала почти 820 тыс. человек, что составляло около 45 процентов всех рабочих обрабатывающей промышленности. Главная роль принадлежала хлопчатобумажному производству. Темп роста русской хлопчатобумажной промышленности в предвоенные годы (имеется в виду Первая мировая война) примерно соответ-

ствовал темпу развития этой отрасли США и Германии; однако уровень производительности труда у нас был почти в 2 раза ниже, чем в Англии, и в несколько раз ниже, чем в США. Годовая выработка рабочего в хлопчатобумажной промышленности России накануне войны была в 4 раза ниже, чем в США.

В то же время в 1913 г. в России было издано около 27 тысяч наименований книг на русском языке и 15 миллионов пластинок. И все-таки так называемая легкая промышленность в значительной степени уступала тяжелой по уровню развития. Товары народного потребления оставались вотчиной кустарей и небольших артелей. Например, к 1913 г. более половины пищевой продукции производилось «частным сектором», такие предприятия, как молочные заводы, да и то небольшие, имелись только в Москве, Петербурге и Одессе. Лишь 4 процента швейных изделий производилось на фабриках, 89 процентов обуви изготавливали частники, и даже в металлообработке пятая часть продукции была кустарной.

Все недостатки российской промышленности, низкий уровень оснащенности, вынужденный импорт такого сырья, как цинк, свинец, алюминий, дали себя знать с началом Первой мировой войны, из которой Россия вышла уже совсем другой страной, с другим названием, общественным строем и почти до основания разрушенной экономикой, на восстановление которой ушли годы тяжкого труда.

Завод для вяления рыбы. Олонецкая губерния (предположительно). 1916

Пильщики близ устья реки Вытегра. 1909

Прессовальный станок для сена. Близ села Кондопога.
Олонецкая губерния (предположительно). 1916

Три поколения. А. П. Калганов с сыном и внучкой.
Двое последних работают в мастерских Златоустовского завода. 1909

Камнечерпательная машина одночерпакового типа «Свирская 2-ая». Река Шексна. 1909

Камнечерпательная машина многочерпакового типа Свирская первая. 1909

Общий вид Златоустовского завода и Троицкий собор. 1909

Общий вид Катав-Ивановского завода. Урал. 1910

В горах у Симского завода. Урал. 1909

Пруд у Юрезанского завода. Урал. 1910

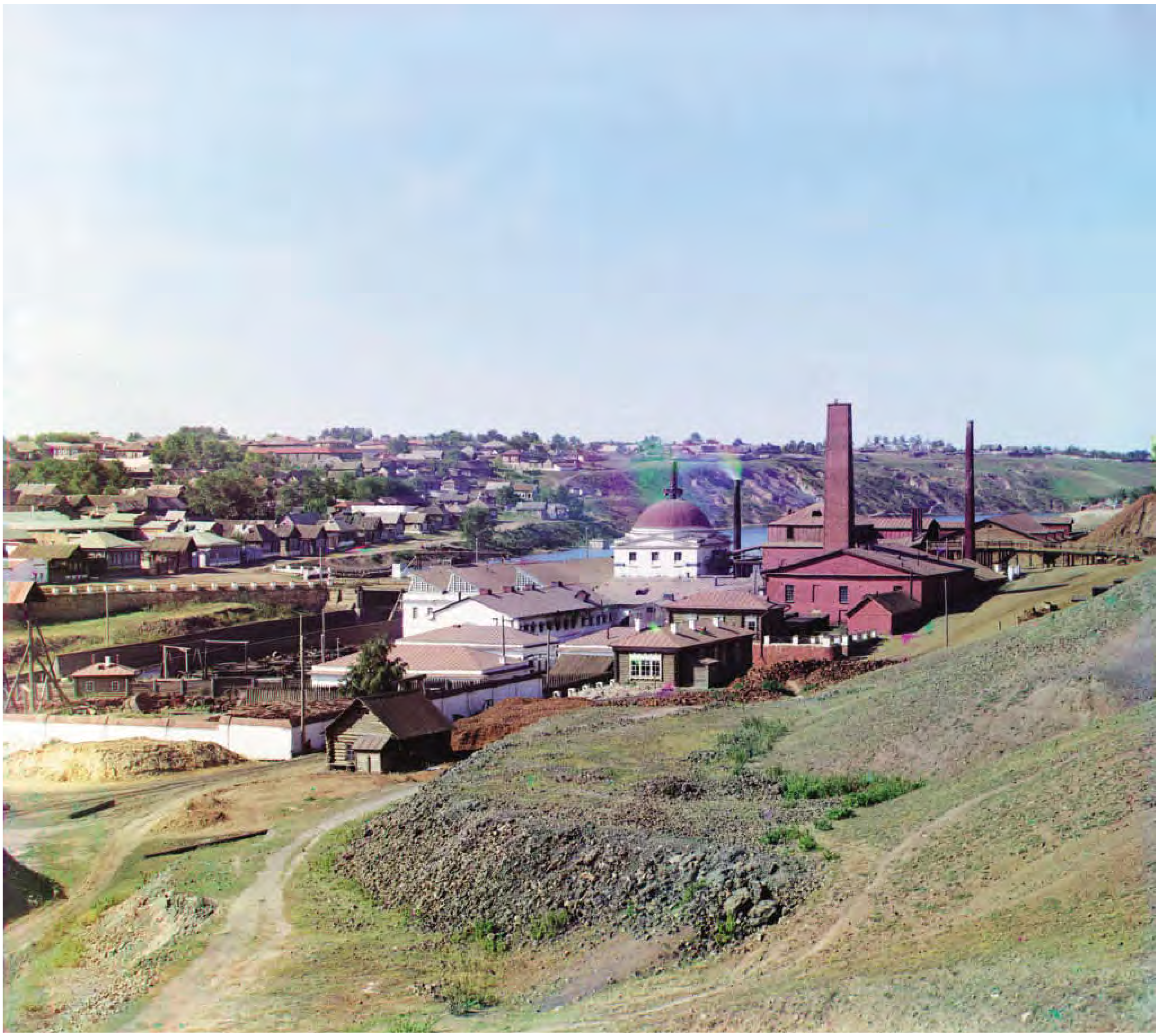
Машинное отделение электростанции у села Белоомут. Работа на реке Оке. 1912

Камнедробилка у села Белоомут. Работа на реке Оке. 1912

Вид на Каменский чугуноплавильный завод. Урал. Пермь. 1909

Верх-Исетский завод около города Екатеринбурга. 1909

Общий вид электрической станции в Гундукуше (Иолотань). Туркестан. 1911

Отделение для выделки хлопкового масла. Мургабское имение, Байрам-Али. 1911

Доставка хлопка в завод. Байрам-Али, Мургабское имение. 1911

Доставка хлопка в завод. Байрам-Али, Мургабское имение. 1911

Рабочие при паковке жмыха. Байрам-Али. 1911

Доставка хлопка в завод. Байрам-Али. 1911

Общий вид Султан-Бентской плотины. Мургабское имение. 1911

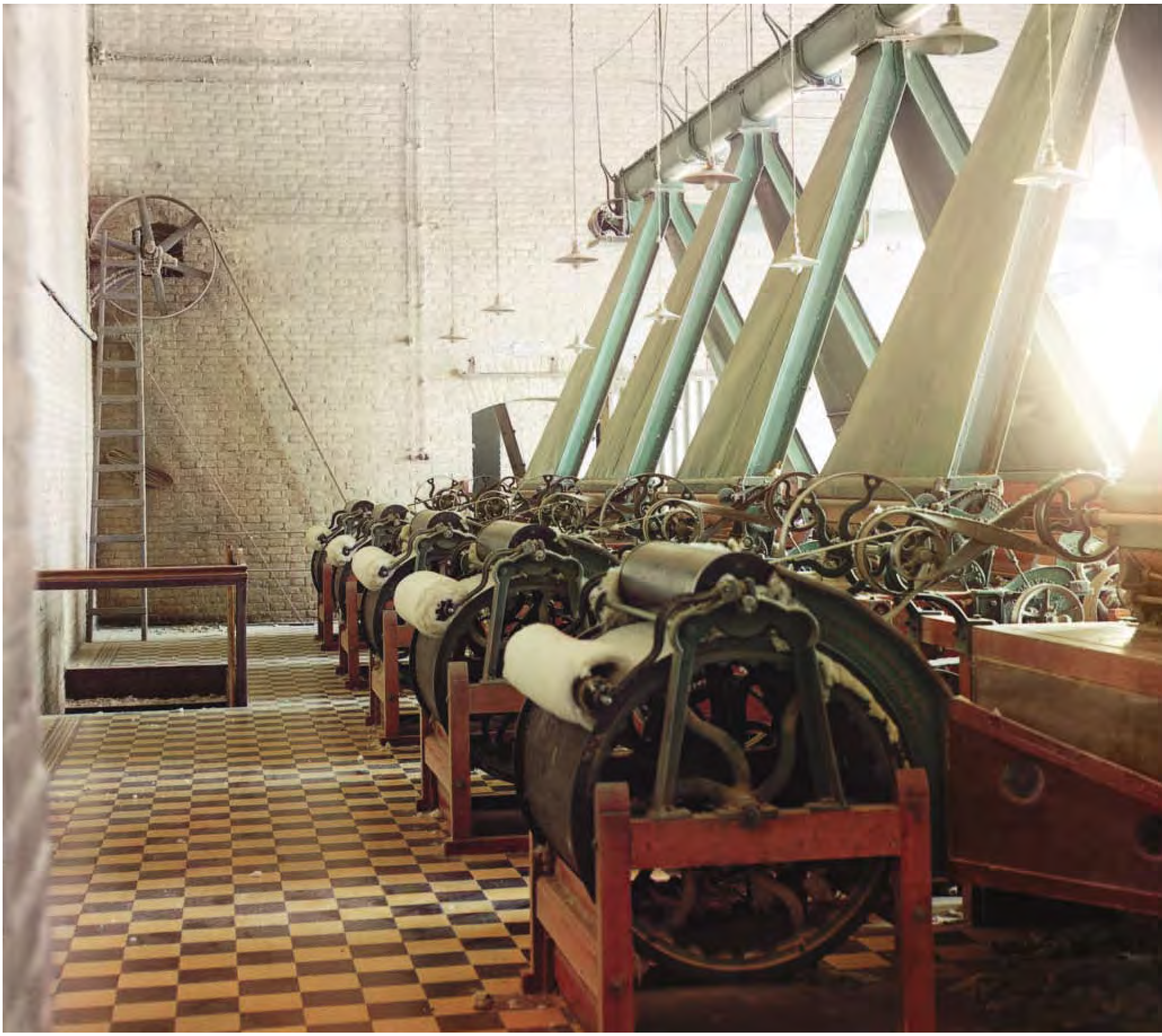
Бараки подрядчика у села Белоомут. 1912

Джинное отделение хлопкового завода. Байрам-Али. 1911

Джинное отделение хлопкового завода. Байрам-Али. 1911

Бамбуковая мастерская. Чаква. Грузия. 1912

Батум. Нобелевский городок с форта II. 1912

История российских железных дорог

Российское правительство озаботилось вопросами прокладки железной дороги в начале XIX века. Война 1812 г. прервала работу, которая велась в этом направлении. К тому же общественное мнение было настроено против невиданного способа передвижения. Основными доводами оппонентов были морозные и вьюжные зимы, необходимость большого количества топлива и прочее. Даже в передовой Англии в 20-х годах XIX века газеты всерьез утверждали, что рельсы мешают коровам пастись, а куры от дыма и от испуга перестанут нести яйца. В Германии Баварская главная медицинская комиссия предупреждала об опасности развития у пассажиров поездов болезни мозга из-за быстрого движения.

Но прогресс, как известно, не остановить, и уже в 1834 г. в Нижнем Тагиле была сооружена чугунная дорога длиной 854 метров, по которой от одного из заводов Демидовых до медного рудника ходил первый российский паровоз, построенный отцом и сыном Черепановыми. Вскоре Черепановы построили второй, более мощный паровоз. Но эту «чугунку» не считают первой железной дорогой в России, так как изобретение Черепановых не нашло поддержки за пределами завода, и впоследствии их паровые локомотивы были заменены конной тягой. Первые паровозы назывались пароходами. В «Попутной песне» Глинки, написанной уже в 1840 г. по случаю открытия первой железной дороги между Петербургом и Царским Селом, мы слышим: «Дым столбом — кипит, дымится пароход... И быстрее, шибче воли поезд мчится в чистом поле».

Одним из пионеров железнодорожного дела в Европе и России был австрийско-чешский инженер Ф. А. Герстнер, который сооружал и обучал одновременно. В 1837 году им была построена вышеупомянутая Царскосельская железная дорога, ставшая полигоном для строительства двухпутной железной дороги Санкт-Петербург — Москва, а затем — дороги Санкт-Петербург — Варшава.

Первоначально Царскосельская железная дорога была проложена от столицы до Царского Села, позже ее продлили до дачного городка Павловска, и общая протяженность трассы выросла до 27 километров. Пробная поездка поезда с конной тягой от Царского Села до Павловска состоялась 27 сентября (9 октября) 1836 г. Из Англии доставили первый паровоз. Вагоны скорее напоминали повозки разных видов и назывались «шарабаны», «берлины», «дилижансы», «ваггоны». Всего к открытию дороги в Россию поступили 6 паровозов, 44 пассажирских и 19 грузовых вагонов, закупленных у Англии и Бельгии. Торжественное открытие движения на участке Санкт-Петербург — Царское Село состоялось 30 октября (11 ноября) 1837 года. Машинистом первого поезда стал сам Герстнер. Члены Правления дороги пригла-

сили на открытие императора Николая I и других почетных гостей. Люди, провожавшие первый поезд, были буквально потрясены. Поездка от Петербурга до Царского Села заняла 35 минут, обратно — 27 минут; таким образом, максимальная скорость достигала 64 км/ч, а средняя составила 51 км/ч. В последующие три дня в поездах от Петербурга до Царского Села и обратно ездили все желающие.

В качестве самостоятельной железной дороги Царскосельская дорога просуществовала до 2 января 1900 г., после чего она была включена в состав Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги и перешита на русскую колею (1524 мм). Установление «русского стандарта» на ширину рельсового пути было важнейшим вкладом инженера-императора Николая I. Это было сделано для того, чтобы «неприятель не въехал в Россию на паровозе». Предложение Николая сыграло чрезвычайно важную роль во время Отечественной войны, на Восточном фронте, когда вермахт постоянно испытывал недостаток локомотивов для движения по широкой колее.

А пока что Царскосельскую магистраль считали «увеселительной» императорской затеей, в то время как специалисты-путейцы именно здесь проходили практику, что в конечном итоге позволило сформировать коллектив строителей Николаевской железной дороги.

Железнодорожная трасса Санкт-Петербург — Москва (Николаевская, ныне Октябрьская железная дорога) протянулась на 650 км. В строительстве приняли участие около 800 000 человек, в основном крепостные крестьяне. Рельсы изготавливались на Людиновском железоделательном заводе. Дорога пролегла по территориям Петербургской, Новгородской, Тверской и Московской губерний. На магистрали были возведены 184 железнодорожных моста, построены вокзалы и станции. Вокзалы в Москве и Петербурге созданы по проекту архитектора К. А. Тона. В 1870–1908 гг. к Николаевской железной дороге были присоединены несколько линий, увеличивших ее длину более чем в два раза. В 1855 г., после смерти Николая I, она получила название Николаевской. В середине XIX века это была наиболее совершенная в техническом отношении и самая протяженная железная дорога в мире.

С 14 по 16 августа 1851 г. из Петербурга в Москву на девяти поездах были перевезены военные. В 4 утра 18 августа в Москву отправился царский поезд, состоявший из 9 вагонов. Путешествие, вместе с остановками, заняло 19 часов. Официальное открытие магистрали Петербург — Москва 1 ноября 1851 г. ознаменовалось пуском первого «всенародного поезда», в котором находились 17 пассажиров первого, 63 — второго и 112 — третьего классов. Поезд был в пути 21 час 45 минут.

Необходимость резко расширить сеть железных дорог и привлечь для этого частный капитал стала ясна после поражения России в Крымской войне. В 1855 г. в стране насчитывалось 980 верст (1 046 км) железных дорог, то есть всего 1,5 процента мировой железнодорожной сети.

Самым грандиозным проектом в сфере строительства железных дорог в царской России была Транссибирская магистраль, соединившая Москву и Санкт-Петербург с крупнейшими восточносибирскими и дальневосточными промышленными городами России. Длина трассы составляет 9 298,2 км, это самая протяженная железная дорога в мире. Высшая точка пути, Яблоновый перевал, возвышается над уровнем моря на 1 019 м. Исторически Транссибом является лишь восточная часть магистрали, от Златоуста (Южный Урал, Челябинская область) до Владивостока, длиной около 7 000 км. Именно этот участок был построен в период с 1891 по 1916 г. Почти на всем протяжении трасса прокладывалась по малозаселенной или безлюдной местности, в непроходимой тайге. Исключительные трудности для строителей представлял участок, где магистраль шла вокруг Байкала: здесь приходилось взрывать скалы, прокладывать тоннели, возводить искусственные сооружения в ущельях горных речек, впадающих в Байкал. Стоимость строительства Транссиба с 1891 по 1913 г. составила 1 455 413 000 рублей (в ценах 1913 г.).

В 1901 г. правительство решило проложить участок пути от Забайкалья до Владивостока через Маньчжурию. В 1903 г. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) была введена в эксплуатацию. В годы Русско-японской войны (1904–1905) построенные участки Транссиба сыграли огромную роль в перевозке войск и грузов.

Знаменитое изречение о двух бедах России, одна из которых — дороги, приписывают и Пушкину, и Николаю I. Как бы там ни было, изречение это пророческое, и железных дорог оно касается сполна. 28 января 1857 г. было основано Главное общество российских железных дорог (ГОРЖД). Капитал общества был смешанным: на долю России пришлось 37,5 процента, Англия внесла 28,3 процента, остальные средства были французскими и прусскими. Правительство гарантировало акционерам ежегодный доход в размере 5 процентов, вне зависимости от результатов деятельности Общества. Эта «гарантия» немедленно привела к массовому воровству средств. Строительство дороги Петербург — Варшава велось со значительным отставанием от графика, в результате проект пришлось довершить на взятый у казны кредит. Дорога до Варшавы из Питера открылась в 1862 г., а долги ГОРЖД превысили 130 миллионов рублей. Из-за скандала вокруг ГОРЖД прокладка железнодорожных путей в России была заморожена на три года.

4 сентября 1866 г. был пущен первый поезд по Рязано-Козловской линии. Так началась история Рязано-Уральской железной дороги, которая в начале XX века стала одной из крупнейших частных железных дорог в России. К 1910 г. ее длина составила 4 428 км.

За 1865–1875 гг. протяженность железнодорожной сети России увеличилась с 3 800 до 19 000 верст (4 054 и 20 269 км соответственно). В бытность министром путей сообщения С. Ю. Витте (с 1892 г.) число частных железнодорожных обществ сократилось более чем втрое, а протяженность железных дорог увеличилась на 25 000 верст (26 670 км). При этом казной строились железные дороги, не обещавшие дохода в ближайшем будущем, главным образом, в азиатской части страны, и те, которые имели стратегическое значение. Частное железнодорожное строительство велось в основном там, где железные дороги могли приносить доходы в ближайшей перспективе.

Военные действия вызвали необходимость постройки Закаспийской железной дороги Узун-Ада—Кизил-Арват—Чарджуй—Самарканд общей длиной 1 435 км, связавшей Михайловский залив с центром Средней Азии. Постройка дороги началась в 1880 г. При сооружении этой линии была решена нигде не встречавшаяся ранее проблема преодоления больших пространств в условиях легко передвигающихся песков, в частности в пустыне Каракум. Способы строительства линии и темпы ее возведения произвели в свое время огромное впечатление в России и за рубежом. Первоначально дорога служила только нуждам Императорской русской армии, однако впоследствии у дороги появилось и хозяйственное значение.

Развитие железнодорожного сообщения способствовало тому, что в 1913 г. грузооборот железных дорог в шесть раз превысил грузооборот речного транспорта. В годы Первой мировой войны для обеспечения перевозок военных грузов из внутренних районов Сибири были построены линии Новосибирск — Барнаул — Семипалатинск и Полетаево — Троицк — Кустанай. Для обеспечения связей с зарубежными странами в обход Балтийского моря, выходы из которого были блокированы Германией, спешно строилась железная дорога Волхов — Петрозаводск — Мурманск, по участку которой путешествовал Прокудин-Горский. Фотографии, сделанные на Мурманской железной дороге, — последняя крупная работа Сергея Михайловича.

Мурманская железная дорога протянулась из Петрозаводска к побережью Кольского полуострова (Мурману) у Кольского залива. Одновременно продолжалось строительство Олонецкой железной дороги, начатое еще до войны; эта дорога соединила Санкт-Петербург с Петрозаводском.

Непосредственно строительство Мурманской железной дороги началось в июне 1915 г., длина ее составила 1050 км, вместе с Олонецкой — 1440 км. Это была самая северная железная дорога в мире. Строительство велось в труднейших условиях Заполярья. Ввиду важности строительства к нему было привлечено большое количество рабочих, широко использовался и труд военнопленных. Станционные постройки и мосты делались из дерева. В начале 1916 г. в основном завершилось строительство Олонецкой железной дороги. А 2 (15) ноября вся Мурманская железная дорога была сдана во временную эксплуатацию. Строительство было выполнено в рекордно короткие сроки. Незадолго до окончания строительства в конечном пункте железной дороги был основан новый город — Романов-на-Мурмане (ныне Мурманск). В 1917 г. Олонецкая железная дорога была объединена с Мурманской. С 1959 г. бывшая Мурманская железная дорога является частью Октябрьской железной дороги.

Летом 1916 г. Прокудин-Горский по государственному заданию совершил одну из последних своих фотоэкспедиций, проехав по Олонецкой дороге, от Званки до Петрозаводска, и завершенному к этому времени участку Мурманской дороги, от Петрозаводска до Кеми. В 1917 г. (уже после того, как здесь побывал Сергей Михайлович) частная Олонецкая железная дорога была продана в государственную казну и официально объединена с Мурманской железной дорогой. В целом 80 процентов современной сети РЖД составляют дороги, построенные до 1917 г. А в историю российских железных дорог навсегда вписаны имена изобретателей и промышленных инженеров отца и сына Е. А. и М. Е. Черепановых, изобретателя паровой машины И. И. Ползунова и, конечно, фотографа С. М. Прокудина-Горского.

На дрезине у Петрозаводска по Мурманской железной дороге. 1916

Станция Петрозаводск Мурманской железной дороги. 1916

Железнодорожный мост через реку Шую. 1916

Закругление пути у Петрозаводска. 1916

Группа участников железнодорожной постройки близ Кеми. 1916

Станция Сорокская бухта. 1916

Группа участников железнодорожной постройки на причале в порту Кемь-Пристань. 1916

Барак Министерства путей сообщения у села Белоомут. 1912

Железнодорожные постройки Шадринск-Синарской железной дороги
около Шадринска. 1912

Паровоз «Компаунд» с пароперегревателем Шмидта у депо в Перми. 1909

Общий вид на Чусовские заводы и железнодорожный мост. Река Чусовая. 1912

Пермь. Дом управления Уральских железных дорог. 1909

Станция Хрустальная Пермь-Кунгурской железной дороги. 1912

Строящийся железнодорожный мост через Тобол около города Ялуторовска
(снято снизу реки). 1912

Вид на железнодорожный путь, город Владимир, реку Клязьму и пойменные луга. 1911

Вид на Миньярский завод. Железнодорожный мост через реку Сим. 1910

Вид с задней площадки у станции Симская
Самаро-Златоустовской железной дороги. 1909

Железнодорожный мост через реку Белую близ Уфы. 1910

Закругление пути у Усть-Катава. Урал. 1910

Станция Златоуст. 1909

Паровоз «Компаунд» с пароперегревателем Шмидта.
(Паровоз Аб-132 на Самаро-Златоустовской железной дороге). 1909

Юрезанский мост. Урал. 1910

Профиль строящегося через Тобол железнодорожного моста. 1912

Мост через Аму-Дарью у Чарджуя. 1911

Станция Фараб в 5 верстах от Чарджуя. 1911

ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ

Понятия «Россия» и «подземные богатства» сегодня тесно связаны в сознании всего мира. Но так не было во времена Прокудина-Горского и уж тем более еще раньше, когда технологии не позволяли добывать значительную часть того, что скрывают земные недра. Академик В. И. Вернадский (1863–1945) подсчитал, что в древние времена человек использовал всего около 20 видов полезных ископаемых, а в первой половине XX века — уже около 100. Сегодня эта цифра возросла до 200 видов.

Горное дело в России известно с древности. Уже в XV–XVI веках потребности государства «в рудах и минералах» удовлетворялись за счет отечественного производства. Оно регулировалось разрешительными (жалованными) и поощрительными грамотами, наказными памятками. «Всем и каждому» дозволялось повсеместно искать руды и минералы. За добычу взимался «государев долг» — одна десятая от добычи. Анализ архивных источников позволяет сделать вывод, что в 1584 г. в Московском государстве был создан прообраз петровской Берг-коллегии — государев Каменный приказ. Со временем правления Ивана IV Грозного связывается и появление организованных геологоразведочных экспедиций.

Историю отечественного горного дела принято отсчитывать с 24 августа 1700 г., когда Петр I учредил Рудный приказ. Но уже вскоре после его возникновения почувствовалась необходимость в коренном его преобразовании или учреждении нового ведомства, основанного на других началах. Так появилась Берг-коллегия, учрежденный по инициативе императора орган по руководству горнорудной промышленностью в России. Петр I впервые познакомился с углем в 1696 г., возвращаясь из первого Азовского похода: в районе нынешнего г. Шахты ему показали кусок черного, хорошо горящего минерала, на что царь сказал: «Сей минерал, если не нам, то потомкам нашим зело полезен будет». 1700 г. — дата, когда горная промышленность была отделена от общего гражданского управления.

Устройством крупных горных заводов вначале занималась только казна, которая уже в 1701–1712 гг. построила на Урале шесть горнодобывающих и горнометаллургических заводов (Невьянский, Кунгурский, Уктусский, Алапаевский, Кунчурский, Мазуевский). Указом 1719 г. уже разрешалось «всем и каждому, независимо от чина и достоинства, во всех местах, как на собственных, так и чужих землях искать, добывать и выплавлять всякие металлы». В случае открытия новых месторождений требовалось заявить об этом в Берг-коллегию и прислать пробы руд и минералов. Если чиновники определяли, что месторождение следует разрабатывать, открыватель получал разрешение (так называемую Привилегию) на строительство завода или рудника, и ему должно было оказывать «всяческое вспомоществование», включая «займы денег».

Собственники земель имели преимущественное право осваивать месторождения, если же они не хотели работать сами, то должны были передать право осваивать месторождение горнопромышленнику, который обязывался выплачивать им в качестве платы за пользование недрами 1/32 долю прибыли. Горнозаводские рабочие освобождались не только от всяких денежных поборов, но также от солдатской повинности и должны были получать «исправную» зарплату, то есть достаточно высокую и своевременно.

Впоследствии российские монархи все время регулировали соотношение государственной и частной собственности на недра и их содержимое, что негативно сказалось на состоянии горнодобывающей промышленности. Например, начало промышленного освоения рудных богатств Алтая относится к первой половине XVIII века. В 30-х годах столетия умный и предприимчивый сын знаменитого тульского кузнеца Акинфий Демидов быстро оценил огромные богатства этого края. В 1726 г. последовал «высочайший» указ о разрешении Демидову начать горное дело на Алтае. Он организовал здесь первые рудники и медеплавильное производство. Спустя 15 — 20 лет в рудах, кроме меди, было обнаружено много серебра и золота, и тут же все демидовские рудники и заводы перешли в собственность царской фамилии. А в начале XX века царский Кабинет передал рудные районы Восточного Казахстана в концессию капиталистам Англии, Франции, Австрии.

Иностранное вмешательство распространилось и на российские запасы платины. В 1862 г. английская фирма «Джонсон Маттей и Ко» по низкой цене скупила у царской казны около 35 тонн платины. Крупный русский специалист по платине Н. К. Высоцкий много позже, в 1923 г., писал: «Парадоксален тот факт, что Англия, не добывая ни одного золотника платины, получила в этой отрасли коммерческую монополию, позволяющую устанавливать произвольные цены». Фирма-монополист так взвинтила цену на драгоценный металл, что после Первой мировой войны он стоил в 3—4 раза дороже золота. Для царской России итог был плачевный: фирма «Джонсон Маттей и Ко» стала истинным хозяином платины Урала. Она заключила с владельцами приисков — Шуваловыми, Демидовыми, Переяславцевыми — контракты, в которых цена устанавливалась вперед на 5 лет, без учета конъюнктуры рынка. В итоге в 1870 г. за золотник платины (4,25 г) добытчик на Урале получал от фирмы 10 копеек, посредник в Москве 40 копеек, а фирма продавала его в Париже за 1 рубль 20 копеек. До 1917 г. англичане безраздельно владели всей русской платиной.

Первой публикацией, посвященной основам горного законодательства России, следует считать «Свод учреждений и уставов горного управления», изданный в 1832 г. в составе VII тома

первого Свода законов Российской империи. Устав Горный представлял собой фундаментальный документ на 413 страницах, содержащий 1847 статей. Под горным промыслом понимались поиск, добыча, очистка, обработка полезных ископаемых, находящихся на поверхности или в недрах земли: 1) земель и камней; 2) металлов; 3) солей — поваренной и каменной, квасцов и др.; 4) горючих веществ.

В отдельные разделы были выделены управление заводами горными области Уральского хребта, горные промыслы и заводы Сибири, в частности, Колыванский и Нерчинский, Олонецкие горные заводы, а также промыслы других регионов — Алтая, Малороссии и прочих. Также особо упоминались Императорские Екатеринбургская и Петергофская гранильные фабрики, янтарный промысел, разработка цветных камней на горнозаводских дачах на Урале, добыча золота из казенных откидных песков и черных шлихов, добыча торфа, добыча каменного угля на Сахалине.

По экологическим мотивам («не навредить природе») горный промысел был запрещен на Командорских островах, в лесах Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей, на землях Закаспийской области, покрытых «древесною и кустарниковой зарослью», а также на участках, где горные работы могли бы причинить повреждение водным источникам.

Воплощение многого из того, о чем говорилось в Уставе Горном, мы видим на фотографиях Прокудина-Горского, отображающих добычу и переработку угля, нефти, золота, самоцветов в разных регионах России начала XX века.

Становление угольной промышленности в России относится к первой четверти XIX века, когда уже были открыты основные угольные бассейны. Специальные разделы о добыче каменного угля впервые появились в Уставе Горном 1842 г. издания. А в 1844 г. горный инженер Ф. А. Семенов разработал проект поисков скоплений нефти в недрах земли и добычи ее при помощи скважин. К этому проекту горное ведомство отнеслось скептически. К поискам нефти «через буровые скважины» в России приступил в 1864 г. полковник А. Н. Новосильцев. Он пробурил скважины разной глубины, не превышавшей 100 метров, на Тамани и в бассейне реки Кубани. Из одной из пробуренных скважин, в долине реки Кудако, ударил нефтяной фонтан, который выбрасывал в первые дни около 15 тонн нефти в сутки. Этот первый нефтяной фонтан в России стал лучшим ответом администраторам горного ведомства, сомневавшимся в применимости бурения для поисков и добычи нефти.

Первым известным нормативно-правовым актом в сфере добычи нефти следует считать Инструкцию о нефтяном промысле от 14 ноября 1839 г. Она была посвящена главным образом вопросам регулирования управления казенными нефтяными промыслами в Бакинском

и Шемаханском уездах Каспийской области. На основе Инструкции в Уставе Горном издания 1842 г. было введено два самостоятельных раздела: «О нефтяных промыслах на землях Черноморского [позднее Кубанского] войска» и «О Бакинских и Ширванских нефтяных и соляных промыслах». В издание Устава Горного 1857 г. дополнительно были включены нормы, регулирующие нефтедобычу в Дербентском уезде (Дагестан).

Не менее важным полезным ископаемым была соль. Устав о соли 1857 г. содержал около 300 статей.

Горный Устав, опубликованный в составе Свода Законов Российской империи в 1893 г., был последним официальным его изданием. В последующие годы он неоднократно переиздавался (1905, 1911, 1912, 1914 гг.). В период царствования Николая II, в 1912 г., был утвержден одобренный Государственным советом и Государственной думой Закон «Об установлении Положения о Геологическом комитете и штата сего комитета».

Вся территория Российской империи была разделена на 12 горных областей, каждая из которых включала одну или несколько губерний. В каждой области в зависимости от конкретных условий организовывалось несколько горных округов, в функции которых входил также и надзор за частной горнопромышленностью. Границы горных округов устанавливались и менялись при необходимости министром. Руководство работами в горных округах осуществлялось горными управлениями, которым непосредственно подчинялись казенные горные заводы, рудники и промыслы.

Для добывающих отраслей российской промышленности того периода был характерен крайне быстрый рост. С 1894 по 1914 г. в Российской империи добыча угля возросла на 306 процентов, нефти — на 65 процентов (рост остановился в 1901 г., и с тех пор прироста не наблюдалось), золота — на 43 процента, меди — на 375 процентов; вследствие этого выплавка чугуна выросла на 250 процентов, железа и стали — на 224 процента. Но это вовсе не означало, что потребности страны в полезных ископаемых были удовлетворены. В 1913 г. на долю России приходилось лишь 3 процента разведанных мировых запасов каменного угля, 4 процента железной руды, 2 процента фосфоритов. В стране не хватало также цветных металлов, минеральных удобрений, сырья для химической промышленности. Уголь ввозился из Англии, фосфорные удобрения — из Марокко, калийные соли — из Германии. За границей покупали даже песок, мел, огнеупорные глины, строительный камень. Так, мостовая у Большого театра в Москве была вымощена гранитом, привезенным из Швеции. Для решительного прорыва в этой отрасли требовался иной уровень развития науки, технологий, транспорта и многих других смежных отраслей.

Известковые ломки в 5 верстах от Верхне-Волжского бейшлота. 1910

Последовательный ход шлифовки каменного яйца.
Императорская гранильная фабрика. Екатеринбург. 1909

Гора Зюраткуль у Тяжелого рудника. Вид с горы Иркускан. 1910

Выходные пласты у Катав-Ивановского завода. Урал. 1910

Боковой вид выработки Саткинского завода. Бакал. Урал. 1910

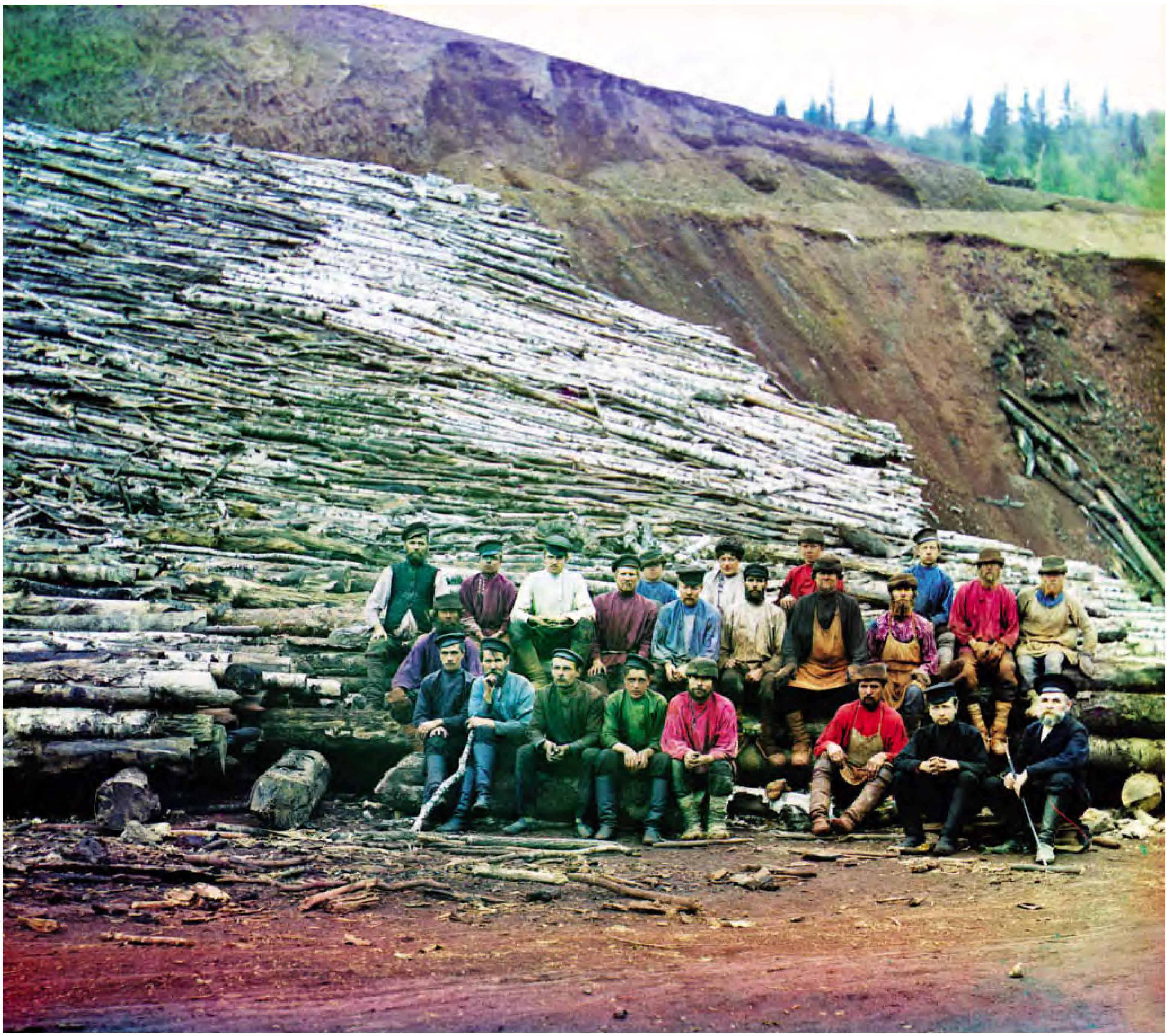
Поселение Ветлуга у Саткинского завода. Урал. 1910

Работа на Бакальском руднике. Железный рудник Тяжелый на горе Иркускан.
Урал. 1910

Накатка дров для обжига руды. Железный рудник Тяжелый на горе Иркускан. Урал. 1910

Саткинский казенный завод. 1910

Подвесная железная дорога с Тяжелого рудника. Урал. 1910

Промывка руды бурого железняка на Шиловском руднике в 7 верстах от деревни Макаровой. Урал. 1912

Ограда с погребом для хранения динамита и сторожка при ней.
Демидовский железный рудник, г. Высокая (Магнит). Урал. 1909

Сельское хозяйство и крестьянство

Задержавшийся феодализм долго не давал России войти в число передовых мировых держав, но отмена в 1861 г. крепостного права не привела к желаемым результатам. Привычная общинная форма землевладения, чересполосица, когда на одном пространстве мешались помещичьи и крестьянские наделы, неравномерное распределение по стране плодородных земель, вялая налоговая, кредитная и дотационная политика не способствовали взлету предпринимательства на селе и притоку в казну денег, которые можно было бы направить на индустриализацию. Даже звание «житницы мира» не спасало Россию от бедности и голода. Большой объем экспортного хлеба основывался на насильственном отбирании у крестьян урожая, еще во времена Александра III прозвучал лозунг «Не доедим, но вывезем!».

Между тем более 80 процентов населения России проживали в сельской местности. То есть их благосостояние, результаты их труда должны были активно влиять на процветание всей страны, но влияли плохо, потому что благосостояния у крестьянина как такового не было. Столыпинская реформа, которая началась в 1906 г., была призвана разбудить тот самый предпринимательский дух, побудить население осваивать сибирские и другие труднодоступные земли.

За время действия реформы (она была приостановлена в мае 1915 г.) из общины вышло около трети крестьянских хозяйств, за Урал переселилось около 2,5 миллиона человек.

Заметно увеличились посевные площади, особенно в Сибири. Среднегодовые валовые сборы зерна в Европейской России в 1911–1913 гг., несмотря на крупный неурожай 1911 г., увеличились на 13,8 процента. Фактически этот рост был еще больше, если учитывать продукцию окраинных регионов империи. Быстрыми темпами росли сборы технических культур — хлопка, льна, сахарной свеклы и др. Особенно высокими темпами росло сельскохозяйственное производство на вновь осваиваемых землях Сибири и Средней Азии, хотя и в 1913 г. вся Азиатская Россия давала лишь 9 процентов всех валовых сборов хлебов.

Рост объемов и стоимости сельскохозяйственной продукции сказался на благосостоянии деревни и ее материальных ресурсах. Возросло потребление сельскохозяйственных машин и инвентаря. Поставки осуществляли как непосредственно заводы-изготовители, так и многочисленная сеть заведений — торговые фирмы, земства, кооперативы. В годы реализации аграрной реформы активно открывались прокатные пункты и станции. Всероссийская перепись сельскохозяйственных орудий 1910 г. показала, что все большее распространение получали усовершенствованные орудия и машины — паровые молотилки, косилки, сеялки, жнейки, веялки и т. д. Потребителями машин являлись в большинстве своем помещичьи экономии,

а также зажиточные крестьянские хозяйства, в основном южных и юго-восточных губерний и Сибири. Основная масса крестьян приобретала сравнительно недорогие простейшие орудия (вилы, косы, грабли, серпы и т. п.), в лучшем случае плуги. Медленно, но верно стали применяться дорогостоящие минеральные удобрения, а не только навоз.

В 1910 г. Россия прочно занимала в мире место крупнейшего экспортера хлеба, экспорт российской пшеницы составлял 36 процентов общего мирового экспорта, а Одесская зерновая биржа была и оставалась самой крупной зерновой биржей Европы. В том же году наша страна экспортировала около 5 миллионов пудов сливочного масла, заняв по экспорту этого продукта второе место в мире.

Правительство стало уделять внимание просвещению и обучению: к 1913 г. было открыто свыше 300 новых учебных сельскохозяйственных заведений, 1 000 курсов, проведены чтения, беседы на агрономические темы в 20 000 пунктах, во всех губерниях организовывалась система опытных станций, полей, участков, земства ввели институт участковых агрономов (в 1913 г. уже насчитывалось до 10 000 профессиональных агрономов). В губернских и уездных земствах создавались экономические советы, созывались агрономические совещания, разрабатывавшие планы и мероприятия по оказанию помощи населению. Все эти меры, дававшие заметный эффект, были прерваны начавшейся Первой мировой войной.

Российские крестьяне сильно отставали от процессов цивилизации и окультуривания, им не хватало не то что специализированного, а просто начального образования и медицинской помощи, без которой они вымирали целыми семьями и деревнями. В 1912 г. в России приходилась одна больница на территорию площадью 2 327 квадратных верст (2 483 кв. км); на 10 тысяч населения предлагалось 12,6 больничных коек, 1,3 врачей, 1,7 фельдшеров, 1, 7 повивальных бабок. В 1905 г. Россия уступала по детской смертности только Мексике, стихийными бедствиями были дифтерит, корь, коклюш. Казалось бы, в предвоенные «тучные» годы (за исключением неурожайного 1911-го) положение должно было выправиться. Тем не менее многие умирали от голода и болезней, особенно в Сибири и Поволжье. Люди употребляли, например, смесь из рябины и гнилушек с мукой, пили болотную воду. Хлебных резервов на случай неурожая в стране не имелось, так как весь избыточный хлеб продавался за рубеж.

Что касается образования, то до сел, особенно отдаленных, оно доходило тяжело. Самый высокий процент грамотных, полуграмотных и учащихся селян наблюдался в Московской губернии: 41,7 процента. На втором месте с заметным отставанием была Тверская губерния,

на третьем — Олонецкая (центр Петрозаводск). Хуже всего дело обстояло в Пензенской губернии: 14, 8 процента.

Ради объективности следует сказать, что крестьяне далеко не всегда стремились воспользоваться тем, что предлагало государство, а именно больницами, школами, кредитными учреждениями. Достаточно вспомнить автобиографические «Записки юного врача» М. Булгакова. Большинство крестьян было уверено, что их всячески «обманывают с землей», начиная с 1861 г., и с подозрением относились к нововведениям.

...Можно, конечно, предъявить претензии С. М. Прокудину-Горскому, на фотографиях которого российские крестьяне, даже занимающиеся работой, выглядят нарядными и веселыми. Но все-таки Сергей Михайлович не был фотокорреспондентом оппозиционной газеты, а в традициях любого из российских народов всегда было дать и показать гостю самое лучшее.

Вместо этого давайте заглянем на кухню и в гардероб российских крестьян той эпохи и посмотрим, как они питались и одевались и насколько на них влияла урбанизация» страны.

Русская пословица гласит: «Щи да каша пища наша» — и это было действительно так. По скоромным дням эти кушанья крестьяне заправляли свиным салом или «затолокой» (внутренним свиным жиром), по постным — конопляным маслом. Праздничная пища отличалась тем, что ее лучше приправляли, то же самое «варево» готовили с мясом, кашу — на молоке, а в самые торжественные дни жарили картофель с мясом. В большие храмовые праздники крестьяне варили студень, холодец из ног и потрохов. Мясо не являлось постоянным компонентом крестьянского рациона. Бедный мужик вволю ел мясо исключительно только на «загвины», то есть в день заговения. По свидетельству корреспондента Этнографического бюро из Орловской губернии, к этому дню крестьянин, как бы он ни был беден, обязательно готовил себе мясного и наедался так, что на следующий день лежал с расстройством желудка. В период мясоеда, забив барана, крестьянская семья в течение одного-двух дней ела столько мяса, сколько, при умеренном потреблении, ей бы хватило на всю неделю. Редко крестьяне позволяли себе пшеничные блины с салом или коровьим маслом.

Другой редкостью на крестьянском столе был пшеничный хлеб, основу рациона составлял хлеб ржаной. Из круп, употребляемых в пищу, например в Тамбовской губернии, наиболее распространено было просо. Основными овощами являлись капуста и картофель. Морковь, свеклу и другие корнеплоды до революции в селах Тамбовской губернии выращивали мало. Огурцы появились на огородах тамбовских крестьян лишь в советское время. Традиционно в деревнях культивировали и употребляли в пищу бобовые — горох, фасоль, чечевицу.

Из этнографического описания Обоянского уезда Курской губернии следовало, что в зимние посты местные крестьяне ели кислую капусту с квасом, луком, соленые огурцы с картофелем. Щи варили из кислой капусты и квашеных бураков. На завтрак обычно был кулеш или галушки из гречневого теста. Рыбу употребляли в разрешенные церковным уставом дни. В скоромные дни на столе появлялись щи с мясом, творог с молоком. Зажиточные крестьяне в праздничные дни могли позволить себе окрошку с мясом и яйцами, молочную кашу или лапшу, пшеничные блинцы и коржики из сдобного теста.

Повседневным напитком для крестьян служила вода, в летнюю пору готовили квас. В конце XIX века в селах черноземного края чаепитие распространено не было, если чай и употребляли, то во время болезни, заваривая его в глиняном горшке в печи. Но уже в начале XX века из деревни сообщали, что «крестьяне полюбили чай, который они пьют по праздникам и после обеда. Более состоятельные начали приобретать самовары и чайную посуду. Для интеллигентных гостей кладут вилки к обеду, сами мясо едят руками».

«Интеллигентность», то есть городские тенденции, проникала и в стили одежды, особенно женской. Этнограф Ф. И. Поликарпов, исследовавший в начале XX века быт крестьян Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии, отмечал: «Появляются щеголи, надевшие "гасподские" рубахи — косоворотки из ситца, легкие сапоги, перестают носить на поясе "гаманы"». Даже в пределах одного уезда этнографы обнаруживали разнообразие сельской одежды. «В одних местах носят "паневы" — черные клетчатые юбки, — сообщает Поликарпов, — в других "юпки" красных цветов, с широкой обшивкой у подола – из лент и позумента. Девушки носят преимущественно сарафаны. Из верхней одежды на юго-востоке Нижнедевицкого уезда носят "зипуники", а на северо-востоке уезда "шушпаны". Везде обувью являются лапти с "анучами" и "партянками". В праздничные дни одевают тяжелые и широкие сапоги с подковами. Крестьянские рубахи скроены неаккуратно — широкие и длинные, пояс подвязывали "пот пуза", цепляя на него "гаман"».

Преимущественно крестьянское платье было домотканым. Только зажиточная часть деревни позволяла себе покупать фабричные ткани.

Основу обыденной одежды тамбовских крестьянок составлял традиционный южнорусский костюм, испытывавший в конце XIX века значительное влияние городской моды. Как отмечают специалисты, в деревне этого региона происходил процесс замены поневы сарафаном. Девушки и замужние женщины в Моршанском уезде Тамбовской губернии носили сарафаны. В ряде мест у селянок сохранилась клетчатая или полосатая «панева», на головах

«кокошники» и волосники с возвышениями или даже рогами. Привычная женская обувь, «коты» (чоботы), уступила место башмакам или полусапожкам «со скрипом». Праздничная одежда крестьянок отличалась от будничной различными украшениями — вышивками, лентами, цветными головными платками. Ткани с орнаментом, который был оригинален для каждой местности, селянки изготовляли на домашних станках. Нарядную одежду надевали не только по праздникам, на деревенские гуляния и посиделки, перед посещением церкви, при приеме гостей, но и на некоторые виды работ, в частности во время сенокоса.

Поэтому не стоит удивляться, что на цветных фотографиях мы видим мужчин и женщин во время сенокоса в белоснежных рубахах и платках. Думается, что и сам визит фотографа был для героев его снимков событием чрезвычайным, в отличие от привычного труда. А благодаря Прокудину-Горскому мы имеем возможность рассмотреть бесценные подробности быта ушедшей от нас эпохи.

Девушка с земляникой. Деревня Нижняя Топорня. Река Шексна. 1909

Мельница близ города Луги Санкт-Петербургской губернии
в имении И. В. Штоля. 1904–1905

Деревня Назия. Канал Императора Петра I. Вид реки Назия от канала. 1909

Рыбачий поселок. Село Сорока. Вид на церковь Зосимы и Савватия. 1916

Этюд: сети. Село Сорока. 1916

Мельница-толчея. Около Череповца (предположительно). 1909

Рыбацкие поселения на озере Селигер в городе Осташкове. 1910

За пряжей. В деревне Изведово. Район Волги. 1910

Обед на покосе. Река Шексна. 1909

Крестьяне на покосе. Крохино (предположительно). 1909

На жнитве. Точное место съемки неизвестно. 1909

Крестьянка мнет лен. Пермская губерния. Точные дата и место съемки неизвестны

Крестьянские девушки. Деревня Нижняя Топорня. Река Шексна. 1909

Крестьянская изба в деревне Мартьяновой. Река Чусовая. 1912

Село Искор по пути из Чердыни в село Ныроб в 10 верстах от села Ныроб. Урал. 1913

Вишневые деревья в цвету. Район Волги. 1910

Сушка сетей на озере Корякино. Район Волги. 1910

Город Ржев. Князь-Федоровская сторона. Тетерино. 1910

Село Дрянновское в 25 верстах от города Шадринска. Урал. 1912

На реке Сим. У станции Миньяр. Урал. 1910

На озере Зюраткуль (предположительно). Урал. Миньяр. 1910 (предположительно)

Способ хранения сена. Станция Вязовая. Урал. 1909

Дом башкира. Деревня Яхья. Урал. Миньяр. 1910

Огород башкира. Деревня Яхья. Урал. Миньяр. 1910

Общий вид башкирской деревни Яхья. 1910

Дом башкира в деревне Яхья. 1910

Мечеть в башкирской деревне Яхья. 1910

Башкирка в национальном костюме. Деревня Яхья. 1910

Башкир у своего дома. Деревня Яхья. 1910

Мельница и плотина на реке Полоте. Полоцк. 1912

Сжатое поле. Витебская губерния. 1912

На реке Тобол у села Гилева. Этюд. 1912

Мельницы в Ялуторовском уезде Тобольской губернии. 1912

Семья поселенца. Поселок Графовка. Мугань. 1912 (предположительно)

Мугань. Изба поселенца из Харьковской губернии. Графовка. 1912 (предположительно)

Арбузы. Привоз по реке Куре в Петропавловское. Мугань. 1912 (предположительно)

Торговец дынями. Самарканд. 1911

КУПЕЧЕСТВО, ПРОМЫШЛЕННИКИ, МЕЦЕНАТЫ

Перед Октябрьской революцией в России насчитывалось около 600 000 купцов. Большинство из них относилось к так называемой третьей гильдии (гильдию определяло состояние), то есть вели небольшую торговлю, занимались ремеслом, содержали трактиры и постоялые дворы. На ранних этапах купеческие капиталы формировались в сфере торговли — хлебом, скотом, пушниной и т. д. В 1830–1840-е гг. в Сибири начинается добыча золота. В 1830–1860 гг. появляются городские общественные банки, создаются пароходства.

Товары перемещались на большие расстояния, например, из Кяхты (территория современной Бурятии, на границе РФ и Монголии) на ярмарку в Нижний Новгород. Уже в XVII веке среднеазиатские купцы активно вели дела в Сибири, привозя туда хлопок, ткани, пряности, красители.

В середине XIX века формируются артели ямщиков и купеческие компании по доставке грузов. Также купеческие капиталы вкладывались в промышленное производство: бумага, ткани, стекло, вино. Мелкие купцы создавали небольшие заводы и мастерские по производству мыла, свечей, кожи и т. д.

В принципе, само разделение купцов и промышленников в достаточной степени условно. Уже в царствование Михаила Романова, то есть в начале XVII века, в России появился новый вид промышленников: иностранные «рудознатцы», оружейники, литейщики. Это были не столько ремесленники, сколько организаторы производств, обладатели технологий и владельцы мастерских. Так, в 1632 г. голландский купец Виниус получил позволение построить в Туле завод для литья пушек и ядер. Со временем в России начали появляться и собственные промышленники, например, оружейный барон Никита Демидов. Иногда первыми промышленниками называют купцов Строгановых, ведавших еще в XVI веке солеварным промыслом. Схожим со Строгановыми промыслом в XVII веке на Волге занимался Надея (Епифаний) Светешников.

В истории Росси навсегда остались имена купцов, а то и целых династий: А. Ф. Второв, А. М. Сибиряков, Г. Г. Солодовников, Г. И. Шелихов, П. И. Губонин, И. Л. Медведников, Третьяковы, Морозовы, Рябушинские и другие.

Многое из того, что мы видим на фотографиях Прокудина-Горского, было создано благодаря российским купцам. Например, Каулинская фабрика; старейшее из текстильных предприятий Твери, она была основана в 1853 г. московскими купцами Каулиным и Залогиным. И уж совсем невозможно представить себе дореволюционную жизнь Урала и Сибири, где много фотографировал Сергей Михайлович, вне сферы влияния Демидовых и Строгановых.

В XVI–XVIII веках на Урале ведущей отраслью являлась торговля солью, с которой связано появление первых крупных торговых центров — Чердыни и Соликамска. Именно на торговле солью делались капиталы Строгановых. Сами они происходили из разбогатевших поморских крестьян. Один из первых представителей рода, Федор Лукич Строганов (умер в 1497 г.), обосновался в городе Соль-Вычегодская. Здесь его сын Аникей (Аника) в 1515 г. завел солеваренный промысел. В 1558 г. Иван Грозный пожаловал ему и его преемникам владения в Пермской земле по рекам Каме и Чусовой. Захватывая земли у местного населения и заселяя их пришлыми русскими крестьянами, Строгановы развивали земледелие, солеваренные, рыбные, охотничьи, рудные промыслы. Они строили города, крепости, с помощью военных дружин подавляли восстания местных народностей, присоединяли к России новые территории в Предуралье, на Урале и в Сибири. Семен Аникеевич Строганов (умер в 1609 г.) и внуки Аникея Федоровича Максим и Никита приняли участие в организации похода отряда Ермака (1581 г.). В Смутное время Строгановы оказали большую денежную (около 842 тысяч рублей), продовольственную и военную помощь правительству, за что в 1610 г. получили звание именитых людей. В годы Северной войны (1700–1721) Строгановы материально поддерживали правительство Петра I. Они основали несколько железоделательных и медеплавильных заводов на Урале. Сыновья Григория Дмитриевича, Александр, Николай и Сергей Григорьевичи Строгановы, в 1722 г. стали баронами, позднее графами. Члены фамилии занимали крупные государственные посты. Многие из Строгановых известны вниманием к искусству, литературе, истории, археологии; они собирали библиотеки, коллекционировали картины, монеты, эстампы, медали.

Не менее Строгановых знамениты Демидовы — заводчики и землевладельцы, выдвинувшиеся при Петре I благодаря созданию оружейных и горнодобывающих предприятий в Туле и на Урале. Они стали основателями многих уральских городов, внесли неоценимый вклад в освоение и развитие уральской земли. В XIX веке Демидовы отошли от предпринимательской деятельности и влились в ряды европейской аристократии (с купленным в Италии титулом князей Сан-Донато). Одна из ветвей рода в лице генерал-майора Николая Петровича Демидова в 1873 г. унаследовала имя и титул светлейших князей Лопухиных.

Демидовыми были основаны Демидовская премия и Демидовский лицей в Ярославле, который запечатлен Прокудиным-Горским в черно-белом варианте. В память об их заслугах в Барнауле и Ярославле в XIX веке были установлены Демидовские столпы. В Петербурге их имя носит Демидов мост, соединяющий берега канала Грибоедова.

Вернемся к развитию Урала. По мере развития экономики края происходило становление хлебной торговли, которая сохраняла ведущие позиции на Южном Урале до начала XX века. На доходах от нее создали миллионные состояния оренбургские купцы Юров, Деев, Зимин, троицкие и челябинские торговцы Холодков, Степанов и др.

В XVIII веке появился крупный горнозаводской комплекс. Купцы оказывали горнозаводчикам посреднические услуги при продаже металла, они развернули прибыльные операции по снабжению заводов и рабочих поселений различным провиантом, приняли участие в организации производств. В течение XVIII века представители купеческих семей Губиных, Лугининых, Мясниковых-Твердышевых, Осокиных, Походяшиных, Турчаниновых, Яковлевых основали или купили 72 металлургических завода.

В конце XIX — начале XX века уральское купечество продолжало сохранять важные позиции в торговле, особенно в транзитной, благодаря чему купцы создали крупные капиталы. Торговля индийским и китайским чаем позволила кунгурским купцам Грибушиным, Губкиным, Кузнецовым создать фирмы, получившие всероссийскую известность. В то же время купечество все активнее вкладывало средства в производство, прежде всего в винокуренную, мукомольную, пивоваренную, кожевенную, салотопенную отрасли, а затем и в металлургическое, химическое производства, в добычу золота и платины. В частности, в химической промышленности России уральские фирмы П. К. Ушкова и И. И. Любимова занимали по объему производств первое и третье место.

Если основатели купеческих династий были в основном людьми неграмотными или малограмотными, то их дети получали уже неплохое домашнее образование, а внуки учились в университетах, иногда даже заграничных. Так В. А. Баландина, внучка сибирского золотопромышленника А. К. Матонина, углубила свое образование в парижском Институте Пастера.

Российское купечество оказало существенную поддержку благотворительным и религиозным организациям, педагогическим и медицинским учреждениям.

Многие купцы занимали чиновничьи должности и вели общественную работу. В крупных торговых городах купцы занимали значительную часть городских дум, например, в Томске — около 70 процентов. Купцы зачастую избирались городскими головами. Крупный сибирский золотопромышленник П. И. Кузнецов трижды избирался городским головой Красноярска. Городской голова возглавлял и думу, и управу. Бюджеты городов были довольно слабыми, и городские головы часто вкладывали собственные средства в развитие городов.

В XIX веке российское купечество значительно расширило свою благотворительную деятельность. Это делалось как для получения почетного гражданства, медалей, так и с рели-

гиозными, и иными — не меркантильными — целями. Так иркутский купец И. Л. Медведников вместе с женой направил более 10 миллионов рублей на строительство и содержание больниц, церквей, монастырей, гимназий и т. д. Здания, построенные на их деньги, до сих пор служат Москве и Иркутску. Семья Третьяковых подарила не только Москве, России, но и всему миру знаменитую художественную галерею.

Во второй половине XIX века начинают создаваться общества попечения об образовании, которые открывают и финансируют школы, гимназии и библиотеки. Купцы принимают активное участие в создании и финансировании деятельности подобных обществ. Первое российское коммерческое училище было открыто в 1772 г. в Москве на средства П. А. Демидова, впоследствии оно было переведено в Санкт-Петербург.

Купцы не только вкладывали средства в образование, жертвовали на сиротские заведения, церковь, но и финансировали научные экспедиции. Например, А. М. Сибиряков за финансирование научных и географических исследований был награжден шведским королем крестом командора 1-го класса ордена Полярной звезды, французским правительством — знаком отличия «Пальмовая ветвь», серебряной медалью Русского географического общества.

Само купечество, стиль его жизни оказал значительное влияние на российскую архитектуру. Купеческие особняки формировали торговые зоны городов. Как правило, это были двух-трехэтажные деревянные или каменные дома. В первом этаже и подвале могли размещаться склад, магазин, лавка, контора; здесь жили слуги или дальние родственники. Второй этаж был жилым. Каменные дома имели толстые стены, деревянные отличались богатой резьбой. Появилась даже особая, «купеческая», кладка кирпича. Украшались кирпичные дома коваными решетками, чугунными лестницами, парапетами и т. д.

Несмотря на то что слово «купец» в обывательском сознании нередко ассоциируется с дремучестью и грубостью, представители этого сословия очень часто «несли в массы» прогресс и культуру. Так первую электростанцию в Сибири построил прямо в собственном доме в 1885 г. красноярский купец Гадалов. В конце XIX века в купеческих домах появляются специализированные комнаты — кабинеты, библиотеки.

Формально купечество являлось «третьим сословием», после дворянства и духовенства. Но, как мы видим, были среди этого сословия представители, которым страна обязана освоением целых регионов, становлением промышленности, а также большими финансовыми вливаниями в образование, искусство, архитектуру и другие культурные сферы.

Гимназия Кекина. Вид с колокольни Всесвятской церкви. Ростов Великий. 1911

Гостиница А. Г. Барскова (бывшая Федухина-Пожарского) в городе Торжке. 1910

Гостиница в Петропавловском. Мугань. 1912 (предположительно)

Каменский завод с рабочими поселениями. Урал. 1909

Картонный завод Гейльборна. Белый Ручей. Вытегорский уезд. 1909

Каулинская фабрика на реке Тьмаке. Тверь. 1910

Кыновский завод графа С.А. Строганова (прекращена работа). Река Чусовая. 1912

Старинная часовня на набережной города Осташкова. 1910

Хлопковый завод в Мургабском имении Байрам-Али. 1911

Спасо-Преображенский собор и Входоиерусалимская церковь в Торжке
с левого берега реки Тверцы. 1910

Ремесла и промыслы

Мировую славу России принесли не только знаменитые ученые, писатели, полководцы, но и в большинстве своем совершенно безымянные мастера, создавшие хохломскую роспись, вологодское кружево, табасаранские ковры, гжель, архангельскую бересту и многие другие «бренды», которые дожили до наших дней. Во времена Прокудина-Горского, то есть к концу XIX века, народные ремесла, прежде существовавшие в домашних условиях, стали внедряться в массовое производство. Возникали различные мастерские, артели, а то и крупные предприятия, такие, как Златоустовская оружейная фабрика или Каслинский завод литья. Последним двум Сергей Михайлович посвятил отдельные серии фотографий, но на самом деле образцы народного творчества «рассыпаны» по его снимкам, стоит только взглянуть на отделку церквей, на праздничные костюмы крестьянок и горожанок на портретах.

Тобольский краеведческий музей, запечатленный Прокудиным-Горским, знаменит не только тем, что с 1891 г. он находился под патронатом цесаревича Николая, но и образцами резьбы по кости. Ростовский музей немыслим без знаменитой местной финифти, росписи по эмали. Украшение металлических предметов эмалью было известно в России уже в X–XI веках. В Ростове оно было тесно связано с оформлением церквей и монастырей. В XIX веке в ростовской эмали появляются геометрические портретные изображения, что можно объяснить влиянием станковой живописи того времени.

В истории художественных промыслов России есть «олонецкий шов», владимирская «золотная» вышивка, практически все области Центральной России имели свои традиции и секреты в домашнем ткачестве, росписи тканей, кружево- и бисероплетении и многих других ремеслах. В XIX веке в быт россиян приходят изделия южных национальных окраин, достаточно широко представленные на снимках Прокудина-Горского, который позволяет нам заглянуть в лавку торговца коврами в Средней Азии или полюбоваться на праздничные и повседневные костюмы разных народностей.

В Узбекистане, Таджикистане, Грузии и Азербайджане процесс набойки (раскраски) тканей имел древнейшие традиции, там практически вручную изготавливали чудесные платки, шали и другие предметы одежды. При этом мастера сами изготавливали красители из натурального сырья, добиваясь самых разных оттенков. В равнинном Таджикистане выделялись ткачество, гончарство, кузнечное дело, различные производства, связанные с обработкой цветного металла, ювелирное дело, кожевенное производство, шитье одежды и обуви, обработка дерева. Изготовление тканей к началу XX века поднялось там до уровня мануфактурного производства, причем ткачи работали не только на дому, но и в специальных мастерских.

Гончарное ремесло нередко было специальностью целого селения, откуда изделия развозились по всей Средней Азии, — причем занимались им исключительно мужчины.

В Азербайджане даже вышивка была мужским делом. Даже когда в Закавказье хлынул поток относительно дешевых российских фабричных тканей и предметов утвари, там продолжали развиваться производство некоторых видов шелковых и суконных тканей, войлоков и ковров, национальной одежды и обуви, вышивка шелком и золотом, производство глазурованной керамики, изготовление чеканной и гравированной медной посуды, ювелирное дело, резьба по дереву и камню. В городах и крупных селениях существовали цеховые объединения.

Множество фотографических работ Прокудина-Горского посвящено Уралу, который представлен не только как регион, в котором бурно развивается отечественная промышленность, но и как край с богатейшими традициями художественного ремесла. Из поколения в поколение там передавалось мастерство обрабатывать самоцветы, а также искать руду, выплавлять металл, изготавливать из него оружие и художественные изделия.

Каслинский чугунолитейный завод был заложен в 1747 г. Яковом Коробковым, а в 1752 г. предприятие перекупил Н. Н. Демидов. Завод поначалу специализировался только на выплавке чугуна и производстве полосного железа. В начале XIX века предприятие приобрел богатый купец Расторгуев, и с этого времени началось производство художественных изделий. Уже в 1830-е гг. Касли стали известны как центр отливки изящных решеток, оград, половых плит с орнаментальными рельефами, а также надгробных памятников. С 1845 г. там выпускались садово-парковая мебель и декоративные предметы интерьера. В это же время появились первые образцы скульптуры — небольших фигурок, укрепленных на пресс-папье.

Важная роль в создании образов каслинского художественного литья принадлежит скульпторам, выпускникам петербургской Академии художеств — М. Д. Канаеву и Н. Р. Баху. В 1876 г. Канаев создал заводскую художественную школу, где обучали рисунку, лепке, формовке и чеканке. По его предложению ассортимент каслинских изделий обогатился отливками в чугуне произведений известнейших русских скульпторов — П. К. Клодта, И. П. Витали, Е. А. Лансере, А. Л. Обера, Н. И. Либериха. В 1880-е гг. на заводе начали работать выпускники заводской школы, скульпторы В. Ф. Торокин, Д. И. Широков, К. Д. Тарасов и другие.

В 1900 г. в Каслях был создан чугунный павильон для Всемирной выставки в Париже. Выполненный по проекту архитектора Е. Е. Баумгартена, павильон представлял собой ажурную чугунную комнату, в которой были выставлены около полутора тысяч лучших образцов «каби-

нетных» вещей — скульптура, подсвечники, ажурные вазы и тарелки, шкатулки, письменные приборы. Мастера старались не зря: изделия удостоились золотой медали и Гран-при.

В 1914 г., с началом Первой мировой, завод перешел на выпуск военной продукции. И только в начале 1920-х гг., после долгого перерыва, в Каслях снова стали создавать художественные отливки, в основном мемориальные доски с портретами Маркса и революционных лидеров. С 1934 г. на заводе был организован регулярный выпуск художественного литья.

Политические бури не миновали и оружейную фабрику в Златоусте. Вообще до начала XIX века в России холодное оружие изготовляли отдельные мастера-самородки на Тульском, Сестрорецком и других заводах. Холодное оружие считалось второстепенным, предпочтение отдавалось оружию огнестрельному. Клинки для украшения или устрашения придворная и военная знать закупала в крупнейших оружейных центрах Западной Европы — Золингене и Клингентале. Но закупочные цены постоянно росли, и Александр I повелел Сенату организовать отечественный центр по производству холодного оружия, в том числе украшенного. Был выбран Златоуст с его чугунолитейным и железоделательным заводом. Низкая себестоимость была обеспечена использованием труда крепостных и возможностью быстрой доставки продукции по густой сети окрестных судоходных рек.

Для организации производства холодного оружия были приглашены специалисты из Германии — отец и сын Вильгельм Николай и Вильгельм Людвиг Шафы. До 1817 г. они были единственными мастерами вытравки и позолоты клинков на Златоустовской фабрике. Но местные подмастерья быстро переняли секреты изготовления гравюры и превзошли своих учителей и в технике исполнения, и по разнообразию миниатюры. С 1818 г. все оружие на фабрике украшали русские мастера, после того как с честью выдержали свой первый экзамен: в Петербург, в департамент Горных и соляных дел, были отправлены девятнадцать клинков, украшенных без всякой помощи Шафов. Эти изделия получили высочайшую оценку членов «приемной комиссии». Вскоре сами Шафы благословили своих учеников на трудовые подвиги и отправились делать бизнес в Москве.

На привокзальной площади Златоуста установлен памятник Ивану Бушуеву, одному из первых и лучших граверов оружейной фабрики. Бушуев и его товарищи ввели в арсенал украшений сложные сюжетные композиции, миниатюры на темы русской истории. Горожане назвали его Иванко-Крылатко за то, что в орнамент на оружии Бушуев ввел изображение крылатого коня (впоследствии он «перелетел» на герб города). Прямым последователем и продолжателем самобытного бушуевского искусства украшения холодного оружия был

другой замечательный мастер Златоустовской оружейной фабрики — Иван Петрович Бояршинов.

Мировую известность златоустовская гравюра на стали получила в 1829 г. и в последующие годы, став постоянным участником промышленных выставок (Лондон, 1851 — бронзовая медаль; Лондон, 1862 — серебряная медаль; Париж, 1867 — две серебряные медали; Вена, 1873 — серебряная медаль; Филадельфия, 1876 — две серебряные медали; Париж, 1878 — золотая медаль; Чикаго, 1893 — большая бронзовая медаль; Стокгольм, 1897 — золотая медаль.).

Во второй половине XIX века на фабрике вместо ртутного золочения «через огонь» был введен гальванический способ золочения и серебрения. Он ускорял процесс работы, удешевлял его, давал экономию драгоценных металлов; но, с другой стороны, он же стушевывал индивидуальность художественного почерка мастера, которая все больше уступала место стандартизации. А к началу XX века художественная промышленность и некоторые народные промыслы подверглись влиянию модерна. На фабрике разразился творческий кризис, который даже вылился в очередное закрытие цеха украшенного оружия в 1909 г.

Златоустовская оружейная фабрика была единственным государственным предприятием в стране, вооружавшим холодным оружием армию, сначала русскую, потом советскую. За годы Первой мировой войны было изготовлено более 600 000 шашек, клинков и кавалерийских пик, за годы Великой Отечественной войны — 583 000 боевых шашек и около миллиона армейских ножей, прозванных фашистами «черными ножами», ставших отличительным признаком, в частности, Уральского добровольческого танкового корпуса. В 1945 г. участники Парада Победы имели при себе златоустовское холодное оружие. Любопытно, что в новейшие времена уральские оружейники послужили символом мира и дружбы между СССР и США благодаря С. М. Прокудину-Горскому. На нескольких его снимках запечатлен житель Златоуста Андрей Петрович Калганов, бывший мастер кожано-лакировального цеха местной оружейной фабрики. Он работал в течение 55 лет, «имел счастье» поднести «хлеб-соль» Николаю II в 1904 г., когда император посетил Златоуст для осмотра полков, отправляемых на Русско-японскую войну. Так вот, стеклянный диапозитив снимка «Три поколения Калгановых» (Андрей Петрович снят вместе с сыном и внучкой) был подарен президентом США Р. Рейганом президенту СССР М. С. Горбачеву. Почему-то дар передали не в Златоуст, а в Нижнетагильский краеведческий музей. Это единственный находящийся в России диапозитив из коллекции Прокудина-Горского.

Стихари, шитые царевнами — сестрами Петра. Успенский монастырь
в городе Александрове. 1911

Вид на город Златоуст с запада. 1909

Горка из оружия в Арсенальном музее Златоустовского завода. 1909

Механическая мастерская для отделки художественного литья Каслинского завода. 1909

Формовка художественного литья. Касли. 1909

Вид на Касли. 1909

Вид на Каслинский завод. 1909

Курмы*. Точные место и дата съемки неизвестны

* Бурятские национальные костюмы.

Плотник. Самарканд. 1911

КАК РОМАНОВЫ УКРОЩАЛИ РЕКИ

В 1903 г. Прокудин-Горский поразил москвичей и петербуржцев невиданным доселе зрелищем: на большой экран проецировались красочные фотографии. Соотечественники пока что ограничились аплодисментами, а вот в Германии для пионера цветной фотосъемки было создано специальное оборудование. И Сергей Михайлович отправился в свою первую творческую экспедицию, в ходе которой снимал, среди прочего, виды Сайменского канала и Сайменского озера, а также дагестанский аул Гуниб, где в 1859 г. была успешно атакована ставка имама Шамиля. В 1905 г. Прокудин-Горский пытался заключить договор с отечественным Красным Крестом с тем, чтобы его будущие работы оплатили. Это была не корысть, а жизненная необходимость: занятия цветной фотографией, как и всякое новое дело, стоило больших денег, причем это была не дорогая прихоть художника, а подвиг ученого. Не случайно, наверное, Сергей Михайлович для первой своей фотоэкспедиции выбрал объекты, которые славили династию Романовых, готовившуюся отметить 300-летие, и могли тронуть взор и душу власть имущих. Сайменский канал, безусловно, был дорог сердцу Николая II. Эта грандиозная стройка, можно сказать, была детищем династии. И как показало будущее, фотограф не ошибся в своих расчетах.

Огромный бассейн Сайменской озерной системы, богатый лесами, долго не имел водных путей сообщения ни с Финским заливом, ни с Ладожским озером, то есть с Петербургом. Приходилось разгружать суда в Вильманстранде, перевозить товары посуху и потом снова грузить на корабли. В обратную сторону тем же способом финнам доставляли в основном зерно и соль. Все это было долго и накладно. Попытки сооружения судоходного канала между Саймой и морским побережьем предпринимались в еще в 1499–1511 и в 1607–1609 гг. Но многократные начинания стопорились из-за отсутствия денег и необходимой техники. Когда в начале XIX века Финляндия вошла в состав Российской империи, наши монархи немедленно озаботились ее обустройством. Александр I, а затем Николай I особое внимание уделяли развитию промышленности и торговли. В 1811 г. под финляндское управление была передана Выборгская губерния. В Финляндии были отстроены города, появились торговые и мануфактурные компании, создана сеть дорог. До строительства водного пути дело дошло только при Николае I, в 1834 г., благодаря Выборгскому губернатору Августу Рамзаю, генерал-губернатору Финляндии князю Меншикову и начальнику финансовой коллегии, сенатору фон Гартману. В мае 1835 г. Финляндскому инженерному ведомству было выдано задание на технические изыскания по сооружению Сайменского канала, в 1845 г. начались строительные работы.

Стройка была не только крупнейшей для своего времени, здесь многое применялось впервые. Большую помощь оказывали шведские специалисты, которые имели опыт строитель-

ства каналов в скальном и холмистом ландшафте. Впервые в горных работах был использован порох. Длина канала тогда составила 59,3 км; из них 36,1 км были прорыты, а остальные приходились на реки и озера. Было сооружено 15 шлюзов. Канал еще до начала эксплуатации стал важной достопримечательностью и туристским объектом Восточной Финляндии. Уже при Александре II, на 4 года раньше запланированного срока, состоялось торжественное открытие, приуроченное к коронации нового монарха.

Доля нового сооружения в канальных грузоперевозках во второй половине XIX века достигала 70 процентов. Эта водная артерия преобразила экономику восточной части Финляндии: деревообрабатывающая промышленность наконец-то получила возможность вывозить свою продукцию, выросло производство масла, «плывшего» в Петербург. По каналу также вывозили продукцию черной металлургии. Многократно возросший товарооборот стимулировал развитие судостроения, которое обеспечивали верфи Выборга и Варкауса. К концу XIX века на озере Сайма было более 800 различных пароходов и барж, обеспечивавших занятость 3 500 человек. До середины 1870-х гг. через канал проходило 2–3 тысячи судов в год, с введением свободы предпринимательства в 1897 г. их количество резко возросло, достигнув к 1913 г. 11 тысяч. Кроме того, канал был привлекателен для дачников, в том числе для таких, как министр иностранных дел Н. К. Гирс и писатель А. И. Куприн. Рядом со шлюзами открылись гостиницы и рестораны, в селе Лауритсала был построен пивоваренный завод. На берегах Саймы обустраивались бальнеологические курорты, открывались казино. Даже активно строящиеся железные дороги не умаляли привлекательность путешествия по каналу. А уже при Николае II в 1893–1903 гг. была произведена реконструкция канала с применением бетона. И неудивительно, что в 1903 г. Прокудин-Горский отправился именно туда.

Опять же закономерно, что первым объектом съемки для Сергея Михайловича, после того как Николай II оказал ему монаршую поддержку, стала Мариинская водная система, которая нам известна как Волго-Балтийский водный путь. Деньги на то, чтобы соединить бассейн Волги с Балтийским морем, в частности, на строительство Вытегорского канала, основного искусственного элемента системы, были взяты взаимообразно из сохранной казны воспитательных домов. Этим фондом заведовала императрица Мария Федоровна, жена Павла I, поэтому новопостроенный канал получил ее имя. Строительство началось в 1799 г. и заняло 11 лет. Протяженность системы составила 1145 км, но впоследствии Мариинский канал неоднократно модернизировался.

Прекрасная река Волга, «матушка Волга», кормилица и трудяга, служит на фотографиях Прокудина-Горского в основном деталью пейзажа, на фоне которого вырастают плотины, шлюзы, заводы, красуются старинные города и маленькие деревни. Воздадим ей справедливость. Волга (3690 км) не является самой длинной рекой России, здесь первенство принадлежит Лене (4320 км) — но зато в Европе ей нет равных. В Волге обитает около 70 видов рыб, из них 40 промысловых, таких, как вобла, лещ, судак, сазан, сом, щука, осетр, стерлядь. Географическое положение Волги и ее крупных притоков обусловило уже к VIII веку большое значение реки как торгового пути между Востоком и Западом. Покорение Иваном Грозным в середине XVI века Казанского и Астраханского ханств привело к объединению всей Волжской речной системы в руках России, что способствовало расцвету волжской торговли в XVII веке. По Волге ходили большие караваны судов (до 500 единиц). В XIX веке, благодаря Мариинской водной системе, на Волге возникает крупный речной флот. В 1820 г. по реке проходит первый пароход. По волжским водам перевозят хлеб, соль, рыбу, позже — нефть и хлопок. И конечно, Волга была и остается огромным музеем под открытым небом и мемориалом военной славы России.

Не менее интересна история уральской реки Чусовой, для прохождения которой Прокудину-Горскому была предоставлена моторная лодка. Река берет начало на восточных склонах Уральского хребта, в Азии, пересекает его и в основном протекает по его западным склонам, в европейской части России, дважды переходя из современной Свердловской области в Пермский край. Украшением Чусовой являются многочисленные скалы (так называемые «камни») в местах, где река пересекает горные цепи. На берегах Чусовой археологами обнаружены многочисленные стоянки времен неолита и бронзового века. В Средние века здесь жили манси, коми-пермяки и башкиры.

Первые упоминания о Чусовой в новгородских летописях датируются 1396 г. Первые русские поселения здесь появились в 1568 г. и были связаны с именем купцов Строгановых, которым весь бассейн Чусовой был отдан во владение. Впоследствии обширные земли за Уралом (в том числе верховья Чусовой) были отданы Демидовым, и владения двух знатных купечеcко-промышленных фамилий разделяла река Межевая Утка. В XVIII веке здесь один за другим возникли железоделательные заводы — Полевской, Васильево-Шайтанский, Ревдинский, Северский и другие. До постройки железной дороги через Урал река Чусовая была важной транспортной магистралью для перевозки уральского металла в европейскую часть России. В 1878 г. здесь было основано Франко-русское акционерное общество, взявшее в аренду желез-

ные заводы князя С. М. Голицына и основавшее крупные чугуноплавильный и железоделательный заводы при станции Чусовская (ныне город Чусовой). В дальнейшем эта компания была реорганизована и получила название Камское акционерное общество железо- и сталеплавильных заводов; ей принадлежали также Пашийский чугуноплавильный, Чусовской сталелитейный, Нытвенский железоделательный заводы.

Нередко тяжелые деревянные суда терпели крушение у прибрежных скал, самые опасные из которых назывались «бойцами». Только за весну 1877 г. на камне Разбойнике разбилось 23 баржи и утонуло свыше сотни сплавщиков. В XVII–XIX веках, чтобы обезопасить судоходство, были взорваны наиболее опасные «бойцы», очищены от крупных камней перекаты и пороги, установлены сотни причальных столбов. В тех местах, где сильное течение выносило барки на опасные скалы, устраивали системы из бревен, которые смягчали удары. Благодаря предпринятым усилиям к 1873 г. грузопоток вырос до 8 049 тысяч пудов, а в 1890-е гг. аварийность судов снизилась с 10-ти до 4-х процентов от общего количества рейсов.

Визит Прокудина-Горского на Чусовую пришелся на то время (1912 г.), когда, после ввода в эксплуатацию Горноуральской железной дороги, по реке ходили лишь отдельные барки с хлебом, материалами и иными припасами. Последние барки по Чусовой прошли в 1920-е годы. Начало XX века было знаменательно для Чусовой тем, что в очередной раз рассматривался проект соединения каналом ее и реки Исеть. В 1815 г. даже были начаты некоторые земляные работы: по инициативе управляющего Верх-Исетским заводом Г. Ф. Зотова был прорыт двухкилометровый канал между реками Топкой (притоком Чусовой) и Решеткой (притоком Исети). Канал предназначался для пропуска воды из Чусовой в Исеть, однако уже вскоре проект был закрыт из опасения, что и без того маловодная Чусовая может обмелеть совсем. Повторно к этому проекту вернулись в начале XX века, но вновь дело не продвинулось дальше сметы, как это часто бывает в России.

Гонки на Екатерининском устье канала Петра I, город Шлиссельбург. 1909

Монумент в память открытия Онежского канала. В селе Вознесенье. 1909

Пожарная тревога на пароходе «Шексна». Онежский канал. 1909

Команда парохода «Шексна» М.П.С. Город Вытегра. 1909

Подъемный мост на реке Вытегре. Город Вытегра. 1909

Онежское озеро. Место спасательной станции. Устье реки Вытегры. 1909

Верхневолжский бейшлот. 1910

Плоты у Верхневолжского бейшлота, ожидающие спуска. 1910

Село Девятины и водоспуск шлюза Св. Бориса. 1909

Река Остречина. Часовня Св. Николая у пристани Остречины. Река Свирь. 1909

Тверь. Вид на Волгу вверх по течению с моста. 1910

Волга около города Зубцова. Вид с Полустовой горы. 1910

Полоцк. Николаевский собор с левого берега Западной Двины. 1912

Впадение реки Костромы в Волгу. 1910

Вид на город Пермь с железнодорожного моста через Каму. 1909

Камень «Слизкой». Река Чусовая. Урал. 1912

Пароход «Тюмень» Министерства путей сообщения.
На реке Туре близ Тюмени (предположительно). 1912

Река Тура в городе Тюмени, вид с юго-запада. 1912

Набережная города Тобольска с севера. 1912

Вид на город Тобольск с северо-востока с колокольни Преображенской церкви. 1912

РОССИЙСКИЕ «ВОДЫ»

Визиты русских дворян и богемы на курорты прочно связаны в нашем сознании с Ниццей, Виши и разнообразными «баденами» (baden в переводе с немецкого значит «купать»). При этом лечение не всегда было основной целью. Туда бежали от несчастной любви и за полезными знакомствами, спасались от долгов и делали новые (Достоевский в Висбадене проигрался настолько, что ему пришлось за 26 дней сочинить «Игрока»). Баден-Баден стал популярным после того, как будущий император Александр I сочетался браком с баденской принцессой Луизой, впоследствии императрицей Елизаветой Алексеевной. С тех пор Гагарины, Волконские, Вяземские, Меншиковы, Трубецкие и представители других знатных фамилий считали необходимым ездить туда лечиться, за ними последовали русские литераторы. На самом деле для того, чтобы поправить здоровье, вовсе необязательно было уезжать из Российской империи. К XIX веку она располагала золотым запасом минеральных вод и целебных грязей. Еще в древности летописцы отмечали пользу пребывания в Колхидской низменности (между Сухумом и Кобулети), у источников Арзни и Джермука (Армения), Истису (Азербайджан). Неутомимый «вечный работник на троне» Петр I, страдавший нервным заболеванием, сам побывав в Карлсбаде и Пирмонте, поручил искать «в Нашем государстве ключевых вод, которыми можно пользоваться от болезней, на приклад, какими в здешних краях пользуются как Пирмонтская, Шнавассер и прочие». Результатом стало открытие олонецких (петрозаводских) и липецких марциальных вод, позже петровский лейб-медик Готлиб Шобер исследовал и описал горячие воды в Тереке. В «Ежемесячных сочинениях Академии наук» (ноябрь 1760 г.) упоминается со слов местных жителей о наличии в районе Пятигорья-Бештау горячих источников и «кислого родника» (очевидно, источник нарзана).

Во второй половине XVIII и особенно в XIX веке шло быстрое развитие курортного дела: в различных районах России изучались минеральные источники и грязевые озера, их описания даны в трудах Ф. Гебера, Н. Воронихина, Л. Бертенсона и других. Один за другим возникают курорты: Старая Русса, Сергиевские минеральные воды (Самарская область), Усолье (Пермский край), алтайская Белокуриха, грязевые курорты в окрестностях Одессы, Друскининкай (территория современной Литвы), Кеммерн (территория современной Латвии). Во второй половине XIX века были обследованы Сакское и Тинакское грязевые озера в Крыму, в Сибири — источники на территории села Ямаровка и поселка Дарасун, в Средней Азии — Иссык-Куль, Аксу, Джалал-Абад, на территории Казахстана — Алма-Арасан, в Грузии — Боржоми и Цхалтубо. Курортов могло бы быть намного больше: по материалам 3-го съезда Русского бальнеологического общества, образованного в 1863 г., при наличии 500 известных источников минеральных

вод и месторождений грязей, к тому времени организовано лишь 36 курортов, где они использовались. По официальной статистике, в 1912 г. в России было 72 курорта.

Прокудин-Горский не обошел своим вниманием тему курортного лечения, наиболее полно она отражена в снимках Боржоми, отчасти — в фотографиях, сделанных на Урале.

Поездки на отечественные курорты именно за здоровьем прочно входили в быт россиян, в том числе небогатых. Достаточно демократичным был отдых на Кавказских Минеральных Водах (Ставрополь, Кисловодск, Пятигорск, Железноводск, Ессентуки и др.). В 1883 г. была прекращена частная аренда Кавказских Минеральных Вод, а их особое значение подчеркнуто созданием специального медицинского управления во главе с правительственным комиссаром. К этому же периоду относится введение закона об охране курортов. В начале XX века были построены отвечавшие требованиям бальнеотехники водолечебницы в Пятигорске и Кисловодске, грязелечебница в Ессентуках. Отечественные ученые проявляли инициативу в изучении месторождений минеральных вод и грязей, возможностей их использования, однако результаты исследований не имели практического воплощения. Специалистов-врачей не хватало. По свидетельству известного бальнеолога А. А. Лозинского, работавшего потом при советской власти, в КавМинВодах, некоторые «эмпирики», упоенные успехом своих терапевтических мероприятий, нередко доходили до курьезов. Они предписывали больным потеть в паровой бане в горячей печи 15 дней подряд, держали в воде не только днем, но и ночью, или заставляли их выпивать в день до 80 стаканов минеральной воды. Чтобы разнообразить длительное пребывание больных в воде, в бассейнах для водолечения помещали плавучие столики с закусками и напитками.

Лозинский приехал в Кисловодск, когда полным ходом шла подготовка к 100-летнему юбилею КавМинВод, отмечавшемуся в 1903 г. В 1902 г. одним из самых заметных явлений стало открытие Института снарядной гимнастики Цандера. В городе имелось 5 гостиниц, казенные бараки с 72 комнатами, роскошные дачи и квартиры, причем многие из них были доступны по цене и для небогатых слоев населения. Если в 1901 г. в Кисловодске лечилось 4788 человек, то в последующие два года 7107 и 7266 соответственно. Надо отметить, что популярности и доступности курорта сильно способствовала железнодорожная ветка Минеральные Воды — Кисловодск, в 1896 г. подведенная к Железноводску, а также электрификация, осуществленная с гидроэлектростанции «Белый уголь» на реке Подкумок вблизи Ессентуков.

В Ежегоднике Пермской губернии от 1916 г., в разделе Целебные силы Урала, можно прочесть, что местные сергинские, курьинские и обуховские воды не уступают источникам

Кавказа и Западной Европы. Незамерзающие роднички минеральной воды, бившие из-под земли на берегах реки Пышмы недалеко от деревни Обухово, люди заприметили давно и пользовались этой чудодейственной водицей, назвав ее «обуховской». В 1871 г. камышловский купец Евгений Нивалихин открыл курортное водолечение на Обуховских минеральных источниках. Были построены «ванницы» с 20 ваннами. В летнее время источники соединялись пешеходным мостом через реку Пышму. Кроме того, на водах применялось кумысолечение. В путеводителе по Уралу за 1899 г. сказано: «При водах для пациентов имеются меблированные дома и номера, буфет, кухня, бильярд, крокет, рояль, роща для гулянья, гимнастика, лодки и купальня на р. Пышме, журналы и газеты... Каждый день, кроме субботы и праздников, играет оркестр музыки». Для развлечения публики был привезен павлин. В то время в Камышлове, Екатеринбурге и даже Москве издавались цветные и черно-белые открытки с видами уральских источников.

В том же путеводителе приведены расценки на питание: обед из двух блюд за общим столом стоил 12 рублей в месяц, из трех блюд — уже 15 рублей, поесть не выходя из «нумеров» стоило соответственно 15 и 18 рублей. Ведро кумыса стоило 3 рубля, бутылка — 20 копеек. За самовар два раза в день платили 3 рубля в месяц. Проезд на извозчике от железнодорожного вокзала до курорта в один конец стоил 50 копеек. Согласно журналу Камышловской земской Управы за тот же год, рабочие получали от 40 до 80 копеек в день, или от 10 до 20 рублей в месяц за 25 рабочих дней. Медсестры, делопроизводители, ученики фельдшера, сторожа и рассыльные получали от 10 до 15 рублей. Фельдшеры и почтальоны 25 рублей, акушерка получала 30 рублей в месяц. Согласитесь, это очень интересные сведения, по которым мы можем сделать вывод: лечиться простому народу на курорте было дороговато, а для высшей знати — слишком дешево и не престижно. Но слава обуховской минералки дожила до наших дней.

Открытию самых известных курортов империи зачастую способствовал случай. Так минеральные источники Боржоми были обнаружены более тысячи лет назад. Об этом свидетельствуют найденные в начале XX века семь каменных ванн, датируемые началом первого тысячелетия нашей эры. Но жизнь там забила ключом во всех смыслах только после того, как в 1816 г. в Боржоми стал на постой гренадерский полк и солдаты нашли источник. Полковник Попов страдал желудком и первым опробовал на себе действие местной минеральной воды. Оно оказалось столь благотворным, что Попов приказал обнести источник камнями и построить неподалеку баню и небольшой домик для себя. В 1841 г. наместник царя на Кавказе Евгений Александрович Головин привез на лечение в Боржоми свою больную дочь. В итоге граф назвал

первый источник Екатерининским, по имени дочери, а второй, найденный и благоустроенный к этому времени, Евгеньевским, в свою честь. Эти источники сфотографированы Прокудиным-Горским. В 1850 г. в Боржоми был разбит Парк минеральных вод. Появились новые дворцы, парки, скверы, гостиницы. Многое в Боржоми связано с именем великого князя Михаила Романова, сына Николая I, который с 1862 г. был назначен наместником Закавказья. Он задался целью построить курорт уровнем Карлсбада или Виши. Параллельно в авторитетных учреждениях России изучались лечебные свойства минеральной воды из Боржоми. В 1890 г. в Парке минеральных вод заработал первый разливочный завод, в 1894 г. была введена в эксплуатацию узкоколейная железнодорожная ветка на участке Михайлово (ныне Хашури) и Боржом (Боржоми), в 1902 г. — на коротком участке Боржом — Боржом-Парк. А до этого приходилось ездить из Тифлиса (Тбилиси) на фаэтонах, путь занимал порядка девяти часов.

В 1896 г. открылся первый стекольный завод, который со временем стал выпускать 10–12 миллионов бутылок в год. Тремя годами позже была построена первая электростанция, осветившая Боржомское ущелье и еще три прилегающих района. На рубеже веков в Грузию был командирован химик Ф. Мольденгауэр, который разработал метод сохранения физико-химических свойств воды, разлитой в бутылки: он предложил насыщать ее природным углекислым газом, и это позволило экспортировать напиток. В 1904 г. удалось частично механизировать розлив целебной воды. «Боржоми» начинает получать дипломы в России и за рубежом.

В советское время «Боржоми» стали употреблять просто как отличное средство для утоления жажды. В новейшей истории России вокруг минералки разгорелись нешуточные страсти, под известной этикеткой в пластиковые бутылки зачастую разливали неизвестно что. Сейчас вода «Боржоми» вернулась на наши прилавки и в холодильники, и это в высшей мере справедливо, поскольку своей славой напиток в значительной степени обязан россиянам.

Обуховские минеральные воды (серные и железные) в 7 верстах
от Камышлова. 1912

Ущелье реки Черной (верховье). Боржом. 1912 (предположительно)

Черная речка. Близ Боржома. 1912 (предположительно)

Вид села Даба близ Боржома. 1912 (предположительно)

Боржом. Лесопильный и стекольные заводы и упаковочное отделение минеральных вод. 1912 (предположительно)

Общий вид Боржома с Торского плато. 1912 (предположительно)

Евгеньевский источник. Боржом. 1912 (предположительно)

Екатерининский источник. Боржом. 1912 (предположительно)

Грузинки в праздничном наряде.
Боржомский парк. 1912 (предположительно)

Новая гостиница. Гагры. 1912

Боржом. Склад вод и лесопиальный завод на Черной Речке.
1912 (предположительно)

Склад вод. Боржом (с другой стороны). 1912 (предположительно)

Отправка вод. Боржом. 1912 (предположительно)

Упаковочное отделение. Боржом. 1912 (предположительно)

Дачные
и курортные владения

В XIX веке обеспеченные россияне стали обзаводиться или брать в аренду пригородные, а то и весьма удаленные от основного жилища дома, где они проводили свободное время и летние каникулы. В нашем сегодняшнем понимании, они ездили на дачу или на курорт. «За город» отправлялись даже императоры с семейством, правда, их «дачи» отличались пышностью и нередко назывались дворцами.

Дачным отдыхом, как и многим другим, мы обязаны Петру I. Именно он решил дать своим чиновникам земли под Петербургом, дабы подчиненные всегда находились «под рукой». Подданные получили земельные угодья под Петергофом, и проевропейски настроенный император лично контролировал, приживается ли у знати отдых на заграничный манер.

Во второй половине XVIII века слово «дача» приобрело современное значение: загородный дом с приусадебным участком, расположенной недалеко от города и не являющийся при этом основным местом жительства. В XIX веке, путешествуя по расширившейся территории империи, знать приобретала и южные дачи.

Некоторые историки считают точкой отсчета появления дач 1821 г., когда император Николай I подарил своей супруге Александре Федоровне земли в Петергофе, которые впоследствии стали называться «собственная ее Величества дача Александрия».

Первый императорский указ, в котором используется слово «дача», был подписан Николаем I в 1844 г. и почему-то зимой. Указ назывался «О раздаче в г. Кронштадте загородной земли под постройку домиков или дач и разведение садов». Преимущество на получение «соток» имели военные. С появлением железных дорог совпало и появление в России целого слоя людей — чиновников, творческой интеллигенции, инженеров, врачей, которые не имели фамильных усадеб, но летом хотели выезжать из промышленных городов и имели на это средства. Чаще они не покупали, а арендовали на летние месяцы загородное жилье. И к 1888 г. вокруг Москвы было уже 6000 дач.

Москвичи осваивали Кунцево, Сокольники, Останкино, Перово. Крепостные графа Шереметева переоборудовали свои останкинские дома: надстраивали вторые этажи, выводили на них балкончики, пристраивали наружные лестницы. Особой популярностью пользовались дачные «террасы».

Что касается Петербурга, одним из самых востребованных мест у дачников стала Гатчина, чему способствовало введение в эксплуатацию железной дороги в Царскосельском уезде. В Гатчине селились офицерские семейства и средний класс. Вскоре город облюбовали для своего летнего отдыха представители творческой интеллигенции. Чтобы жить на даче с конца

апреля по сентябрь, не требовалось быть очень уж состоятельным человеком. В 1911 г. в Плюссе (территория современной Псковской области) можно было снять дачу в три комнаты (с дровами и садом) на все лето за 50 рублей. Дача в Боровичах, по Николаевской железной дороге, с кухней и ледником, обходилась в 80 рублей за сезон. В том же 1911 г. сумма месячной аренды четырехкомнатной квартиры в Петербурге составляла 50–80 рублей. Для значительного числа горожан становилось все выгоднее зимовать на даче. Так, многие дачные места в начале XX века утратили свой летний характер и приобрели статус поселка, заселенного круглый год людьми «среднего класса», связанными по долгу службы со столицей.

Заядлым дачником и рыбаком был Александр III, известный своей скромностью в быту и нелюбовью к «заграничному». В 1889 г. в финском местечке Лангинкоски появилась рыбацкая дача императора. Великое княжество Финляндское было частью Российской империи, Лангинкоски изначально задумывалось как резиденция членов императорской семьи. Надпись на установленном там памятном камне сообщает: «Миротворец Александр III наслаждался здесь покоем и уютом под охраной верного народа». Александр впервые побывал в Лангинкоски еще в бытность наследником престола, в 1880 г. Он понаблюдал за ловлей форели, восхитился красотой пейзажа и выразил желание приехать снова, а когда стал императором, решил построить здесь усадьбу. За 13 лет своего правления царь-миротворец в общей сложности провел в Суоми 213 отпускных дней. Проживая в своей двухэтажной рыбацкой усадьбе, Александр III ловил рыбу, колол дрова и мастерил ступеньки. Императрица Мария Федоровна с большим удовольствием готовила блюда из пойманной августейшим супругом рыбы. Как-то раз, катаясь с семьей на лодке, царь причалил к небольшому острову, где его дети стали собирать цветы. Однако появившийся тут же владелец заявил: «На своем острове я царь». Император послушался и уехал, а позже прислал финну золотые часы в благодарность за «хорошую заботу о своих землях».

Вступивший на престол после смерти Александра III в 1894 г. Николай II был в Лангинкоски лишь однажды, о чем сохранилась запись, сделанная им и членами его семьи в книге посетителей. Николай II, который провел в Финляндии больше времени, чем все остальные российские императоры, предпочитал отдыхать в Виролахти.

Одним из любимых мест отдыха для россиян — от монархов до простых смертных — был и есть Крым. Полуостров начал развиваться как курорт во второй половине XIX века, когда стал постепенно превращаться в «русскую Ривьеру». Отдыхающие ездили туда не только приятно провести время, но и лечиться от туберкулеза. Основные курорты южного берега в XIX веке — это Ялта и Алупка. По совету придворного врача С. П. Боткина в Крыму лечилась от туберкулеза

императрица Мария Александровна. В 1899 г. в Ялте был открыт первый в Европе противотуберкулезный санаторий. В конце XIX — начале XX века в Крыму были построены летние дворцы и виллы для отдыха царской семьи и российской аристократии.

Ливадийский дворец был построен как летняя резиденция императора Александра II, потом он стал резиденцией Александра III и Николая II. В 1894 г. именно в Ливадии скончался Александр III. Дворец в легком «итальянском» стиле возвели в конце XIX века под руководством И. Монигетти и Н. П. Краснова. В 1911 году по проекту Н. П. Краснова, главного архитектора Ялты, для императора Николая II был построен новый Белый дворец. По некоторым данным, Николай II потратил на дворец около 4 миллионов золотых рублей.

Прокудин-Горский снимал Ливадийские дворцы в 1905 г., предварительно получив разрешение Министерства Императорского двора и уделов, Главного управления уделов по Ливадийско-Массандровскому управлению под названием «О допущении г. Прокудина-Горского к произведению снимков Ливадийских дворцов». Во время путешествия по Крыму Сергей Михайлович сфотографировал и принадлежавший в то время московской купчихе Рахманиной деревянный замок на скале Авроры мыса Ай-Тодор — «Ласточкино гнездо», которое спустя всего несколько лет стараниями нового владельца участка, нефтяного промышленника барона Штейнгеля приобрело свой нынешний вид, который напоминает средневековые сооружения на берегах Рейна.

Последний русский император любил Крым. Достаточно сказать, что 10 октября 1894 г. в Алуште, на даче генерала А. М. Голубева, наследник престола Николай Романов встретил свою невесту Алису Гессенскую, о чем сегодня напоминает мемориальная доска, восстановленная благодаря училиям Дворянского собрания. В 1906 г. в этом городке насчитывалось уже 5 тысяч жителей, Алушта была связана регулярным сообщением с Симферополем и Ялтой. К началу Первой мировой войны здесь имелись благоустроенные ванные заведения, четыре гостиницы, сдавались комнаты на постоялых дворах. Многие дачи имели пансионную организацию, и плата за полное содержание составляла 65–120 рублей в месяц.

Россиянами охотно осваивался не только Крым, но и нефтеносный Баку, который называли «Париж Кавказа». 8 мая 1883 г. была введена в эксплуатацию железная дорога Баку — Тбилиси, в 1899 г. в городе открыли конку. В Баку съехалось много мигрантов — русских, евреев, немцев, армян, азербайджанцев, здесь открылись театры, в том числе оперный.

Если Баку был кавказским Парижем, то Гагры стремились к званию «русского Монте-Карло» или «русской Ниццы». В курорт этот южный город превратил принц

А. П. Ольденбургский, родственник Николая II. Принц основал телеграф, субтропический техникум, провел электрическое освещение, водопровод, построил климатическую станцию, открытие которой состоялось 9 января 1903 г. в ресторане «Гагрипш». Этот день считается датой основания курорта. На берегу моря был заложен парк, где посадили агавы, пальмы, лимонные и апельсиновые деревья, кипарисы. В сегодняшней Гагре сохранились знаменитый парк, ресторан «Гагрипш», а также Замок принца Ольденбургского и колоннада с расположенным недалеко «Зимним театром». Слава о городе распространилась так далеко, что в 1911 г. в Гагры прибыли первые туристы из Германии, а в мае 1912 г. туда по настоянию принца А. П. Ольденбургского — правда, всего на день — приехал и Николай II с семьей. В этот день на улицах и в парке стояло много народу, уже давно ожидавшего появления императора. В парке играл большой полковой оркестр, одетый в белые черкески и такие же белые папахи. Принц Ольденбургский пригласил императора на чай. Хлебом-солью встретили государя императора представители абхазской аристократии во главе с А. Г. Чачба — головой города Сухума, который принимал деятельное участие в подготовке торжественной встречи. Гости проследовали в дом (современный ресторан «Гагрипш»), где в узком кругу с принцем и представителями абхазского дворянства общались за чаем. Затем проехались на автомобилях и вышли в парк. Целиком зажаренные быки и барашки подносились к длинным столам, застланным белыми скатертями и стоявшими вокруг обширной поляны. Здесь проходил торжественный и многолюдный обед. Здесь на импровизированном концерте императору был показан и абхазский танец. Ближе к вечеру Николай II с сопровождающими его особами простился с принцем и горожанами, отбывая в обратный путь на любимой яхте «Штандарт» в любимый Крым.

Пионы. В Гатчинском (Дворцовом) парке. 1908

Сирень. В Гатчинском (Дворцовом) парке. 1908

Императорский путевой дворец в селе Бородино. Вид со стороны сада. 1911

Императорский путевой дворец в селе Бородино. 1911

Боржом. Дачи на Торской горе. 1912 (предположительно)

Дворец великого князя Михаила Николаевича. Боржом.
1912 (предположительно)

Ликанский дворец. Близ Боржома. 1912 (предположительно)

Общий вид Ликанского дворца от реки Куры. Боржом.
1912 (предположительно)

Уголок Ликанского дворца. Боржом. 1912 (предположительно)

Уголок Ликанского дворца. Близ Боржома. 1912 (предположительно)

Крым в Массандре. 1905

Ласточкино гнездо. Крым. 1904

Гагры. С пристани. 1912

Пристань Гагры. 1912

Гагры. Вид дворца принца Ольденбургского с пристани. 1912

Роза Gustav Grunewald. Чайная, гибридная на даче профессора Е. В. Павлова в поселке Уч-Дере близ Дагомыса. 1912

Тип дачи культурного участка. Дача профессора Е. В. Павлова в поселке Уч-Дере близ Дагомыса. 1912

Уголок дачи профессора Е. В. Павлова в поселке Уч-Дере близ Дагомыса. 1912

ЧАЙ В РОССИИ: ТОВАР И ДЕЛИКАТЕС

Чашки с горячим янтарным напитком практически не попали в объектив Прокудина-Горского, «чайные мотивы» имеют сугубо производственный колорит, и встречаются они только в грузинской части его фотоколлекции. Но нам кажется справедливым отдельно поговорить о тесных взаимоотношениях царской России и чая. Достаточно сказать, что в начале XX века среди стран, потребляющих чай, наше государство занимало второе место в мире. Среднегодовой объем ввоза чая в Российскую империю в 1901–1910 гг. составлял 69 555 тонн. В 1913 г. в Россию было ввезено 75 807 тонн чая. Если учесть, что, по данным Министерства внутренних дел тех времен, население страны, включая все окраины, составляло 175 миллионов человек, то выходит, что Россия любила чай страстно.

Да и из творческих адресов Сергея Михайловича с импортом, производством и потреблением чая были связаны не только Грузия и Средняя Азия, но и Сибирь и особенно Кяхта (тогда Троицкосавск Иркутской губернии), через которые чай посуху доставляли из Китая; а также Нижний Новгород и уральский Ирбит с их ярмарками, где только после прибытия чайных караванов начинали устанавливать цены на все товары; и порт Одесса; да и вообще вся Россия, где чаепитие ассоциировалось с шиком и особым стилем у знати, а у крестьян — с праздником.

Родиной чая считается Китай, само слово «чай» — производное от «ча», что означает «молодой листочек». В Россию чай попал раньше, чем в Европу: в XVI веке его привозили на Русь в качестве дорогих подарков от азиатских посланников. В 1567 г. два казачьих атамана Петров и Ялышев, побывавшие в Китае, попробовали и описали этот напиток, а также привезли Ивану Грозному от китайского императора коробочку с дорогим желтым чаем. В 1638 г. русский посол Василий Старков привез в подарок основателю династии Романовых Михаилу Федоровичу от монгольского хана 64 килограмма чая. В 1665 г. чаем лечили царя Алексея Михайловича, отца Петра I. Со временем чай добрался до Сибири. В XVII веке чай в России пили бояре и их приближенные, его подавали на царских приемах и в домах богатых купцов, потом к «чаепитам» добавились дворяне.

Причиной первоначальной дороговизны чая в России была сухопутная транспортировка. Обозы за полгода проходили по 11 000 км, надо было тратиться на возчиков и охрану, плюс пошлина в 80–120 процентов от покупной цены, взимаемая правительством. Чай в России стоил, в сопоставимых ценах, в 10–12 раз дороже, чем в Германии и Англии. Любопытно, что привычное «дать на чай» обслуживающему персоналу обязано своим смыслом именно дороговизне чая. Ситуация коренным образом изменилась во второй половине XIX века, когда сначала в 1862 г. начался ввоз в Россию доставляемого морским путем кантонского чая, а с 1880-х гг.

заработали Самаро-Уфимская и Екатеринбургско-Тюменская железные дороги. В эти же годы начались поставки чая в Россию морем из Индии и Цейлона через Одессу. В 1886 г. чай был введен в состав армейского пищевого довольствия, а с середины 1890-х гг. этот напиток начал фигурировать в трудовых договорах как одна из частей заработной платы (выплачиваемой «деньгами, харчами и чаем»). К XIX веку в России чай пили уже все сословия. В 1830–1840 гг. российская статистика отметила: в тех районах, где росло потребление чая, снижалось потребление крепких спиртных напитков.

До начала XIX века значительную долю импорта составлял высококачественный зеленый чай, в Россию попадали также очень редкие китайские сорта, например, желтый китайский «императорский» чай, который китайцы продавали только русским и только за меха. Однако по мере роста абсолютного объема чайного импорта в XIX веке ввоз зеленого чая быстро падал. Дворянство могло позволить себе высшие сорта китайского чая, купечество предпочитало дающие темный настой чаи, которые пили в большом количестве, заваривая слабее, чем в дворянской среде. Простой народ пил наиболее дешевый и низкосортный чай. К концу XIX века в России впервые появился фальсифицированный чай, который употреблялся в основном беднейшими слоями населения, а также попадал в различные заведения общественного питания низкого уровня, вроде станционных буфетов. Проблемы фальсификации чая нашли отражение в ряде законодательных актов тех времен.

До середины XIX века чай пили в основном на территории Европейской России и Сибири. В то же время на Украине, в Среднем Поволжье, на Дону, равно как и в Белоруссии, чай был практически неизвестен. До конца XVIII века розничная продажа чая была развернута только в Москве (оптовая торговля велась также на Ирбитской и Макарьевской ярмарках в Нижнем Новгороде). Даже в Петербурге до середины XIX века существовал всего один чайный магазин, в то время как в Москве в 1847 г. количество специализированных чайных магазинов уже перевалило за сотню, а чайных и прочих заведений общественного питания, где подавали готовый чай, было более трехсот. В первой половине XIX века 60 и более процентов всего ввозимого в Российскую империю чая потребляла Москва и Центральная Россия, позже чайная торговля открылась в Одессе, Полтаве, Харькове, Ростове, Оренбурге, Самаре, Уральске, Астрахани. А к началу XX века Россия стала лидером по абсолютному потреблению чая в мире, исключая Китай. Общий оборот российской чайной торговли перед Первой мировой войной достигал нескольких сотен миллионов рублей в год, чайные склады и магазины имелись практически во всех крупных городах страны. Значительная часть чая, поставлявшегося в Российскую империю, выращивалась в горах на гра-

нице нынешних провинций Хубэй и Хунань. Во второй половине XIX века там уже появились русские чайные концессии. К началу XX века в процветающей российской концессии в Ухане работало несколько чайных фабрик. Импорт чая постоянно рос, фактически удваиваясь каждые 20 лет. В 1840–1850 гг. ввоз чая составлял около 95 процентов всего китайского импорта в Россию и оценивался в 5–6 миллионов рублей в год (для сравнения: в этот же период весь экспорт российского зерна давал 17 миллионов рублей в год). В обмен на чай русские купцы поставляли в Китай ткани, выделанные кожи, меха, изделия металлургии. С Екатерининской эпохи берет начало «чайное дело» Петра Боткина, купца 1-й гильдии, который не однажды ездил в Кяхту менять меха, кожи и сукно на большие партии китайских чаев. В первой половине XIX века Боткины стали крупнейшими отечественными чаеторговцами. «Боткинские чаи» оставались знаменитыми вплоть до Первой мировой войны. В XIX веке расцвело также чайное дело Перловых и Поповых, позже возникли чайные компании Кузнецова и Высоцкого.

С распространением чая началось активное производство так называемых сопутствующих товаров. В частности, самоваров, слава которых зарождалась вовсе не в Туле, а на Урале второй половины XVIIIвека. Но затем весь почет перешел к тульским мастерам. Фабрика Василия Ломова, открывшаяся в Туле в 1812 г., была удостоена царской милости носить государственный герб. Многие годы на нижегородских ярмарках в большой цене были самовары мастеров Баташовых и Ломовых, а также Тейле, Ваныкиных, Воронцовых, Шемариных. Создавались самовары самой различной формы и дизайна, небольшие, среднего размера и огромные, для трактиров и больших семей. В богатых купеческих семьях держали несколько самоваров разного размера и формы, гордились серебряным самоваром, а чай пить собирались в отдельной комнате — подобно тому, как китайцы и японцы устраивали свои чайные церемонии в отдельных помещениях. Питер поставлял любителям изысканного чаепития посуду. Она производилась на Императорском фарфоровом заводе, основанном в 1744 г. по указу императрицы Елизаветы Петровны. При Екатерине II завод стал изготавливать роскошные фамильные чайные сервизы, не уступавшие по качеству саксонскому фарфору. Посуду для чая делали в Дулеве, Вербилках, Гжели, многих других местах. Широкая российская публика в купеческих, крестьянских домах и трактирах пила чай из фаянсовой посуды. В середине XIX века в светских кругах, салонах и среди интеллигенции модным, особенно у мужчин, стало пить чай из стакана резного стекла, вставленного в изящный серебряный подстаканник.

Внеся «собственную гордость» в процесс чаепития, Россия вознамерилась выращивать отечественный чай. Уже в 1792 г. была опубликована статья некоего Г. Ф. Сиверса, в кото-

рой предлагалось закупить чайные кусты в Японии и создать плантации в районе Кизляра (Дагестан), бывшем на тот момент самой южной точкой Российской империи. Впрочем, дальше планов и теоретических выкладок дело тогда не пошло. Тем не менее в 1817 г. было документально зафиксировано выращивание чайного куста в Никитском ботаническом саду в Крыму. В частном порядке экзотическое растение пытался культивировать П. Е. Кирилов, врач Русской духовной миссии в Пекине. В 1840 г. он привез с собой чайный куст и семена и продемонстрировал возможность произрастания чая в России в домашних условиях.

Промышленное чаеводство на территории империи началось после Крымской войны. Пленный британский офицер, шотландец Макнамарра, женился на грузинской дворянке и поселился у жены. Именно он создал первые небольшие чайные плантации на землях князей Эристави, в районах Озургети и Чаквы. Уже в 1864 г. на торгово-промышленной выставке был представлен «кавказский чай». Впрочем, чай этот был весьма низкого качества и еще не мог конкурировать с импортным китайским. После этого были предприняты попытки выращивания чая в Грузии, на землях царской семьи, но затея фактически провалилась, главным образом из-за низкого качества посевного материала: закупленные в Китае и Японии семена оказались частью невсхожими, частью гнилыми. В 1896 г. М. О. Новоселов впервые вырастил чай в Ленкоранском районе Азербайджана, к 1900 г. там были созданы первые небольшие плантации. Вопрос выращивания чая во влажных областях на побережье Каспийского моря был впервые поднят в 1880–1890 гг. Регион Лянкяран-Астара привлек внимание профессионалов чаеводства. Новоселов же был обычным землевладельцем и энтузиастом. В 1912 г. он даже опубликовал статью в журнале «Русские субтропики» о чае и других субтропических растениях на основании результатов своих экспериментов. В эти же годы крестьянин Кошман вырастил чайный куст в Солох-ауле, что в 60 км к северу от Сочи, то есть на территории нынешнего Краснодарского края. Таким образом, конец XIX — начало XX века можно считать временем появления в полном смысле этого слова «русского» чая. В грузинских районах Российской империи к 1913 г. функционировало 5 чайных фабрик, которыми была произведена 131 тонна байхового чая.

Постепенно было доказано, что российское чайное производство может быть рентабельным и давать чай высокого качества. Уже в 1899 г. «Русский чай Дядюшкина» (грузинский чай) получил медаль на Парижской выставке и был оценен выше ординарных китайских черных чаев. Однако, несмотря на успешные в некоторых случаях эксперименты, наладить промышленное производство чая в значительных объемах не удалось. О том, сколько труда было положено на чайное дело, рассказывают нам снимки С. М. Прокудина-Горского.

Вид на Батумское побережье. Чаква. 1912

Чаква. Общий вид чайной фабрики. 1912

Сбор чая. Чаква. 1912

Чайные плантации. Чаква. 1912

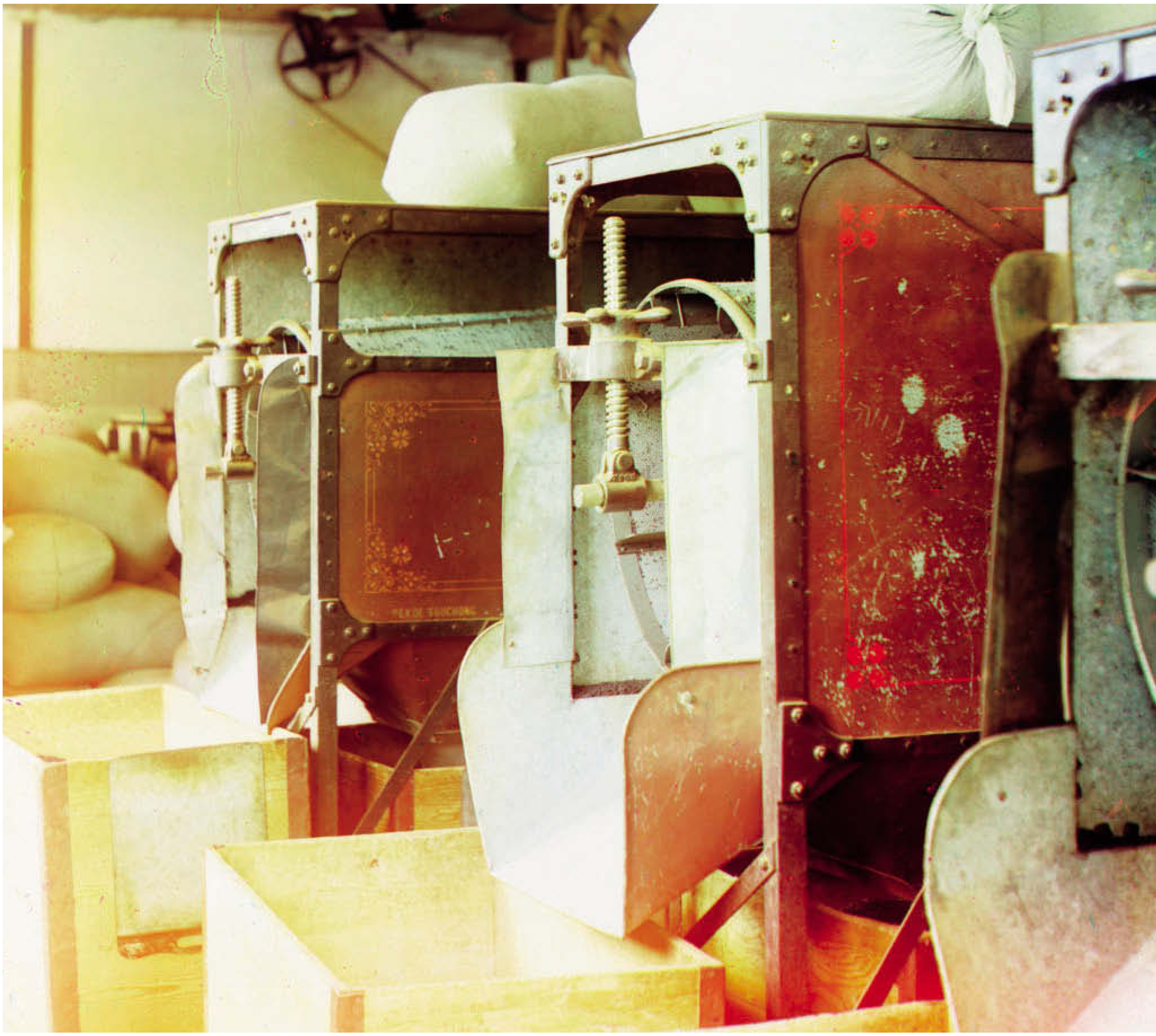
Чайная фабрика в Чакве. Мастер китаец Лау-Джань-Джау. 1912

Группа рабочих на сборе чая. Гречанки. Чаква. 1912

Чайная фабрика в Чакве. Сортировочное отделение.
1912 (предположительно)

Развесочное отделение. Чаква. 1912

Монастыри и храмы России

На фотографиях Прокудина-Горского культовые сооружения смотрятся прежде всего шедеврами архитектуры, но их значение никогда не исчерпывалась только красотой и внушительностью. В древности это были оснащенные крепости, позже в монастырях и храмах сосредоточилась духовная и общественная жизнь россиян. Помимо богослужений, там совершались обряды над родившимися, вступающими в брак и умершими, там всем миром отмечали праздники, оттуда провожали на войну, в храмах работали школы, приюты, больницы, там хранились уникальные ценности. А сколько царственных особ находили временный или вечный приют в святых местах. Не случайно большевики объявили решительную войну не столько религии, сколько культовым зданиям, не считаясь с культурными ценностями, стремясь как можно быстрее уничтожить «дух» прежнего времени. В 90-х годах прошлого века началась реституция церковного имущества, многое удалось восстановить, в том числе при помощи государства, но часть российских православных храмов, а также мечетей, костелов мы можем представить себе в полном их величии только благодаря историческим документам. В том числе, глядя на фотографии Прокудина-Горского.

В цветной фотоколлекции Сергея Михайловича практически нет снимков Санкт-Петербурга с его величественными соборами и Москвы, города сорока сороков церквей. Во Владимире он не сфотографировал собор Рождества Богородицы, построенный в 1192–1195 гг. и уничтоженный в 1930-м. Возможно, долгом Прокудина-Горского было показать менее известные достопримечательности, особенно провинциальные. В центральной России он снял практически все, что сегодня входит в брендовый маршрут «Золотого кольца», — а сколько красоты и величия в его фотографиях азиатских мечетей, знаменитого Гур-Эмира — мавзолея Тамерлана, кавказских древних крепостей, Ново-Афонского монастыря, о которых большинство россиян, думается, тогда вообще не имели представления.

Отбывая в путешествие с благословения самого Николая II, Прокудин-Горский не мог обойти вниманием легендарный костромской Ипатьевский монастырь. Согласно наиболее распространенной версии, начало ему положил около 1330 г. татарский мурза Чет, родоначальник рода Годуновых и Сабуровых. В XVI веке монастырь пользовался покровительством рода Годуновых, а затем и самих Романовых, его называют колыбелью династии последних русских монархов. Члены царской семьи почитали Ипатьевский монастырь как свою фамильную святыню. При вступлении на престол каждый из царей считал своим долгом посетить обитель и сделать щедрые пожертвования. В 1837–1863 гг. под руководством архитектора К. А. Тона была проведена масштабная реконструкция монастыря и специально, под видом реставрации, были надстроены Романовские палаты и возведена «царская лестница». В мае 1913 г. монастырь стал

средоточием празднования 300-летия Дома Романовых. Во время торжеств туда приезжал Николай II и жил в специально построенном для него деревянном доме, возведенном за стенами обители. В советское время монастырь побывал общежитием, казармой, стадионом и танцплощадкой. Во время массового уничтожения костромских храмов в 1934 г. был разрушен храм Рождества Пресвятой Богородицы. Сегодня Ипатьевский монастырь снова действует.

Относительно повезло Успенскому собору во Владимире, который относится к выдающимся памятникам белокаменного зодчества домонгольской эпохи. Построенный в 1158–1160 гг. по повелению князя Андрея Юрьевича Боголюбского, он был главным храмом Владимиро-Суздальской Руси, в нем венчались на царство московские и владимирские князья. По своей высоте он равнялся Софийскому собору в Киеве, хотя и уступал ему по площади. Это одно из немногих мест, где сохранились фрески, выполненные московскими мастерами Андреем Рублевым, Даниилом Черным и их учениками. Главной святыней собора считалась Владимирская икона Божией Матери. Здесь похоронены братья-князья Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо.

В конце XIX века была проведена первая научная реставрация владимирского Успенского собора, в частности были открыты фрески Рублева; в 1886–1891 гг. собор отреставрировали снаружи. Проводились реставрационные и научные работы и в советское время. Сегодня собор включен в перечень Всемирного наследия ЮНЕСКО и продолжает служить Русской православной церкви.

Печально известные Соловки были сфотографированы Прокудиным-Горским в ходе одной из его последних поездок по царской России в 1916 г. Тогда на островах размещался Спасо-Преображенский Соловецкий мужской монастырь, отстроенный в камне митрополитом Филиппом (Колычевым), ярым оппонентом Ивана Грозного. И если в XVII веке он осаждался войсками как один из очагов сопротивления реформам патриарха Никона, то в советское время здесь действовал первый в стране лагерь особого назначения. В 1992 г. комплекс памятников Соловецкого музея-заповедника был также внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, а чуть раньше здесь была возобновлена монашеская община.

Похожая судьба у Александро-Свирского монастыря, расположенного в Ленинградской области. Монастырь основан святым Александром Свирским в конце XV века в малолюдном лесном Олонецком крае среди поселений языческих народов — карелов, вепсов, чуди. Осенью 1918 г. монастырь был захвачен и разграблен чекистами, а его настоятеля архимандрита Евгения (Трофимова) расстреляли в Олонце. В годы советской власти обитель использовали

под Свирьлаг, детский и инвалидный дома. Некоторое время в монастыре располагался техникум, а в Троицком комплексе с 1953 г. находилась психиатрическая больница. Восстановление обители началось в 1997 г. Свято-Николаевский монастырь в городе Верхотурье Свердловской области был основан в 1604 г. Там хранятся мощи праведного Симеона Верхотурского, и это привлекало в монастырь паломников в прошлом и привлекает в настоящее время. Территория монастыря огромна, гораздо больше Московского кремля. В 1924 г. Свято-Николаевский монастырь был закрыт, его помещения использовались под колонию для несовершеннолетних. В 1990 г. монастырь возвращен Русской православной церкви, но главная его церковь — Николаевская — не пережила советские времена.

Там же, в Верхотурье, в честь 300-летия Дома Романовых был возведен Крестовоздвиженский собор (1905–1913 гг., архитектор А. Б. Турчевич), — третья по объему церковь в России, уступающая только Храму Христа Спасителя в Москве и Исаакиевскому собору в Петербурге. На его открытие ожидали Николая II, однако император так и не приехал. Внутри собора находятся три уникальных фаянсовых иконостаса, которые были уничтожены при советской власти и восстановлены в 1998 г. к четырехсотлетию города.

Александро-Невский Ново-Тихвинский женский монастырь расположен в Екатеринбурге. Главный храм — собор Александра Невского — представляет собой памятник архитектуры позднего классицизма. Монастырь ведет свою историю с конца XVIII века. Начиная с середины XIX века он принадлежал к числу крупнейших на Урале, принимал многочисленных паломников, приходивших поклониться Тихвинской иконе Богородицы. Ново-Тихвинский монастырь посещали члены царской фамилии, император Александр I, великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II). В 1907 г. в монастыре отслужил литургию Иоанн Кронштадтский. В монастыре работало 18 мастерских, в том числе золотошвейная, иконописная, шелкошвейная, фотографическая, прядильная, финифтяная, а также действовали больница, детский приют, епархиальное училище, библиотека, хлебопекарня. Монастырь занимал больше 1/10 территории дореволюционного Екатеринбурга. В 1918 г. здесь находилась под арестом великая княгиня Елизавета Федоровна, позже убитая в ночь на 5 (18) июля в Алапаевске.

В 1920 г. обитель была закрыта. В советское время часть зданий архитектурного ансамбля была разрушена или перестроена. 19 мая 2013 г., в день рождения последнего российского императора Николая II, в День памяти Иова Многострадального, а также в День жен-мироносиц, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл освятил восстановленный Александро-Невский монастырский собор.

А вот Богоявленский кафедральный собор, располагавшийся в Екатеринбурге, мы можем видеть только на фотографиях. Здание храма было выстроено в характерном для XVIII века стиле барокко. По наблюдениям современников, Богоявленский собор отдаленно напоминал Петропавловский собор Санкт-Петербурга. В годы Первой мировой войны верхний храм кафедрального собора использовался как полковая церковь. В январе 1930 г. храм был закрыт, а летом того же года его взорвали с целью получения строительного материала.

Продолжая уральский архитектурный мартиролог, помянем церковь Рождества Богородицы, построенную в 1899–1903 гг. в селе Ветлуга. Церковь можно рассмотреть на цветных фотографиях Прокудина-Горского. В конце 1920-х гг. храм был закрыт и приспособлен под клуб, позже он использовался как производственное здание. Облик церкви Рождества Богородицы обезобразили: были уничтожены купола и верх колокольни. В послевоенные годы церковь взорвали. На снимках Саткинского казенного завода видна Троицкая церковь, построенная в 1780-х гг. В начале 1930-х гг. храм был закрыт, купол и колокольню разобрали.

Отдал свою жизнь во имя прогресса Леушинский Иоанно-Предтеченский монастырь, с такой любовью снятый Прокудиным-Горским во всем многоцветье. В 1941–1946 гг. обитель монахинь была затоплена водами Рыбинского водохранилища. Жизнь монастыря оказалась не особенно долгой. Он был основан в 1875 г. в местечке Леушино вблизи от реки Шексны между Череповцом и Рыбинском. Накануне 1917 г. в обители проживало около 700 насельниц. Главным храмом монастыря служил пятиглавый собор Похвалы Божией Матери, который построили по подобию Великой Церкви на территории Киево-Печерской лавры. Монастырь действовал до 1931 г. В 2002 г. произошла поистине мистическая история: из-за засухи уровень воды в водохранилище упал ниже критической отметки, и буквально «из пучины» показалось месторасположение затопленного монастыря. С тех пор на месте бывшего монастыря служатся молебны.

Уже в разгар Первой мировой Прокудин-Горский сделал снимки собора Петра и Павла в Лодейном Поле (уничтожен в 1960-х гг.), трех храмов в центре Петрозаводска (погибли в 1920–1930-х гг.), ансамбля деревянных храмов в селе Шуерецком (погиб от удара молнии в 1946 или 1947 г., позже было застроено и само место). Это была пора, когда осуществлялись первые воздушные бомбардировки, когда гибли не только люди, но и строения. И все-таки устои, на которых держалась та Россия — православие, самодержавие и народность, — казались еще незыблемыми, способными противостоять любой разрушительной силе. Возможно, если бы Сергей Михайлович мог представить ближайшую судьбу российских храмов и монастырей, он бы фотографировал исключительно их.

Материки. Часовня во имя Параскевы Пятницы и сосна, на которой явилась икона. 1909

Храм во имя Успения Божьей Матери в Девятинах (200 лет). 1909

Церковь Спаса Нерукотворного Образа Климентовского прихода в Новой Ладоге. 1909

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Вытегорский погост. 1909

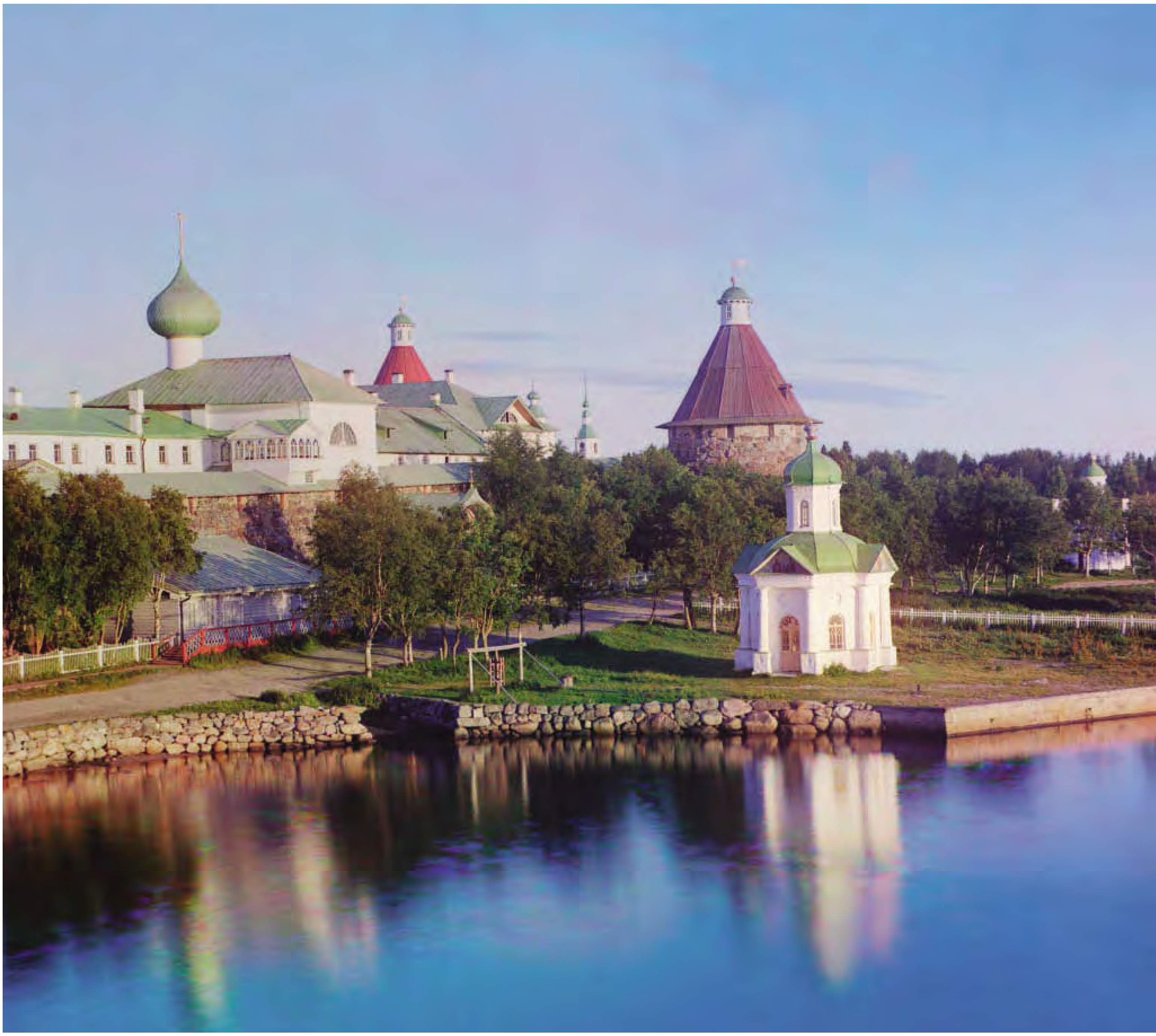
Деревянная церковь во имя Преображения Господня, село Пидьма. 1909

Часовня для водоосвящения в селе Девятины. 1909

Вид на Соловецкий монастырь из гостиницы. 1916

Вид Соловецкого монастыря с суши. 1916

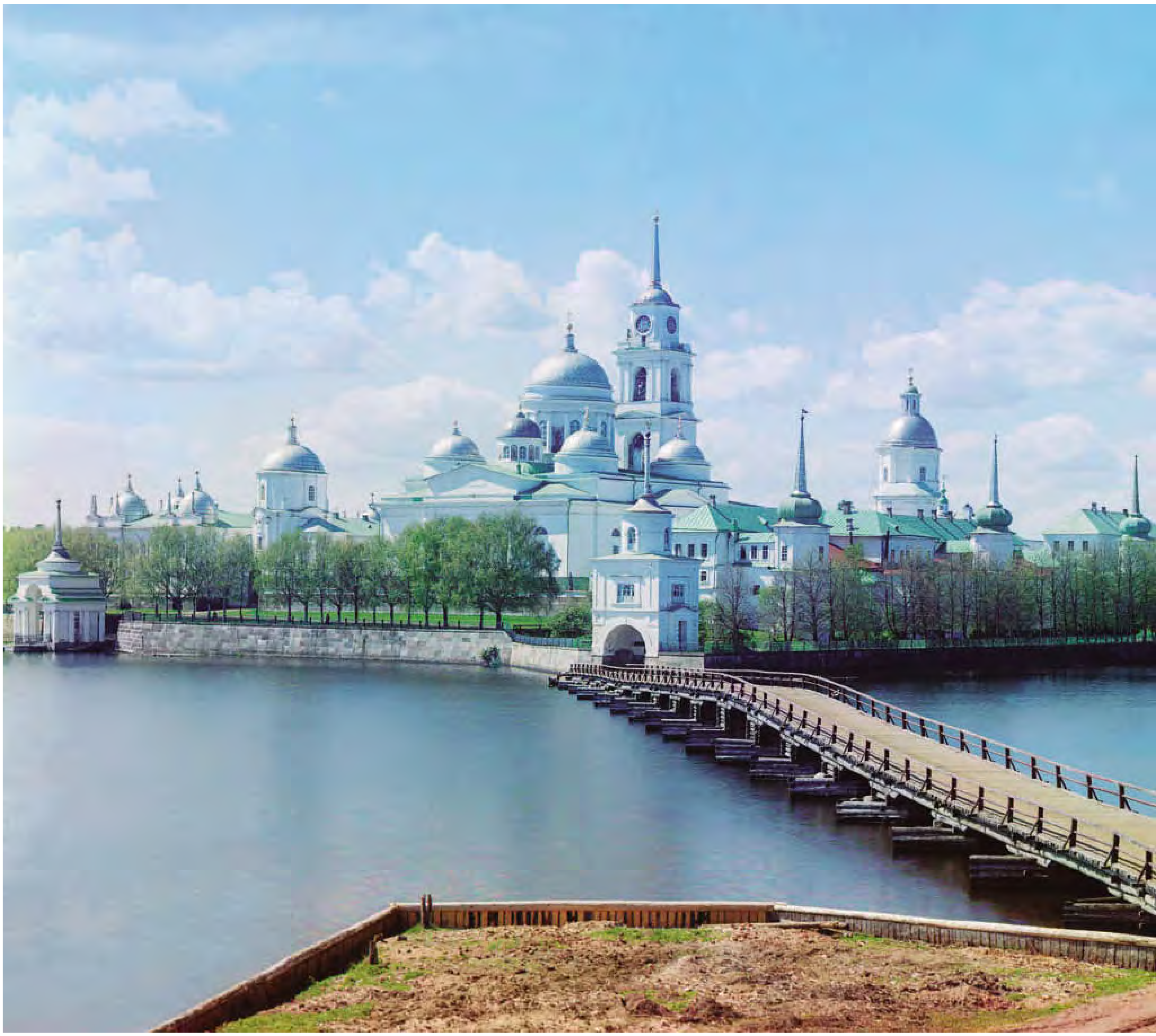
Электростанция, Спасо-Преображенский собор и Филипповская церковь.
Соловецкий монастырь. 1916

Соловецкий монастырь от Святого озера. Никольская башня
и Никольские ворота. 1916

Вид на монастырь Нила Столбенского из Светлицы. Озеро Селигер. 1910

Борисоглебский мужской монастырь. Торжок. 1910

Крепостной вал около Борисоглебского монастыря. Торжок. 1910

Вход в Борисоглебский мужской монастырь. Торжок. 1910

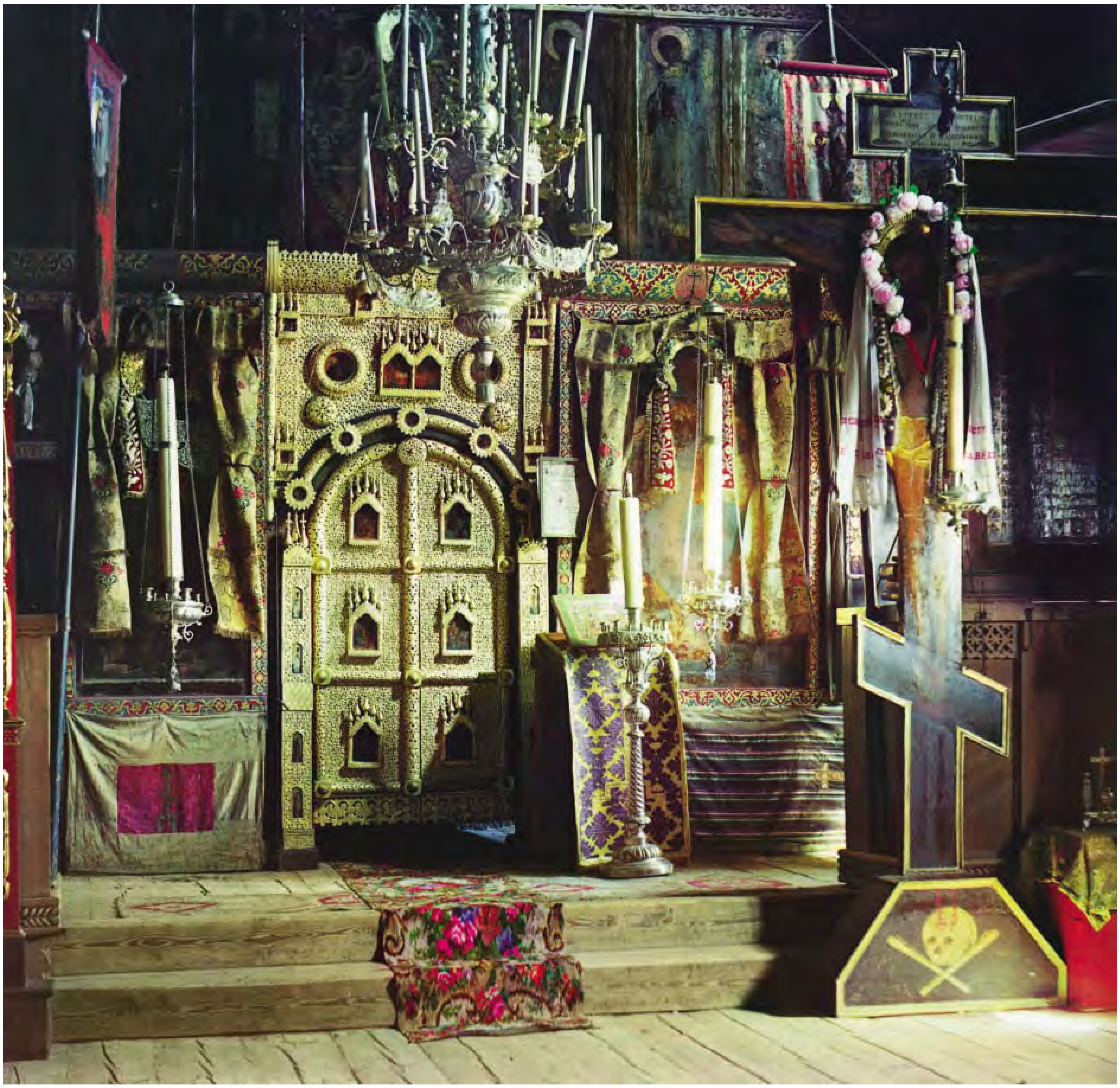
Город Ржев. Собор Рождества Христова. 1910

Церковь Иоанна Златоуста с юго-запада. Ярославль. 1911

Иконостас в церкви Иоанна Богослова. Близ Ростова Великого. 1911

Фреска на колонке в церкви Иоанна Златоуста. Ярославль. 1911

Общий вид Кремля с колокольни Всесвятской церкви. Ростов Великий. 1911

Церковь Воскресения Христова в Кремле. Ростов Великий. 1911

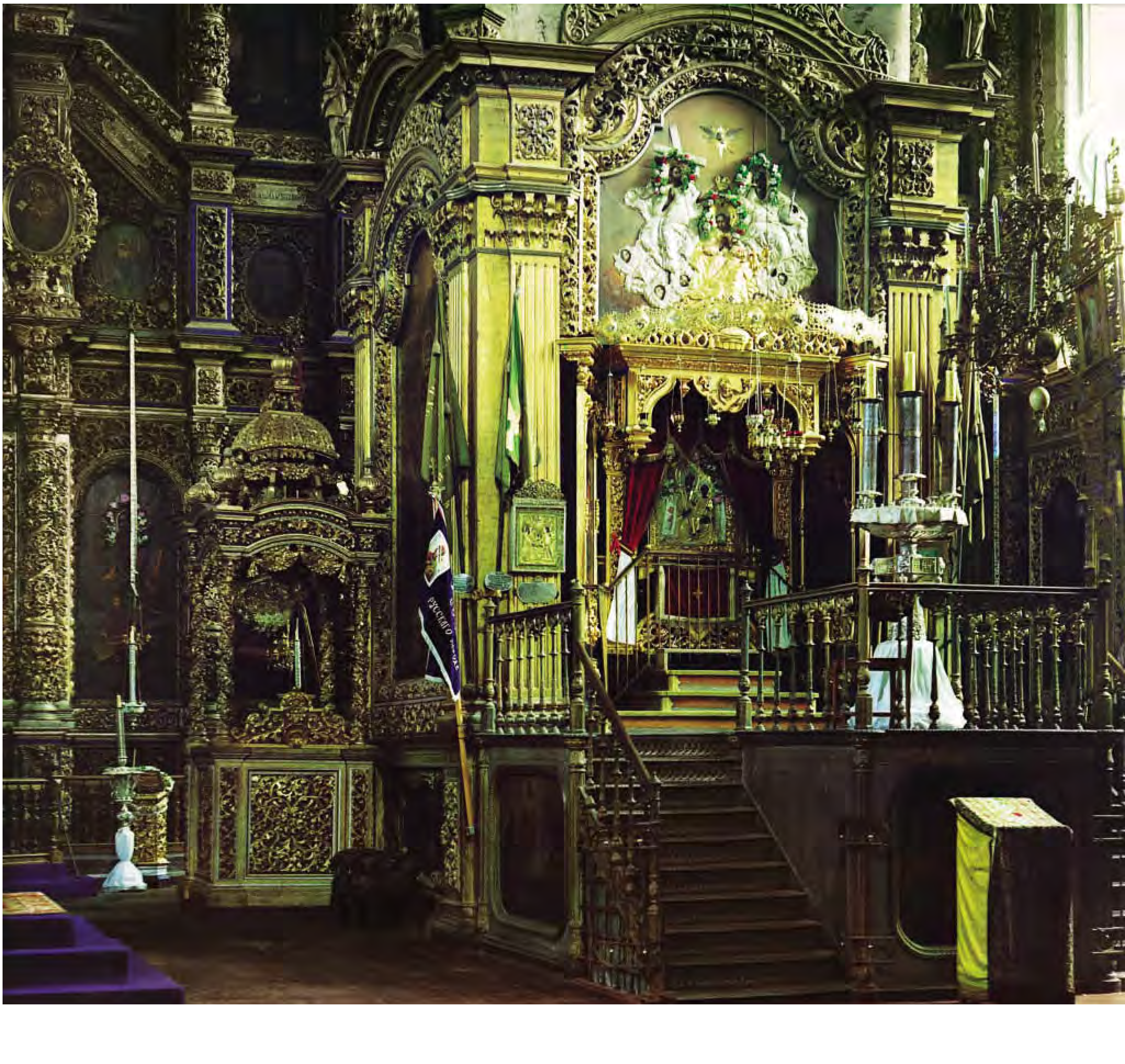
Иконостас в церкви Иоанна Богослова. Близ Ростова Великого. 1911

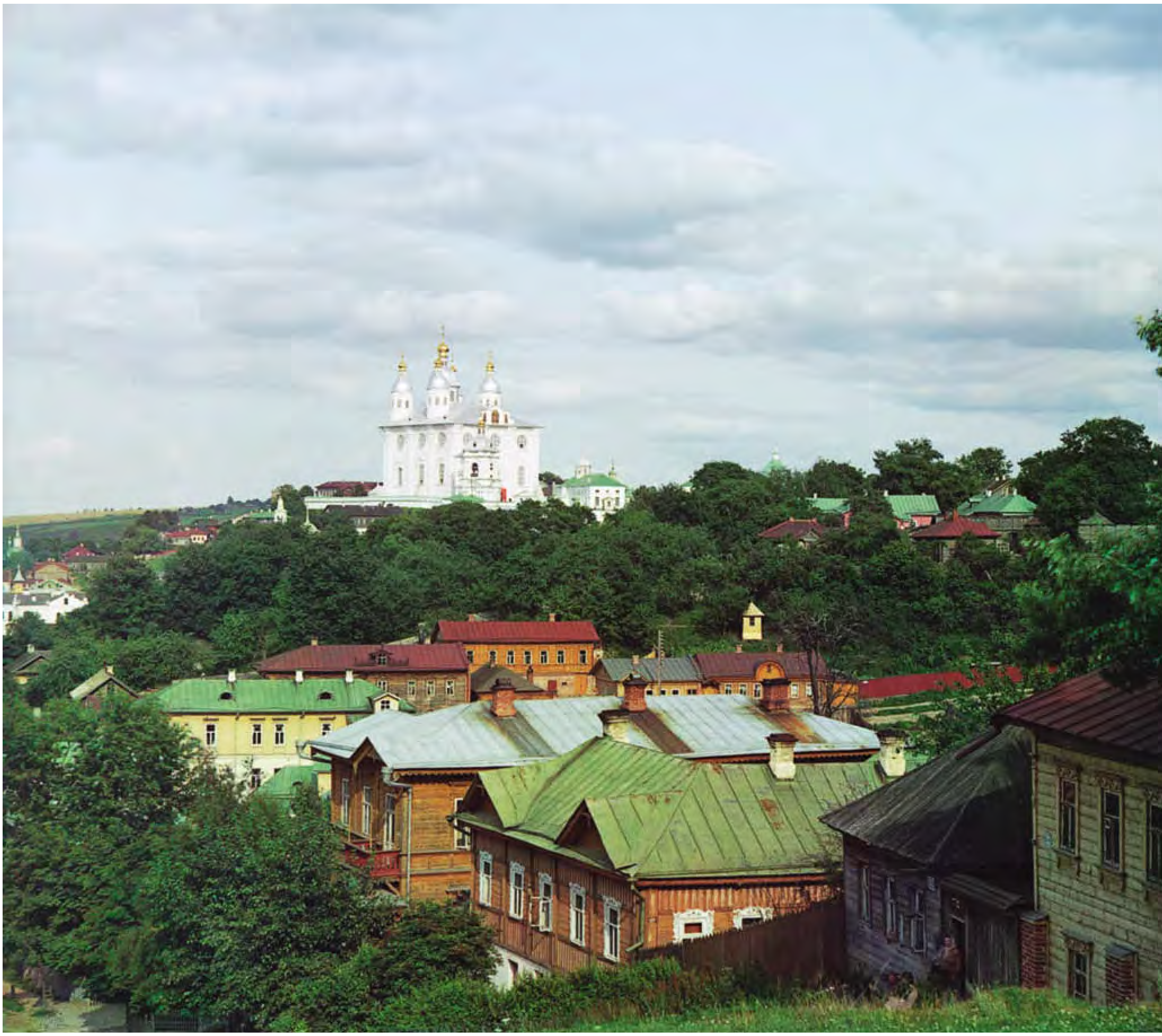
Чудотворная икона Божьей матери Одигитрии в Богоматеринском храме.
Смоленск. 1912

Чудотворная икона Божьей матери Одигитрии в Успенском соборе.
Смоленск. 1912

Кафедральный Успенский собор с Казанской горы. Смоленск. 1912

Вход в Успенский монастырь. Город Александров. 1911

Западная стена Спасо-Ефимиевского монастыря. Суздаль. 1912

Водяные (Святые) врата и Архиерейские покои. Ипатьевский монастырь.
Кострома. 1911

Успенский собор с восточной стороны. Владимир. 1911

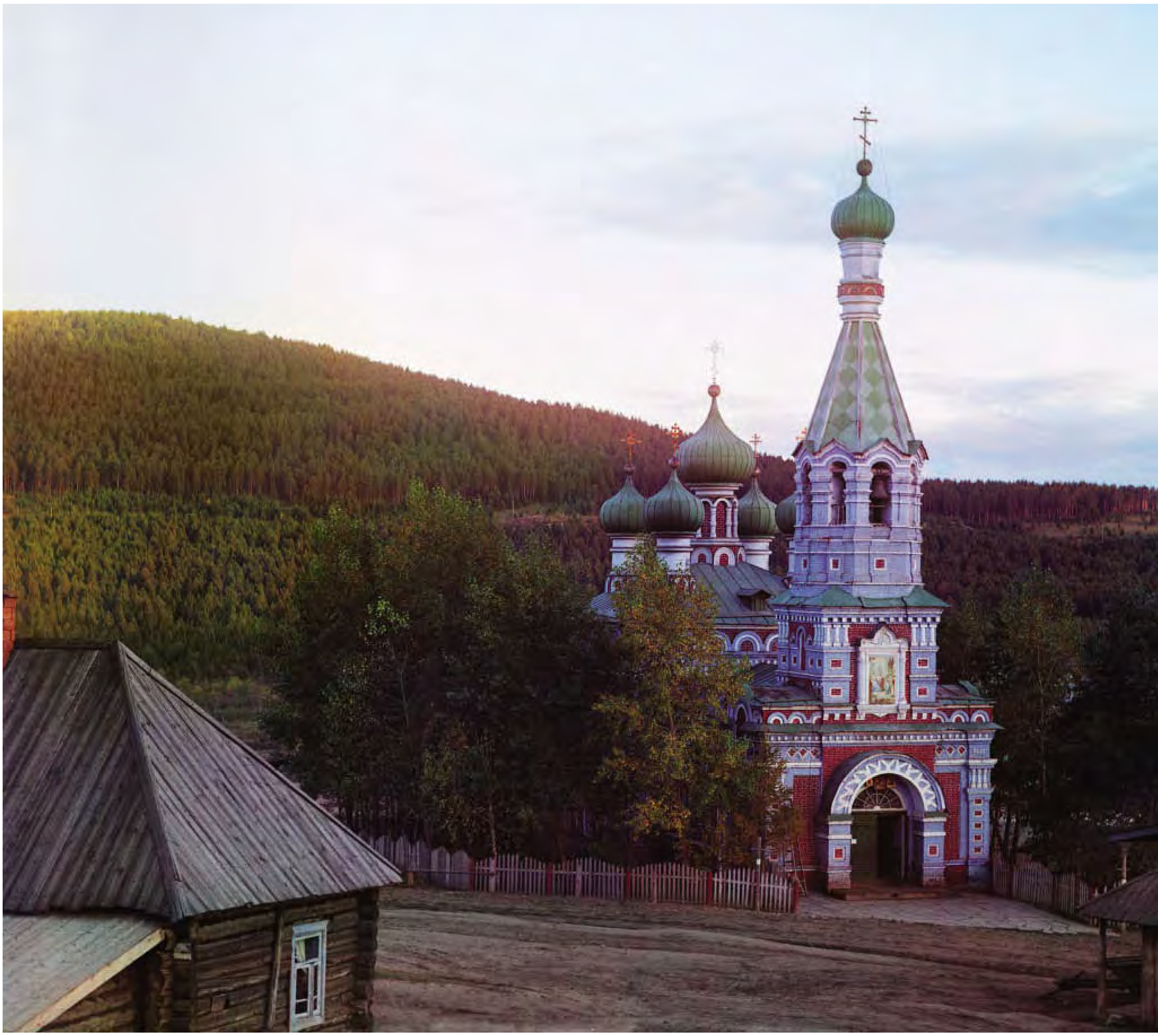
Трапезная и церковь Скорбящей Божьей Матери в Тихвинском монастыре.
Екатеринбург. 1909

Екатеринбург. Вход в женский Тихвинский монастырь. 1909

Церковь Иоанна Предтечи в селении Ветлуга. Златоуст. 1909

Часовня во имя Николая Чудотворца в селении Ветлуга. Златоуст. 1909

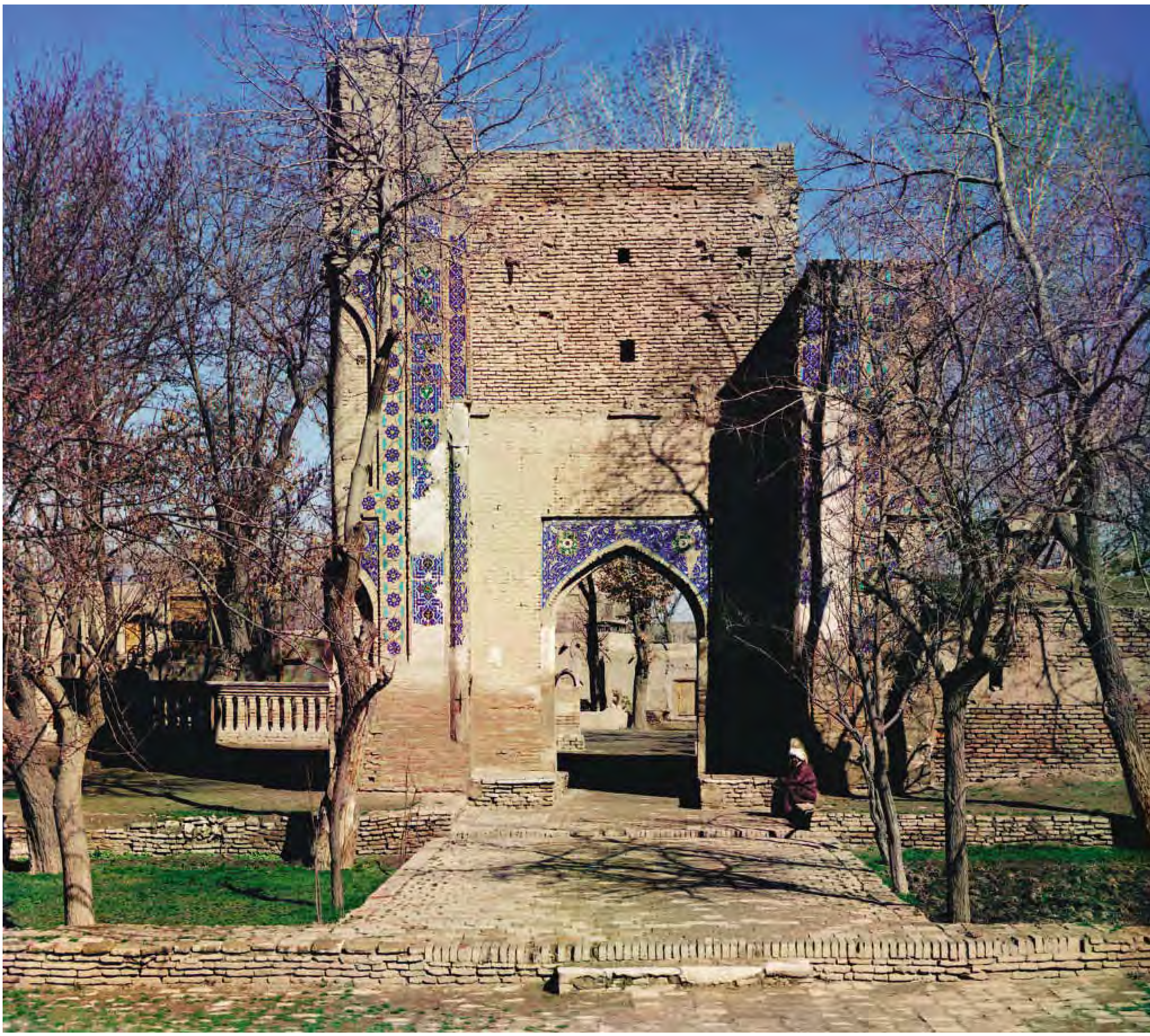
Суздаль. Собор Рождества Пресвятой Богородицы. 1912

Храм Рождества Христова в селе Верхние Городки. Пермская губерния. 1912

Выход из мечети (мавзолея) Гур-Эмир. Самарканд. 1911

Общий вид на монастырь и побережье из келий о. Тиверия. Новый Афон. 1912

СТОЛЕТИЕ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Еще в конце XIX века великий князь Сергей Александрович (сын Александра II) предложил отметить столетие победы над Наполеоном с государственным размахом. Все царствующие с 1812 по 1917 г. Романовы немало сделали для увековечения памяти героев войны с французами. Но далеко не все плоды этих усилий дожили до наших дней, тем более что во многих местах сражений 1812 г. через сто лет проходили битвы Великой Отечественной войны. Значительным разрушениям подверглись Прибалтика, Белоруссия, Калужская, Смоленская, Московская области. Часть напоминаний о войне с Наполеоном была уничтожена в результате скороспелых решений советской власти, многое позже восстановили, но с некоторыми искажениями. Поэтому, как и в других случаях, юбилейные фотографии Прокудина-Горского являются особо ценными историческими документами, запечатлевшими не только мемориальные комплексы, но и памятники архитектуры и культуры того времени в первозданном виде.

Шесть веков стоит на окраине Можайска Лужецкий (Ферапонтов) монастырь. Он был основан в 1408 г. преподобным Ферапонтом Белозерским по просьбе князя Андрея Можайского, сына Дмитрия Донского. В 1398 г. преподобным Ферапонтом на Белом озере (120 км от Вологды), по соседству с Кирилло-Белозерским монастырем, был основан монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Слава о старце-подвижнике докатилась до владельца белозерских земель князя Андрея Можайского. По просьбе князя семидесятилетний Ферапонт проделал путь от Белого озера до Можайска и основал второй Богородице-Рождественский монастырь в Лужках. В 1812 году французы разместили в Лужецком монастыре вестфальский корпус, превративший церковь в столярную. После ухода неприятеля весь монастырь был завален трупами лошадей. На прощание наполеоновские солдаты раскидали мешки с порохом и подожгли соборный иконостас с древними иконами. И только подвиг монастырского служителя Ивана Матвеева, который, рискуя жизнью, предотвратил взрыв, спас монастырь от разрушения. Ныне монастырь является действующим.

Если говорить об увековечении памяти победителей Наполеона, то знаменательным в этом отношении является 1839 г., видимо, как год 25-летия окончания Заграничных походов русской армии и подписания мирного договора между европейскими державами. Тогда на Бородинском поле был установлен и освящен созданный после общероссийского отбора эскизов чугунный памятник в виде пирамидальной колонны с рифленым позолоченным куполом и венчающим его шестиконечным крестом. С западной стороны была размещена икона Спаса Нерукотворного с золотой надписью «Тобою спасение наше». На других сторонах перечислены все воинские подразделения, в том числе французские, итальянские, баварские,

вюртембергские, участвовавшие в Бородинском сражении. Тут же, за оградой, у подножия памятника был захоронен прах князя П. И. Багратиона. К открытию этого мемориала были отчеканены памятные монеты достоинством в рубль и полтора рубля, на реверсе которых увековечено изображение «Бородинской колонны». В 1932 г. монумент был взорван вместе с могилой Багратиона, и прошло более полувека, прежде чем памятники восстановили.

В том же 1839 г. было положено начало Бородинскому военно-историческому музею, по волеизъявлению императора Николая I, который двумя годами ранее выкупил землю в центральной части Бородинского поля на имя цесаревича Александра. Прокудин-Горский в 1911 г. сфотографировал в селе Бородине предназначавшийся для царственных особ и свиты небольшой деревянный дворец, перестроенный из усадебного дома в год 25-летней годовщины взятия Парижа русскими войсками. Интерьеры дворца украшали портреты генералов — участников Отечественной войны 1812 г., там же размещались реликвии, связанные с Бородинским сражением, книги и военные карты. Позже многие вещи из дворца попали в Бородинский музей. К сожалению, сам дворец сгорел во время Великой Отечественной войны в 1942 году.

В 1839 г. в каменной сторожке возле «бородинской колонны» поселились ветераны 1812 г., ставшие хранителями Бородинского поля. В сторожке висели старые планы и карты, хранились ядра и картечь с мест битвы, имелась там также книга для записей посетителей.

Однако первый полноценный музей появился в Бородине в 1903 г. 11 февраля состоялось его торжественное открытие. Инициаторами создания музея стали работники железнодорожной станции Бородино во главе с ее начальником П. П. Богдановичем. Он передал в музей всю свою коллекцию оружия, вещей, портретов 1812 г., находок, сделанных на Бородинском поле. Прокудин-Горский запечатлел на фотографиях этот музей, располагавшийся в помещении железнодорожной станции. Фотографии имеют тем большую ценность, что уже в следующем, 1912 г. музей переместился в новое, специально для него построенное помещение. Само здание железнодорожной станции Бородино не сохранилось до нашего времени. На его месте теперь находится более поздняя советская постройка. Отметим, что сотрудники Александровской железной дороги, проходившей по Московской, Смоленской, Могилевской, Минской и Гродненской губерниям, к столетнему юбилею Бородинского сражения выпустили альбом с видами Бородинского поля и карты. К самой станции была протянута отдельная ветка для приезда императора и гостей.

Впервые годовщина Бородинского сражения торжественно отмечалась все в том же 1839 г. — с грандиозными маневрами, на которые было собрано 120 тысяч регулярного вой-

ска. Присутствовал сам император, который в течение двух недель жил в своем дворце. В этот же год, 23 сентября, в Москве был заложен Храм Христа Спасителя, идея возведения которого возникла в 1812 г. и на стенах которого потом были начертаны имена офицеров, погибших в войне с Наполеоном.

Этой войне обязан своим появлением и Спасо-Бородинский женский монастырь, сфотографированный Прокудиным-Горским. Монастырь расположен вблизи деревни Семеновское Можайского района Московской области. Основан М. М. Тучковой, вдовой генерал-майора А. А. Тучкова, погибшего при Бородине. В 1817 г. Маргарита Михайловна Тучкова выкупила три десятины земли на средних Багратионовых флешах (половину суммы выделил Александр I) и в 1818–1820 гг. выстроила на ней церковь. С 1826 г. вдова переехала жить в домик при церкви, вокруг нее сложился кружок вдов, а в знаменательном 1839 г. начал функционировать Спасо-Бородинский второклассный женский монастырь. Сама М. М. Тучкова в 1840 г., освободив крепостных, постриглась в монахини и стала игуменьей монастыря под именем Марии. Монастырь разрастался, в том числе благодаря пожертвованиям Николая I. В 1929 г. советская власть монастырь закрыла, до 1941 года он использовался как школа и общежитие, во время немецкой оккупации — как госпиталь, а в 1950-е гг. — как машинно-тракторная станция, и лишь в 1992 г., после продолжительной реставрации, в стенах монастыря была возобновлена женская православная обитель.

К 50-летию и 60-летию Бородинской битвы Военно-топографическое депо провело съемки Бородинского поля. В 1909 г. состоялась масштабная выставка, посвященная предстоящему вековому юбилею. Сам юбилей стал общенациональным торжеством, которое длилось не один месяц, а подготовка к нему началась задолго до знаменательной даты. 7 мая 1910 г. император учредил междуведомственную комиссию под председательством генерала от инфантерии В. Г. Глазова, и в течение двух лет комиссия разрабатывала следующие вопросы: о постановке и возобновлении памятников войны 1812 г.; о восстановлении полей сражения у Бородина, Малоярославца, Красного, Смоленска, Тарутина; об исправлении надписей сражений 1812 г., высеченных на мраморных досках в храме Христа Спасителя; об устройстве в Москве панорамы Бородинского сражения и многие другие. Ассигнования из государственной казны на праздник составили 500 000 рублей. Юбилейные комитеты и комиссии были образованы в Санкт-Петербурге, Москве, Смоленске, Вязьме, Малоярославце, Можайске, Медыни, Риге, Вильне, Орле, Нижнем Новгороде, Могилеве, Балахне, Хороле, Ставрополе, Харькове, Калуге, Жиздре, Новогрудке, Козельске, Ровно и многих других городах. К знаменательной дате было приурочено открытие памятников героям 1812 г. в Полоцке, Витебске и Смоленске, а коли-

чество памятников, произвольно установленных на самом Бородинском поле, в 1912 г. уже исчислялось сотнями, из-за чего был даже введен запрет на самодеятельность. Фотографии Прокудина-Горского сделаны осенью 1911 г., еще до массового сооружения мемориалов, то есть Бородинское поле запечатлено Сергеем Михайловичем, можно сказать, в историческом виде.

Начало юбилейных празднеств было приурочено к 25 августа. Император Николай II прибыл на автомобиле вместе со всем своим семейством. После торжественной встречи он посетил храм Тучковой, после чего отправился на Бородинское поле. У батареи Раевского он сел на приготовленного для него коня (семейство императора заняло роскошные экипажи), и начался объезд войск. Задолго до этих торжеств по всей России велись поиски живых очевидцев войны 1812 г., пятеро из них смогли прибыть на торжества. После объезда войск Николай II в сопровождении свиты подошел к сидящим ветеранам. Он беседовал с ними, подходя к каждому, спрашивал о прежней службе, о жизни. Когда один из них пожелал подняться, государь ему запретил это делать. Тут же, перед старыми воинами, стояли и великие князья.

В октябре 1912 г. в Историческом музее была развернута выставка, которую посетил император. Через год был издан каталог «Выставка 1812 года», являющийся ныне библиографической редкостью.

К празднованию столетия победы Прокудин-Горский фотографировал в Бородине, Смоленске, Вязьме, Витебске, Минске, Вильне, Ковно. Ему было выдано разрешение на съемку в Бородинском дворце. Работы, выполненные в 1911 — 1912 гг., позволяют нам увидеть многие памятники героям войны, а также храмы, которых больше не существует или которые утратили свой первоначальный вид. Это, в частности, можайский Ново-Никольский собор — прекрасный памятник русского романтизма конца XVIII — начала XIX века. Окончательно здание собора было завершено в 1814 г. и стало как бы символом победного завершения войны. Собор очень сильно пострадал во время Великой Отечественной войны и восстановлен далеко не полностью. Кроме Ново-Никольского собора и Петропавловской церкви, Прокудин-Горский сфотографировал еще два можайских храма, Троицкую и Вознесенскую церкви, которые впоследствии были разрушены во время Великой Отечественной войны. На сделанных в Смоленске фотографиях Сергея Михайловича можно видеть несохранившуюся Гуркину башню, уничтоженную не позднее 1937 г. Памятник героям 1812 г. в Ковно исчез уже в 1915 г.: его пустили на переплавку оккупировавшие город немцы. В 1930-х гг. советская власть взорвала и отправила на переплавку памятники в Малоярославце, Красном и Полоцке. Поэтому юбилейную фотосессию Прокудина-Горского вполне можно назвать так: «Памяти памятников героям 1812 года».

Бородинская церковь (на куполе пробоина). Церковь Смоленской иконы Божьей Матери (Рождества Христова). 1911

Общий вид Колочского (Колоцкого) монастыря. 1911

Вид с колокольни Спасо-Бородинского монастыря на местность, где маршал Ней вел атаку на флеши Багратиона. 1911

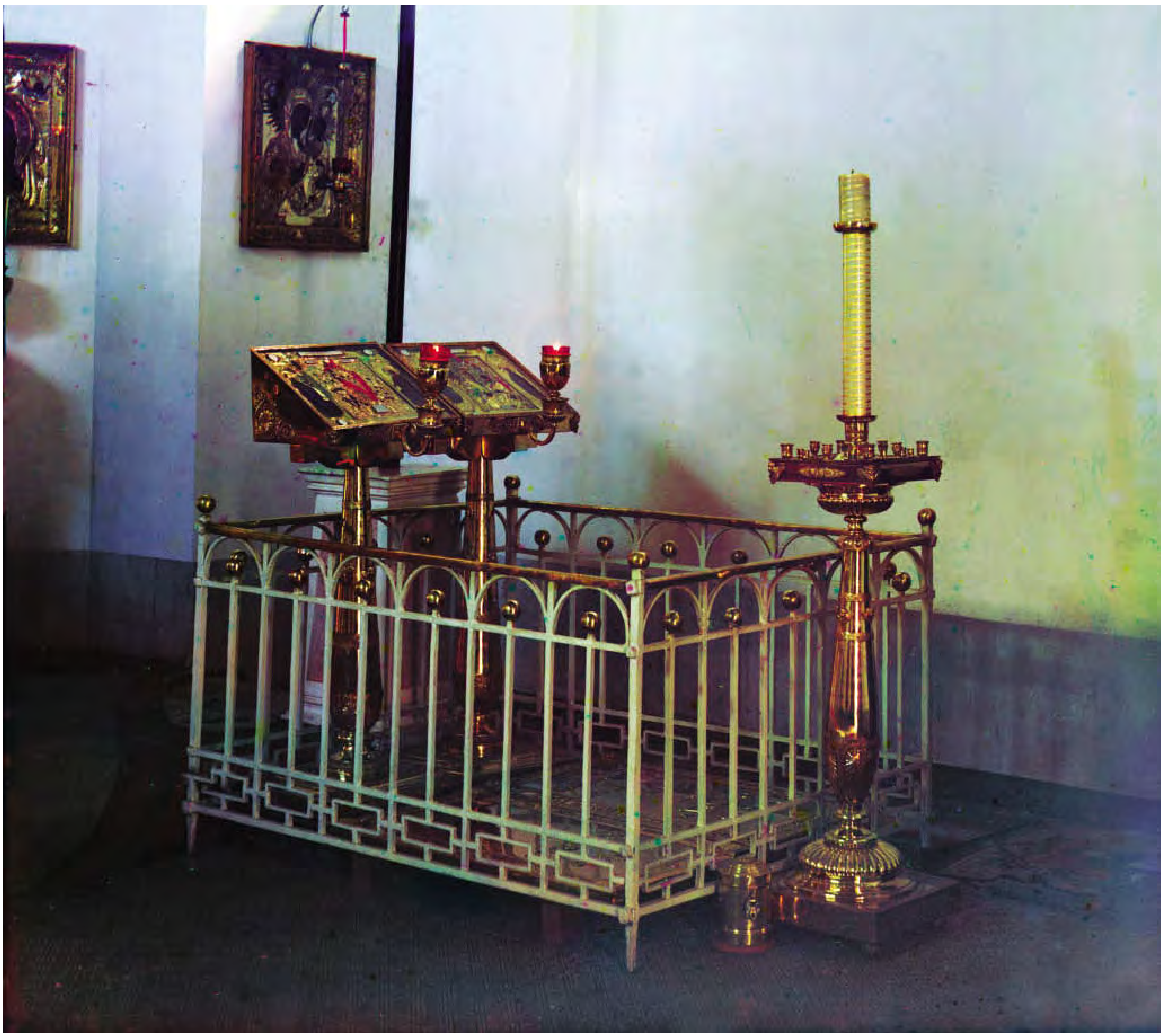
Станция Бородино. 1911

В Бородинском музее. Бородино.1911

Могила Тучковой с сыном в построенной ею церкви в Спасо-Бородинском монастыре. 1911

Памятник на редуте Раевского. Бородино. 1911

Могила Багратиона у памятника на редуте Раевского. Бородино. 1911

Река Колочь с моста при въезде в село Бородино, куда впадает пологость редута Раевского. 1911

Спасо-Бородинский монастырь. Вид от деревни Семеновское. 1911

Полоцк. Памятник войне 1812 г. на площади около Николаевского собора. 1912

Смоленск. Памятник 1812 г. 1912

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Вклад Сергея Михайловича Прокудина-Горского в фотографическую «толстовиану» весьма скромен: несколько снимков писателя и видов родовой усадьбы Толстых Ясной Поляны (если учесть, что в Государственном музее Л. Н. Толстого хранятся 12 000 экземпляров фотографий писателя). Между тем один из снимков, сделанных Прокудиным-Горским в мае 1908 г. в Ясной Поляне, является первым в России цветным фотопортретом.

23 марта 1908 г. Сергей Михайлович написал Толстому письмо следующего содержания: «Глубокоуважаемый Лев Николаевич, недавно мне пришлось проявлять цветную фотографическую пластину, на которой кто-то Вас снял (фамилию я забыл). Результат получился весьма плохой, ибо, видимо, снимавший плохо знаком с делом. Фотография в натуральных цветах моя специальность, и возможно, что Вам случайно попадалась моя фамилия в печати. <...> Теперь, когда процесс фотографирования по моему способу и на моих пластинах требует от 1–3 секунд, я позволю себе просить Вас разрешить мне приехать на один или два дня (имея в виду состояние Вашего здоровья и погоду), дабы сделать несколько снимков в красках с Вас и Вашей супруги. <...> Мне думается, что, воспроизведя Вас в истинных цветах в окружающей обстановке, я окажу услугу всему миру. Эти изображения вечны — не изменяются. Достичь таких результатов никакая передача красками не может...»

Предложение писатель принял, и спустя два месяц Толстой и Прокудин-Горский встретились в Ясной Поляне. Сергей Михайлович гостил в усадьбе несколько дней, беседовал с писателем и отвечал на его вопросы, в частности о развитии фотографического дела.

На самом деле общих тем для разговора у них могло быть намного больше. Так, Прокудин-Горский тоже родился в родовом имении — деревне Функова Гора Покровского уезда Владимирской губернии. По местной легенде, название Функова Гора происходит от имени Фуник, якобы принадлежавшего казначею Чингисхана (или другому ордынскому хану). Основателем рода Прокудиных-Горских считается татарский князь (Мурза Муса), выехавший из Золотой Орды со своими сыновьями. На Руси он принял православие и получил имя Петр. Сражался на Куликовом поле и потерял в той великой битве всех сыновей. Однако род не прервался, по семейному преданию, великий князь Дмитрий Донской, оценив преданность и храбрость Петра, отдал ему в жены одну из княжон династии Рюриковичей, которую звали Мария, а также наделил «вотчиной, Гора называемой». Отсюда и пошла фамилия Горский. Внук Петра Горского Прокопий Алферьевич был прозван Прокудой, отчего потомки его и стали именоваться Прокудиными-Горскими. Отец нашего фотографа, Михаил Николаевич, в 1880 г. писал: «Герб нашей фамилии означает: звезда и луна — происхождение

от татар, весы — вероятно служба кого-нибудь в судном приказе, а река Непрядва — участие в Куликовской битве». Младенцем будущий фотограф был крещен в ближайшей от имения церкви Архангельского погоста (на кладбище храма в 2008 г. была найдена полуразрушенная могила другого С. М. Прокудина-Горского, который приходился братом деду фотографа и был заказчиком строительства церкви Архангела Михаила). Почему-то с 1918 г. Сергей Михайлович указывал в качестве места рождения город Муром. Кстати, прадед фотографа Михаил Иванович Прокудин-Горский (1744–1812) был одним из первых русских писателей и драматургов, автором романа «Валерия» и пьесы «Пролог. Торжествующий град Владимир». И, завершая параллели, можно утверждать, что в своем деле Сергей Михайлович Прокудин-Горский значит не менее чем Лев Толстой в литературе.

Вот с наследием того и другого время обошлось по-разному. Очень многое из фотоколлекции Сергея Михайловича сегодня утеряно, кстати, нет точных данных и о том, где хранится оригинал цветного снимка Л. Н. Толстого. Разнится и судьба родовых имений. Фуникова Гора ныне — жилая деревенька в Киржачском районе Владимирской области, а в Тульской области успешно работает государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л. Н. Толстого “Ясная Поляна”», куда поистине не зарастает народная тропа.

Первое упоминание о Ясной Поляне встречается в архивных документах от 1652 г. Она находилась на южном краю засечных (расположенных на оборонной линии) лесов, защищающих Московское государство от набегов татар — вполне вероятно, от предков Прокудина-Горского. Деревня Ясная Поляна принадлежала засечному голове Степану Карцеву.
В 1763 г. Ясную Поляну купил на имя жены князь Сергей Федорович Волконский. Его сын Николай Сергеевич, крупный вельможа екатерининского времени, в начале царствования Павла I вышел в отставку в чине генерал-аншефа и уехал в свое имение. Здесь он начал большое строительство. На высоком месте с широким видом на деревню и поля он построил два каменных флигеля, где сейчас расположены музеи, и заложил между ними трехэтажный дом, ниже разместил хозяйственные постройки, разбил парк, выкопал пруды. Своего деда Волконского, бывшего военного губернатора Архангельска, Толстой называл в воспоминаниях «умным, гордым и даровитым человеком». «Вероятно, у него было очень тонкое эстетическое чувство. Все его постройки не только прочны и удобны, но чрезвычайно изящны», — писал Лев Николаевич.

Князь Н. С. Волконский рано овдовел. После смерти на руках у него осталась единственная дочь Мария, воспитывавшаяся в обществе француженки-компаньонки. Всякий,

кто читал «Войну и мир», узнает предков Толстого в образах старого князя Болконского и его дочери княжны Марьи. Понятно, что имение Лысые Горы во многих деталях повторяет Ясную Поляну, взять хотя бы знаменитый «прешпект» — березовую аллею, которая вела от въезда к главному дому.

Дочь князя Николая Сергеевича вышла замуж за графа Николая Ильича Толстого, а имение стало свадебным приданым. От Волконского до наших дней сохранился только одноэтажный каменный флигель, известный как Дом Волконского. За время владения Ясной Поляной Толстой значительную часть пашен и выгонов засадил лесом и сильно расширил фруктовые сады. Писатель укрупнил один из флигелей и прожил в этом здании с перерывами более 50 лет, создав в нем большую часть своих произведений, в том числе «Войну и мир» и «Анну Каренину».

Здесь, в имении, и покоится прах гения русской литературы. В последние годы жизни Л. Н. Толстой неоднократно высказывал просьбу похоронить его в лесу Старый заказ, на краю оврага, на «месте зеленой палочки». Легенду о палочке Толстой услышал в детстве от своего любимого брата Николая. Тот объявил семье о великой тайне. Стоит раскрыть ее, и никто больше не умрет, не станет войн и болезней, и люди будут «муравейными братьями». Остается лишь найти зеленую палочку, зарытую на краю оврага. На ней тайна и записана. Дети Толстые играли в «муравейных братьев», усаживаясь под кресла, завешанные платками; сидя все вместе в тесноте, они чувствовали, что им хорошо вместе «под одной крышей», потому что они любят друг друга. Уже старым человеком Толстой напишет: «Очень, очень хорошо это было, и я благодарю Бога, что мог играть в это. Мы называли это игрой, а между тем все на свете игра, кроме этого».

Мемориальный музей был создан решением ВЦИК 10 июня 1921 во многом благодаря стараниям А. Л. Толстой, дочери Льва Николаевича. Она и ее брат Сергей Львович были первыми директорами.

В увековечении памяти великого писателя бесценную роль сыграли фотографии. По счастью, чем старше становился Лев Николаевич, тем стремительнее развивалось фотодело в России. Изображений молодого Толстого немного. Это дагерротипы (зеркальные отпечатки на посеребренной металлической пластине) 1849 и 1854 гг. и первые фотографии в современном значении этого слова, то есть отпечатки на бумаге, работы С. Л. Левицкого, М. Б. Тулинова, И. Жерюзе (1856, 1862 гг.). Почти четверть века семью писателя снимала фирма «Шерер, Набгольц и К». Первые любительские изображения писателя (за исключением автофотопор-

трета 1862 г.) сделали его сосед по имению князь С. С. Абамелек-Лазарев (1884 г.), друг семьи М. А. Стахович (1887 г.) и жена С. А. Толстая (1887 г.).

В 1901 г. в связи с отлучением Толстого от Церкви официально было запрещено снимать и распространять изображения писателя, поэтому его сделанных профессионально фотографий 1900-х гг. немного. В 1903 г., накануне семидесятипятилетия писателя, его сын Илья Львович пригласил в Ясную Поляну своего друга, профессионального фотографа Ф. Т. Протасевича, который сделал много снимков юбиляра, его семьи и гостей. Накануне восьмидесятилетия писателя (1908 г.) в Ясную Поляну приехал, как корреспондент «Нового времени», петербургский фотограф К. К. Булла с сыном. Последний профессиональный снимок Толстого в Ясной Поляне сделали фотографы фирмы «Отто Ренар», которые в 1909 г. приезжали в Ясную Поляну вместе с представителями фирмы «Граммофон», желающими записать голос «патриарха русской литературы».

Особый вклад в «фототолстовиану» внес В. Г. Чертков, младший друг писателя, собиратель, хранитель, редактор, переводчик его рукописей. Стараясь не нарушить уединения, которым Лев Николаевич очень дорожил, Чертков обычно следовал за ним на таком расстоянии, чтобы Толстой его «не слышал и не видел своими близорукими глазами». При случае фотографу приходилось прятаться, используя в качестве укрытия любую возможность. Иногда Толстой сам просил Черткова сфотографировать его. Известно, что в последние годы жизни Лев Николаевич не любил фотографироваться, называл фотографию «барской глупостью», и если он соглашался кому-либо позировать, то из нежелания обидеть или огорчить отказом. По словам его секретаря В. Ф. Булгакова, из всех снимавших Толстого Чертков был «единственным не неприятным ему». Тем более что, пользуясь в основном моментальными аппаратами, он редко просил позировать ему, чаще снимая «с рук», исподволь. Не владея сам в должной степени фотографическими навыками, Чертков привлекал в качестве помощника профессионального фотографа, англичанина Томаса Тапселя, который проявлял и печатал все снимки чертковской фотоколлекции. Тапсель даже проживал у Черткова до своей кончины в 1915 г.

Толстой противился распространению своих портретов. Но уникальный цветной фотопортрет работы Прокудина-Горского был сначала опубликован в августовском выпуске журнала «Записки Императорского Русского Технического общества» практически накануне восьмидесятилетия писателя, отмечавшегося 28 августа (9 сентября) 1908 г., а затем его распечатали в виде открыток, журнальных иллюстраций и «настенных картин». Копии с этого снимка хорошо знакомы современным почитателям творчества Льва Николаевича Толстого.

Выезд из Ясной Поляны. 1908

Ясная Поляна. Большой пруд и деревня. 1908

Группа школьников у пруда. В Ясной Поляне. 1908

Ясная Поляна. Нижний пруд. 1908

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ

Многие поклонники и исследователи творчества Прокудина-Горского задаются вопросом, почему на его снимках практически нет членов августейшей фамилии, ведь Сергей Михайлович встречался с Николаем II, получал допуски на важнейшие правительственные объекты и в резиденции, безусловно, пользовался доверием и расположением. Высказываются мнения, что Прокудин-Горский проводил и фото-, и киносъемку царской семьи, но все эти материалы либо тщательно упрятаны, либо утеряны.

И все-таки язык не повернется сказать, что в доступном нам сегодня историческом фотонаследии Романовым посвящено недостаточно материалов. Причем были не обделены вниманием не отдельные лица, не просто Романовы, современные Прокудину-Горскому, а целая династия, ее замыслы, усилия, триумфы и несчастья. На исходе Смутного времени в феврале 1613 г. Земский собор избрал царем сына патриарха Филарета — Михаила Федоровича Романова. Матерью нового самодержца была Ксения Ивановна, урожденная Шестова (ее портрет Прокудин-Горский сфотографировал в Тверском музее). Родителей первого царя из Романовых насильно сослали в дальние монастыри, после чего Михаил Федорович жил в семье своей тетки Марфы Никитичны Черкасской. После захвата Москвы поляками он оказался в осажденном земскими ополчениями городе. После освобождения уехал в Кострому и там узнал о своем избрании царем.

С именем Михаила Федоровича связан подвиг Ивана Сусанина, крестьянина из Костромского уезда. По легенде, был направлен польский отряд с целью уничтожить нового русского государя. Местный староста Иван Сусанин послал к царю своего зятя Богдана Сабинина. Предупрежденный Сабининым Михаил Федорович укрылся в Ипатьевском монастыре, а Сусанин намеренно завел поляков в непроходимое болото и был убит. В 1619 г. в жалованной грамоте Сабинину царь навечно освободил потомков Ивана Сусанина от всех государственных повинностей. Об этом свидетельствуют фотографии жалованных грамот, сделанные в неприметном, казалось бы, костромском селе Коробово, месте проживания потомков Сусанина.

Еще одно глухое место, связанное с царской фамилией, — уральская деревня Ныроб (Ныробка), куда в 1601 г. Борисом Годуновым был сослан стольник и окольничий Михаил Никитич Романов, дядя будущего царя Михаила Федоровича. Впоследствии, в 1621 г., после прихода Романовых к власти, за помощь ссыльному царскому родственнику, которого содержали в земляной яме и уморили голодом, жители Ныроба были освобождены от государственных налогов.

Всего династия Романовых дала стране пять царей: преемником Михаила Федоровича стал его сын Алексей Михайлович (Тишайший), затем три его сына — Федор Алексеевич, Иван V и Петр I. Последний в 1721 г. принял императорский титул. С тех пор Россией правили императоры.

Петр I заслуженно лидирует по количеству «упоминаний» на фотографиях Прокудина-Горского. Вечными памятниками императору стали целые города, основанные им, и не только Петербург — достаточно назвать Петрозаводск, Таганрог, Липецк. Не говоря уже о верфях, заводах и прочем.

Многое в петровской топонимике связано с созданием российского флота, начиная с «потешной» флотилии на Плещеевом озере в современной Ярославской области. Первым морем, которое «покорял» Петр, было Белое. В Архангельске Петр наблюдал за торговлей с иноземцами и убедился, что для лучшего, более выгодного торга и для отражения неприятеля надо иметь свой флот. В 1700 г. «у Архангельского города, на Соломбальской верфи, государевых шесть кораблей больших основали и делать начали».

Начало образованию так называемой Петрозаводской слободы положил оружейный завод, заложенный в 1703 г. по указу Петра I на берегу рядом с устьем реки Лососинки. В декабре 1703 г. завод выпустил пробную продукцию, с начала 1704-го четыре доменные печи заработали на полную мощность, и вскоре оружейный завод стал крупнейшим предприятием государства. Для императора здесь построили двухэтажный деревянный дворец, походную церковь, выкопали пруд. Вокруг двора разбили сад, рядом была сооружена церковь Петра и Павла, увенчанная высоким шпилем.

Начавшаяся война с Турцией потребовала возобновления производства корабельных и крепостных орудий. В сентябре 1772 г. Екатерина II подписала указ о строительстве нового пушечно-литейного завода. В мае 1773 г. состоялась закладка фундамента, а 12 июля 1774 г. проверили в действии первую пушку. Императрица приказала назвать завод Александровским (во время строительства его называли Новопетровским). Спустя несколько лет после постройки завода слободу переименовали в город Петрозаводск, который в 1781 г. стал центром Олонецкой области. В 1819 г. Петрозаводск посетил император Александр I. В память об этом событии была построена заводская церковь (1826—1831), а улицу Слободская (или просто Слобода) переименовали в Александровскую. В 1858 г. город посетил император Александр II.

Что до Петра I, он возвеличил династию Романовых и в то же время чуть не убил ее, женившись на безродной маркитантке Марте Скавронской. Став впоследствии императри-

цей Екатериной I, она все свое время посвящала балам, празднествам, застольям и кутежам, не заботясь вовсе делами государства, а после своей смерти невольно ввергла Россию в череду дворцовых переворотов. В конце концов, дочь Петра Елизавета с помощью гвардии свергла с трона Ивана VI, сына герцога Брауншвейгского, единственного представителя Брауншвейгской ветви династии Романовых на русском троне. Бездетная Елизавета выбрала в наследники жившего в Германии племянника Петра III, а в невесты ему определила заштатную немецкую принцессу Фике. И возможно, это оказалось лучшее деяние Елизаветы: благодаря незаурядным уму и силе характера, Фике превратилась в Екатерину II Великую. Правда, супруг ее скончался при странных обстоятельствах, а сама она успешно узурпировала власть, не собираясь поступаться всей ее полнотой и в пользу законного наследника, своего сына Павла Петровича. Павел I процарствовал чуть больше четырех лет после смерти матушки и был задушен с молчаливого согласия своего наследника — будущего Александра I. Тот скончался бездетным, передав власть брату Николаю I. Ему наследовал старший сын Александр II, затем императором стал Александр III, и завершилась династию Романовых в России Николаем II, которого сначала вынудили отречься от престола, а затем расстреляли вместе с семьей и самыми преданными слугами и домочадцами.

...Если говорить о Романовых в фотографиях, то, по идее, летопись должна начаться при Николае I. История фотографии ведется от 1839 г., а осенью этого же года Николай I внимательно ознакомился с дагерротипным аппаратом, приобретенным хозяйственными службами Министерства Императорского двора. Однако после осмотра аппарат передали в Академию художеств, и не осталось ни одной фотокарточки Николая I. На рубеже 1850–1860 гг. появляются первые официальные фотографии, запечатлевшие внешний облик членов императорской фамилии. Со временем сложился круг профессиональных фотографов, которые монополизировали за своими ателье права на съемку высочайших клиентов. К их числу можно отнести фотографов К. И. Бергамаско, А. И. Деньера, И. Дьяговенко, А. А. Пазетти и К. А. Фишера. Однако самым известным мастером считался Сергей Львович Левицкий. Именно Левицкому принадлежат хрестоматийные фотографии семьи Александра II и Александра III. Именно его приглашали для фотографирования скончавшихся российских монархов и церемоний коронации.

Надо отметить, что счета за фотографии были весьма значительными.

Монопольное право на тиражирование фотопортретов последнего русского императора получила Царскосельская фирма «К. Е. фон Ган и Ко». История фирмы начинается в 1 июня

1891 г., когда выходец из Варшавы Карл Андреевич Ягельский совместно с женой старшего инженер-механика К. Е. Якобсон, урожденной Ган, открывают фотоателье под маркой «К. Е. фон Ган и Ко». В 1897 г. совладелицей А. К. Ягельского стала вдова титулярного советника В. И. Засельская, а «привилегия художественной собственности» на снимки императорской семьи перешла к А. К. Ягельскому. В 1911 г. высочайшим указом ему было присвоено звание «Фотограф Его Величества». Только за 1910 г. он напечатал от 1500 до 2000 фотокарточек. Более того, последние снимки он сделал в Тобольске во второй половине 1917 года.

Но и сами августейшие особы, Николай II и Александра Федоровна, были заядлыми фотографами-любителями. К тому времени в продаже появились надежные фотоаппараты «Кодак». Первые опыты любительской фотографии последнего императора и его супруги относятся к 1896 г., когда после коронации царская семья отдыхала в подмосковном Ильинском. Венценосные «любители» запечатлели более 500 сюжетов. Первенство принадлежало Александре Федоровне. Так, в 1896 г. она оплатила два счета — английской фирме за фотографические принадлежности (на 9 фунтов стерлингов, или 85 рублей 65 копеек) и (на 25 рублей) фотографу И. И. Карпову за исполненные фотографические работы, две коробки пленок и чехол для объектива.

В одном из парковых павильонов близ Александровского дворца в Царском Селе оборудовали фотомастерскую, где в год проявлялось до 2 тысяч фотопластинок, с которых печатали фотографии, сделанные членами императорской семьи.

Однако счета от фирмы «Ган и Ко» оставались весьма внушительными. Например, в августе 1914 г. Александра Федоровна оплатила пять счетов фирмы Гана на 4 800 рублей, что сопоставимо со счетами за ювелирные изделия.

Со временем увлеклись фотографией и дети царской четы. Все дочери имели собственные фотографические аппараты. Охотно занималась фотографией даже пожилая вдовствующая императрица Мария Федоровна. В своем дневнике за 1914 г. она (28 июня) упоминает о своей прогулке в Гайд-парке, «где делала фотоснимки». Собственный фотоаппарат имел и цесаревич Алексей. По крайней мере, в 1916 г. он на свои деньги четырежды приобретал фотографические принадлежности фирмы «Кодак». Представление о количестве фотоаппаратов в царской семье дают описи Гатчинского дворца. Так, в Уборной и в Шкафной комнатах великого князя Михаила Александровича хранились аппарат фотографический типа клапкамеры, с объективом. В Передней и в Проходной комнатах — фотоаппарат «Folding Pocet Kodak» и еще три фотоаппарата. Полковник А. И. Спиридович, возглавлявший Отряд под-

вижной физической охраны, стал фактически еще одним домашним фотографом Романовых, поскольку по долгу службы он был обязан постоянно находиться поблизости от императора. Значительный вклад в фотолетопись последней императорской семьи внесла и ближайшая подруга императрицы Александры Федоровны, фрейлина А. А. Вырубова.

Какими бы правителем ни был Николай II, в последний, трагический период жизни ему и его супруге были присущи стойкость, благородство, взаимная сплоченность, терпеливость по отношению к их тюремщикам. Они могли быть подвергнуты суду, а вместо этого их расстреляли вместе с совершенно безвинными четырьмя дочерями и цесаревичем. И вполне вероятно, что именно этот бесчеловечный акт настолько потряс ученого и фотографа С. М. Прокудина-Горского, что он не пожелал остаться в России и работать на советскую власть, которая была весьма заинтересована в таком сотрудничестве.

Белый дворец в усадьбе «Ботик» на Переяславском озере.
Близ Переяславля-Залесского. 1911

Евангелие Царя Алексея Михайловича и сосуды царя Михаила Федоровича.
Успенский монастырь в городе Александрове. 1911

Ботик Петра I. Близ Переяславля-Залесского. 1911

Часовня времени Петра I у водопада Кивач. Деревня Викшица. 1916

Памятник Петру I у Петропавловского собора на берегу реке Свири.
Лодейное Поле. 1916

Цепи, которыми был прикован Михаил Никитич Романов. Урал. Миньяр.
Точная дата съемки неизвестна

Та же часовня на месте, где был заключен Михаил Никитич Романов,
вид с запада. Село Ныроб. 1913

Изобразительное издание

Ц275 **Цветная империя. Россия до потрясений.** Фотограф Сергей Михайлович Прокудин-Горский. — М. : РИПОЛ классик, 2015. — 424 с. : ил.

ISBN 978-5-386-08095-2

Сергей Михайлович Прокудин-Горский — первооткрыватель цветной фотографии в России, ученый-исследователь, ученик Дмитрия Менделеева. На долгие-долгие годы его имя было забыто во всем мире, и только в начале века 21-го благодаря современным технологиям у нас появилась возможность познакомиться с коллекцией мастера и великого изобретателя.

В первое десятилетие 20-го века Сергей Прокудин-Горский задумал и осуществил несколько масштабных фотоэкспедиций в 11 регионов Российской империи, путешествуя в специально оборудованном железнодорожном вагоне, предоставленном ему Министерством путей сообщения.

1900 негативов сохранились, и мы можем увидеть цветную империю — Россию столетней давности: людей разных национальностей, города и губернии, культуру и природу, монастыри и храмы, ремесла и промыслы, масштабные стройки и сельское хозяйство, промышленность и полезные ископаемые.

Перед вами предстанет живой портрет огромной державы — страны накануне бедствий и потрясений. Пройдет совсем немного лет, и империю, которую запечатлел Прокудин-Горский, смоет с лица земли волной революции.

А «эти изображения вечны — не изменяются», — как говорил сам мастер... И оказался прав...

УДК 77
ББК я6

ЦВЕТНАЯ ИМПЕРИЯ. РОССИЯ ДО ПОТРЯСЕНИЙ.
ФОТОГРАФ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ПРОКУДИН-ГОРСКИЙ

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Шеф-редактор *Юрий И. Крылов*
Ведущий редактор *Татьяна Чурсина*
Выпускающий редактор *Лариса Данкова*
Макет и оформление обложки: *Константин Журавлев*
Подбор иллюстраций: *Гелена Слабко*
Компьютерная верстка: *Наталья Горяченкова*
Корректор *Вера Павлова*

Издание имеет значительную историческую / художественную / культурную ценность для общества.
В соответствии с пунктом 2 статьи 1 Федерального закона от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ
знак информационной продукции не ставится

Подписано в печать 15.09.2015 г. Формат 60x90/8
Гарнитура Fedra Sans Pro. Печать офсетная. Бумага мелованная
Усл. печ. л. 53,0. Тираж 1500 экз. Заказ № 109565

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

ООО «Прогресс РК»

Отпечатано: SIA «PNB Print», «Янсили», Силакрогс,
Ропажский район, Латвия, LV-2133
www.pnbprint.eu

Сергей Михайлович Прокудин-Горский – первооткрыватель цветной фотографии в России, ученый-исследователь, ученик Дмитрия Менделеева. На долгие-долгие годы его имя было забыто во всем мире, и только в начале века 21-го благодаря современным технологиям у нас появилась возможность познакомиться с коллекцией мастера и великого изобретателя.

В первое десятилетие 20-го века Сергей Прокудин-Горский задумал и осуществил несколько масштабных фотоэкспедиций в 11 регионов Российской империи, путешествуя в специально оборудованном железнодорожном вагоне, предоставленном ему Министерством путей сообщения.

1900 негативов сохранились, и мы можем увидеть цветную империю – Россию столетней давности: людей разных национальностей, города и губернии, культуру и природу, монастыри и храмы, ремесла и промыслы, масштабные стройки и сельское хозяйство, промышленность и полезные ископаемые.

Перед вами предстанет живой портрет огромной державы – страны накануне бедствий и потрясений. Пройдет совсем немного лет, и империю, которую запечатлел Прокудин-Горский, смоет с лица земли волной революции.

А «эти изображения вечны – не изменяются», – как говорил сам мастер…
И оказался прав…

ISBN 978-5-386-08095-2